

РУССКІЙ ТУРКЕСТАНЪ

338.1/47/

Р 894

СБОРНИКЪ

изданный по поводу

ПОЛИТЕХНИЧЕСКОЙ ВЫСТАВКИ

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

СТАТЬИ ПО ЭТНОГРАФИИ, ТЕХНИКЪ, СЕЛЬСКОМУ
ХОЗЯЙСТВУ, И ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ.

подъ редакціею В. Н. Троицкаго.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
МАШ. ЛИБРАР. 3

77049

1890

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К^о),
на Страстномъ бульварѣ.

1872.

№ 105345

ТАДЖИКИ.

А. Д. ГРЕБЕНКИНА.

Съ занятіемъ города Туркестана (1864 г.) мы вступили въ страну таджиковъ и чѣмъ далѣе съ того времени подвигались на востокъ и югъ, тѣмъ таджикское населеніе встрѣчалось чаще и чаще; наконецъ, въ западныхъ отрогахъ Тяньшана, изъ которыхъ берутъ свое начало Чирчикъ, Ангренъ, Сыръ, Аксу и Заравшанъ, оно обратилось въ преобладающее надъ тюркскимъ, а мѣстами—въ совершенно сплошное таджикское, безъ примѣси другой народности. И такъ, въ теченіе шести лѣтъ мы, русскіе, уже имѣемъ дѣло не съ однимъ тюркскимъ населеніемъ, но и съ арійскимъ; въ теченіе шести лѣтъ мы имѣли полную возможность изучать остатки древнихъ обитателей Средней Азіи, изслѣдовать ту форму, въ которую измѣнилось это племя, нѣкогда владѣвшее большею частию Азіи, бывшее представителемъ цивилизаціи всего міра. Мы все свое вниманіе обратимъ исключительно на таджиковъ Заравшанскаго округа и только изрѣдка, для разъясненій или поясненій, будемъ говорить о таджикахъ другихъ оазисовъ средней Азіи.

Таджики имѣютъ въ Заравшанскомъ округѣ три названія: общее—„таджикъ“, частное для выходцевъ изъ Мерва—„тадь“ и бранное „сартъ“, или „сасыкъ-сартъ“.

Названіе таджикъ туземцы производятъ отъ *тадж* и *ли*, т.-е. коронованный; слѣдовательно это названіе они получили еще въ отдаленныя времена, когда ихъ цари носили ко-

рону. Туркмены называютъ таджиковъ тадь. Жители города Мерва, приведенные въ Бухарское ханство эмиромъ Ша-Муратъ-бекомъ, называютъ себя „тадь“ и ирани; они говорятъ: „мы родъ *тадь*, племени персидскаго“. Въ Мервѣ тадь играли ту же роль, какъ и таджики въ Самаркандѣ, Бухарѣ и другихъ городахъ Средней Азіи. Замѣчательно, что изъ всѣхъ мервцевъ Самарканда одни „тадь“ имѣютъ своимъ природнымъ языкомъ языкъ персидскій; занятія ихъ и типъ — тѣ же, что и у таджиковъ.

Теперь обращаюсь къ третьему названію таджиковъ: сартъ. Этимологія этого слова мнѣ неизвѣстна. Туземцы тоже не знаютъ прямаго его значенія, не знаютъ его корня. Объясненія ихъ слова „сартъ“ состоитъ изъ уподобленій, сравненій съ разными ругательствами. Сартъ значитъ: баба, трусь, барышникъ и проч. „Сасыкъ-сартъ“ (тухлый сартъ) кричитъ кара-калпакъ, бранясь съ таджикомъ. Во время войны, при осадѣ городовъ, узбекскіе наѣзтники, подсакивая къ стѣнамъ и махая плетью, кричатъ: а-е-и сартъ! съ прибавленіемъ другихъ бранныхъ словъ, которыми такъ богаты ихъ лексиконъ. Наконецъ, узбекъ рѣдко когда скажетъ: таджикъ, а всегда: „таджикъ-сартъ“, при чемъ слово: сартъ выговорить съ особеннымъ, язвительнымъ выраженіемъ. Сами узбеки говорятъ: „таджика мы называемъ таджикомъ, когда ѣдимъ съ нимъ, а сартомъ — когда бранимъ его“. Таджики утверждаютъ, что названіе сартъ имъ передали русскіе и зависимые отъ русскихъ киргизы, но сами они (заравшанцы) этого имени не признаютъ. Намъ кажется, что странный эпитетъ „сартъ“ распространенъ исключительно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кочуютъ киргизы. Туркестанъ, Чемкентъ, Ташкентъ и другіе города долины Туркестанскаго края окружены кочевниками и въ этихъ городахъ слово: сартъ — привычный уху звукъ. Въ горныхъ же городахъ и кишлакахъ, гдѣ или нѣтъ вовсе или очень мало киргизъ и узбековъ, въ Кураминскомъ, Ходжентскомъ и Джизакскомъ уѣздахъ и въ Самаркандскомъ отдѣлѣ названіе сартъ или вовсе не употребляется, или весьма рѣдко. Да и вообще, по мѣрѣ удаленія

отъ береговъ Сыра на югъ, названіе сартъ становится все болѣе и болѣе рѣдкимъ и уже въ Шегрисябскихъ владѣніяхъ и въ городѣ Карши намъ не приходилось его слышать *).

Таджики долины округа нигдѣ не засѣляютъ его сплошной полосой; они разбросаны по ней спорадически, отдѣльными группами, сосредоточиваясь въ городахъ и кишлакахъ, какъ пригородныхъ, такъ и въ болѣе или менѣе удаленныхъ отъ городовъ. Кромѣ того, они живутъ по нѣсколько или по одному семейству въ чисто узбекскихъ кишлакахъ. Таджики заселяютъ пять городовъ: Самаркандъ, Ургутъ, Катта-Курганъ, Пенджекентъ и Пеншамбе и 52 кишлака. Горные же таджики округа, на оборотъ, имѣютъ своею территоріей сплошныя пространства отъ Суджины и отъ Ургута на востокъ, вверхъ по Заравшану и его притокамъ.

Такимъ образомъ таджики въ округѣ размѣщены не равномерно; на западѣ и сѣверѣ округа ихъ нѣтъ; въ срединѣ же его начиная отъ Катта-Кургана на Самаркандъ и 6 верстъ за него, они наиболѣе распространены въ долинѣ; далѣе таджикское населеніе поворачиваетъ на юго-западъ, чрезъ Тайлякъ и Джюма-базаръ на Ургутъ, съ котораго уже становится горнымъ и сплошнымъ. Отъ Самарканда до Пенджекента, на пространствѣ 60 верстъ нѣтъ таджиковъ; но начиная отъ названнаго города, оно опять появляется, а съ Суджины дѣлается сплошнымъ. По южной границѣ округа таджики живутъ только въ нѣсколькихъ деревняхъ; всѣ они выходцы изъ Когистана.

О свойствахъ занимаемой таджиками территоріи мы не будемъ говорить: они, какъ видно изъ только что сказаннаго о ихъ распространеніи, поселились въ городахъ и кишлакахъ, разбросанныхъ между узбекскими родами, которыхъ территоріи въ своемъ мѣстѣ будутъ описаны. Да кромѣ того таджикъ долинъ не прикрѣпленъ, подобно узбеку — земле-

*) Узбекскій родъ „митанъ“ имѣетъ много пѣсенъ, которыя по ихъ преданію, сочинены еще въ то время, когда они были въ Россіи. Въ одной изъ нихъ говорится: въ Самаркандѣ попадешь въ руки къ проклятымъ сартамъ. Эту пѣсню знаютъ и на низовьяхъ Урала.

дѣльцу къ мѣсту; онъ свободный и всегда стремится къ переселенію въ города.

Городъ и таджикъ такъ тѣсно связаны въ понятіи среднеазіятца, что узбеки, напримѣръ, считаютъ всѣхъ, живущихъ въ городахъ, не иначе какъ таджиками. Кѣмъ населенъ Яны-Курганъ? Таджиками, отвѣчаетъ узбекъ и если усумниться въ таджикскомъ происхожденіи яны-курганцевъ, то узбекъ обидно-снисходительно замѣтитъ: почему же они не таджики? Вѣдь они живутъ въ городѣ и занимаются торговлею? Яснѣ этаго аргумента для узбека ничего быть не можетъ.

Городъ есть настоящее мѣсто-жительства таджика и только въ городѣ таджикъ въ своей сферѣ. Это стремленіе таджиковъ къ торговымъ и промышленнымъ центрамъ вытекаетъ изъ склада ихъ характера, изъ природной ихъ любви къ торговлѣ, мелкому барышничеству, къ суетливой жизни, что, въ своей совокупности, даетъ жизнь и движеніе округу и дѣлаетъ таджика вполне необходимымъ для узбека, по крайней мѣрѣ въ настоящее время. Но если таджикъ по своей натурѣ горожанинъ и стремится поселиться въ городахъ, то съ другой стороны ему въ этомъ часто мѣшаютъ чисто физическія условія: недостатокъ мѣсть внутри городовъ и сплоченность узбекскаго населенія кругомъ городскихъ стѣнъ — извнѣ. Эти условія привели къ тому, что азіятскіе города застроены весьма тѣсно, такъ что домъ давить домъ и даже при весьма плохихъ строительныхъ матеріалахъ дома вырастаютъ двухэтажные, дворы бываютъ самыхъ микроскопическихъ размѣровъ, а о площадяхъ—и помину нѣтъ! Если смотрѣть на азіятскій городъ сверху, то кажется, что плоскія крыши его строеній сливаются, примыкаютъ одна къ другой, образуютъ одну сплошную крышу города. Окончательный недостатокъ мѣсть для построекъ въ городѣ заставляетъ таджиковъ, помимо ихъ собственнаго желанія, селиться въ кишлакахъ и въ этомъ случаѣ они избираютъ для своихъ поселеній мѣста ближайшія къ городамъ, большимъ караваннымъ дорогамъ и базарнымъ мѣстамъ или крѣпостцамъ, имѣя въ виду, при первой представившейся возможности переселиться въ городъ или его предмѣстье.

На обозначенной въ общихъ чертахъ территоріи живутъ, совершенно различныя по типу и языку, таджики, одинаковыя только по своимъ духовнымъ качествамъ. Туземцы округа говорятъ совершенно вѣрно: „*всякій городъ имѣетъ своихъ таджиковъ*“. Понятіе, что каждый городъ имѣетъ своихъ таджиковъ, такъ вкоренилось въ нихъ, что они всегда называютъ себя по городамъ. Если спросить узбека: кто онъ такой, то онъ отвѣтитъ: я узбекъ, ктай, катаганъ и т. п. Таджики же на такой вопросъ скажетъ: я бухарець, ташкентецъ, ходжентецъ, самаркандецъ и проч., но не скажетъ или въ рѣдкихъ случаяхъ скажетъ: я таджикъ. Въ Средней Азіи принято, ввелось въ обычай, что если кто называетъ себя по имени города, то онъ таджикъ. Сказать таджикъ, все равно, что сказать узбекъ. Не отличить узбека катагана отъ узбека ктая—невозможно. Точно также нельзя не отличить по достаточномъ изученіи—таджика пенджекентца отъ таджика—гисарца и т. д.

Таджики долины *) не выражаютъ собою какойнибудь установившейся типъ; это не то что родовитый ктай-узбекъ. Племя таджикское, если можно такъ выразиться, безлично, или лучше сказать: замѣтно выражаетъ въ себѣ типы всѣхъ племенъ, населяющихъ округъ, такъ что сказать: типъ таджика такой-то, нѣтъ никакой возможности. Таджики округа есть амальгама всѣхъ, населяющихъ его народностей. Помѣсь, называемая таджиками, отражаетъ въ себѣ типы: узбекскій, татарскій, еврейскій, цыганскій, даже славянскій, арабскій, персидскій, индійскій и у нея только одно общее—это духовная сторона: къ какому бы племени ни относился таджикъ по лицу, онъ всегда и прежде всего торговецъ, легковѣрный и въ извѣстныхъ положеніяхъ—трусъ. Въ округѣ очень много пришлыхъ таджиковъ изъ Ташкента, Ходжента, Кокана, Маргеляна, Андиджана, Карши, Гиссара, Бухары; короче сказать почти изъ всѣхъ городовъ Средней Азіи стекались таджики при заселеніи округа, послѣ послѣдней катастрофы (120 лѣтъ

*) О горныхъ таджикахъ въ этомъ очеркѣ мы не будемъ говорить.

тому назадъ случившейся). Всѣ эти пришлые, имѣя свои типичные отпечатки, столкнувшись въ округѣ, перемѣшались между собою и еще болѣе усложнили теперешній типъ таджика. Онъ не поддается обрисовкѣ нѣсколькими чертами и а иногда и совершенно въ нихъ теряется.

Однако, не смотря на все вышесказанное, при достаточно внимательномъ наблюденіи таджиковъ долины округа, они могутъ быть отнесены къ двумъ, весьма характернымъ группамъ. Въ одной изъ нихъ преобладаетъ кровь узбекская; въ другой кровь остальныхъ народностей Средней Азіи. Кромѣ того, одна группа отличается отъ другой языкомъ и мѣстомъ жительства, т. е. первая группа живетъ по преимуществу въ деревняхъ и говоритъ преимущественно на узбекскомъ языкѣ, вторая же имѣетъ мѣстомъ своего жительства преимущественно города и говоритъ преимущественно на персидскомъ нарѣчій. Таджики второй группы—цвѣтъ населенія округа; по лицу и вообще по всему тѣлосложенію, а также и по уму они стоятъ выше всѣхъ остальныхъ его народностей. Въ ней преобладаютъ люди съ нѣжными, правильными, чисто европейскими чертами лица, легкаго, граціознаго, но не сильнаго тѣлосложенія; съ цвѣтомъ лица бѣлымъ, съ чуть замѣтнымъ оттѣнкомъ смугловатости; съ глазами большими, продолговатаго разрѣза, черными и только весьма рѣдко голубыми. Волосы у нихъ по преимуществу черные, но встрѣчаются, хотя и весьма рѣдко, рыжіе (навѣрно помѣсь съ евреями или казанскимъ татаринимъ). Ихъ брови бываютъ прямыя, точно подведенныя. Борода густая, формы отъ окладистой до того, что называется клиномъ. Что касается до формы носа, то онъ лучше всего даетъ понятіе: къ какой помѣси, еврейской, авганской и проч. принадлежитъ таджикъ и переходитъ отъ чисто орлинаго до формы носа, о которомъ говорятъ, что онъ „топоромъ“.

Еврейскія и персидскія черты преобладаютъ въ этой группѣ, особенно въ Самаркандѣ, такъ какъ въ Самаркандѣ много евреевъ и персіанъ, съ которыми таджики весьма охотно вступаютъ въ бракъ. Кромѣ того, молодые евреи, вслѣдствіе

особыхъ причинъ, въ прежнее время добровольно или по принужденію, обращались въ мусульманство, причисляя себя къ таджикскому племени: еврей мусульманинъ самъ себя называетъ таджикомъ; также называютъ его и прочіе мусульмане.

Красивая еврейка, а такихъ между ними очень много, поправившаяся мусульманину, особенно знатному или духовному, дѣлалась его женой, перемѣнивъ первоначально вѣру, и дѣлаясь вслѣдствіе этого таджичкой. Горожане, какъ болѣе богатые, держали рабовъ и рабынь изъ персіянъ, что само собою, оставляло замѣтные слѣды въ нараждающемся поколѣніи персидской крови. Родившійся отъ рабыни и таджика, если хочеть отецъ, причисляется къ семьѣ и становится таджикомъ.

Индійцы, какъ извѣстно, проживаютъ въ округѣ безъ женъ и жениться не имѣютъ права; такое безбрачное положеніе индійцевъ, живущихъ обыкновенно въ средѣ таджикскаго населенія, тоже не осталось безъ естественныхъ послѣдствій. Если еще прибавить, что откровенные таджики не стѣсняясь говорятъ, что они не знаютъ, которые изъ дѣтей ихъ жень принадлежатъ имъ, то станетъ яснымъ, почему таджикскій типъ заключаетъ въ себѣ отпечатокъ всѣхъ народностей, среди которыхъ она живетъ.

Въ Катта-Курганъ и его окрестностяхъ много арабовъ, что и отразилось на катта-курганскихъ таджикахъ. Въ Пеншамбе есть еврей и это тоже не прошло безслѣдно для пеншамбинскаго таджика. Ургутскій таджикъ обновляется преимущественно кровью гальча, что выразилось въ его рѣзкихъ, энергическихъ чертахъ и сильномъ сложеніи *).

Изъ сказаннаго о второй группѣ таджиковъ Заравшанскаго округа, изъ представленнаго выше очерка ея типа, не слѣдуетъ заключать, что въ немъ вовсе незамѣтна кровь узбека:

*) Около Ташкента есть деревня Ногай-Курганъ, заселенная почти исключительно татарамъ, выходцами изъ разныхъ концовъ Россіи. Кромѣ того, въ самомъ городѣ Ташкентѣ и его окрестностяхъ много татаръ. Ихъ *тиль* и *языкъ* отразились на всемъ ташкентскомъ населеніи, хотя въ этомъ городѣ есть и *чистые* таджики, съ правильнымъ, персидскимъ говоромъ.

таджики этой группы въ большинствѣ случаевъ не свободны отъ этой примѣси, но она, такъ сказать, только проглядываетъ, составляетъ побочную, а не характерную черту ея типа.

Совершенно не то мы видимъ въ первой группѣ. Членовъ ея составляютъ по преимуществу таджики деревень, окруженныхъ узбекскими деревнями. Эти таджики вполне поглощены узбекской средой; они слились съ узбеками земледѣльцами и главнымъ занятіемъ самихъ ихъ служить земледѣліе; первый беретъ себѣ въ жены дочь втораго и обратно. Языкъ персидскій, какъ роскошь при подобной обстановкѣ, почти совершенно изгнанъ изъ семейства таджиковъ этой группы.

Кровь монгольская, какъ кровь сильнѣйшаго народа, стала на столько преобладающей надъ арійской въ этой группѣ, что нужно много наблюдательности, чтобы отличить такого таджика отъ узбека. Однако на сколько бы ни *обузбечился*, если можно такъ выразиться, таджикъ, ни одинъ родъ, ни одно отдѣленіе узбековъ не признаетъ его за своего, за узбека, но всегда отличить его названіемъ таджикъ, а подъ худую руку—сартъ. Утеревъ свой арійскій складъ лица, таджики деревень удержали нѣкоторые изъ обычаевъ и занятій, свойственныхъ всѣмъ вообще таджикамъ и охоту къ торгашеству. Узбекъ при первой возможности обзаведется скотомъ, перейдетъ въ степь къ своимъ родичамъ и будетъ кочевать. Таджикъ-узбекъ, скопивъ деньги, въ большей части случаевъ, дѣлается джальябъ-сатаромъ (перекупщикомъ, кулакомъ), а потомъ и саудагаромъ (купцомъ); пріобрѣтетъ въ городѣ или городскомъ предмѣстьѣ лавчонку и прибавитъ къ своему имени эпитетъ „бай“ (богатый, значительный).

Узбекъ не охотно ткеть; онъ выдѣлываетъ мату, бузь, и рѣдко—алачу. Таджикъ узбекъ мату и бузь почти не ткеть; онъ берется за выдѣлку болѣе цѣнныхъ матерій, требующихъ большого искусства; онъ производитъ: адрясъ, аладу, каламу и хосу хорошаго достоинства. Первый, говоря вообще, не любитъ пляску бачей; второй, и съ лицомъ узбека, поклонникъ базымовъ и бачей. Точно также узбекъ не любитъ мулъ и не посылаетъ — развѣ при исключительныхъ обстоятель-

ствахъ—своихъ сыновей въ медресе. Для таджика-узбека мулла всегдашняя мечта, онъ на муллу смотритъ какъ на—саудагара своего рода, и очень хорошо понимаетъ, что съ этимъ званіемъ связано тунейство, зашибаніе ни зато ни засе денегъ, а потому при первой возможности отсылаетъ своего сына въ медресе.

Какъ упомянуто нами выше, по лицу, таджики первый группы—тѣ же узбеки; только въ нихъ смягчено угловатое, рѣзкое очертаніе лица узбека и оно перешло въ болѣе мягкое; скулы у нихъ не такъ выдаются, глаза немного косо вставленные и больше, носъ болѣе прямой и лучшей, на взглядъ европейца,—формы. Борода гуще и волоса растутъ на щекахъ, тогда какъ у здѣшняго узбека, хотя и бываетъ борода, но за то не бываетъ на щекахъ густыхъ волосъ. Впрочемъ, между узбеками округа, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, встрѣчается весьма много особей, положительно ничѣмъ не отличающихся отъ таджиковъ деревень. Прибавимъ еще, что таджики деревень стараются брать въ жены узбечекъ, какъ женщинъ сильныхъ и неутомимыхъ работницъ. Красота тутъ не при чемъ.

Мы, описывая таджиковъ, раздѣлили ихъ на двѣ группы, и это дѣленіе не совсѣмъ произвольное; по крайней мѣрѣ характерныя особы каждой изъ нихъ до того рѣзко отличаются между собою, что нѣтъ мѣста мысли о ихъ смѣшиваніи. Но зато есть грань, на которой они сливаются, гдѣ одна группа уже переходитъ въ другую.

Есть ли *чистый* таджикъ? Что такое таджикъ?—Въ Средней Азійи происходитъ борьба, главнымъ образомъ, между двумя племенами: арійскимъ и монгольскимъ и въ этой борьбѣ за типъ выказывается вся *органическая* жизнь Средней Азійи. Борьба эта выработываетъ особую породу людей, въ которой будутъ соединены физическія и духовныя особенности обоихъ реагентовъ. Масса и цѣльность на сторонѣ узбековъ; развитіе — на противной сторонѣ. Поэтому намъ кажется, что чисто физическія свойства новаго типа, свойства линій и размѣровъ, будутъ, какъ оно уже есть и теперь,

гдѣ соединеніе произошло, сильно напоминать монголовъ, духовная-же сторона болѣе склонится на сторону арійскаго племени, за которымъ давность духовнаго развитія. По нашимъ собственнымъ, шести-лѣтнимъ наблюдениямъ, физическая сторона таджика черезъ—чуръ слаба, неустойчива. Отъ помѣси таджика съ другою народностью всегда является индивидуумъ съ чертами этого втораго элемента смѣси. Для насъ это служить признакомъ, что теперешній таджикъ Средней Азій (долинъ, а не горъ) уже много привялъ въ себя чуждой его коренному племени крови, что чистаго таджика въ долинахъ Средней Азій нѣтъ. Это наше мнѣніе. Что такое таджикъ? Этотъ вопросъ мы оставимъ вопросомъ.

Таджики не дѣлятся на роды или отдѣленія, подобно узбекамъ; они утратили дѣленіе. По поводу такого отсутствія между таджиками дѣленій, узбеки смѣются и говорятъ: „таджики не знаютъ своего отца, своей крови, у нихъ нѣтъ родословной; они не люди, а сарты“. Таджики же, на эти насмѣшки возражаютъ: „мы народъ отца, у котораго былъ одинъ сынъ, одинъ внукъ и одинъ правнукъ, а потому и разныхъ дѣленій, существующихъ у узбековъ, у насъ быть не можетъ“. Не смотря на это, таджики, изъ подражанія ли узбекамъ, или по другимъ какимъ либо причинамъ, довольно строго сохраняютъ названія, присвоенныя ими себѣ, или по прежнему имени своего мѣстожительства, или по исключительнымъ занятиямъ, или наконецъ отъ предковъ.

Мы приведемъ для примѣра нѣсколько подобныхъ названій извѣстныхъ только въ Самаркандѣ:

1) Таджики — *джаусаръ*, живутъ около воротъ Пули-Сафить.

2) *Саетъ* (охотники) занимали самаркандскую цитадель; по занятіи ее русскими, расселились по городу и его предмѣстьямъ.

3) *Баги-Балаянди* и *Баги-Майдани*, носятъ названія по кишлакамъ, изъ которыхъ они переселились въ городъ, 60 лѣтъ тому назадъ.

4) *Матрида* называются по имени святаго Матриды, ихъ предка.

5) *Махалла* (кварталь), приняли это названіе жители предмѣстья Самарканда отъ Ходжа-Ахрарскихъ воротъ, до канала Даргама, по кара-тюбинской дорогѣ.

6) *Муллиане*—жители предмѣстья города отъ воротъ Календарь-Хана, до ручья Оби-Машать, по дорогѣ на Ургутъ.

7) *Ташкенди*, заселяютъ цѣлый кварталъ этого-же названія.

8) *Маликэ*, считаютъ себя потомками Александра Маликэ, котораго, кажется, слѣдуетъ отличать отъ Искандера Зулкарнайна (Алекс. Макед.).

Приведенныя названія таджики удерживаютъ за собою въ теченіи многихъ и многихъ лѣтъ; по большей части таджики одного названія составляютъ, если они многочисленны, кварталъ, деревню; въ противномъ случаѣ — приходъ, выселокъ. Они имѣютъ свои мечети, изъ среды себя мулль, старшинъ (аксакаловъ) и всѣ между собою самые близкіе родственники. При выдачѣ дочерей таджикамъ другихъ названій, они непременно возьмутъ большій калымъ, нежели выдавая ихъ въ свою общину. На обрѣзаніе, свадьбу, похороны или бавымъ приглашаются преимущественно одноименные. Поля у нихъ вмѣстѣ, нераздѣльныя, скотъ пасется тоже вмѣстѣ. Обидѣть одного таджика, ташкенди на примѣръ, значитъ обидѣть всю общину Ташкенди.

На кулачныхъ бояхъ противныя стороны состоятъ изъ *разноименныхъ* таджиковъ. Однимъ словомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, общія названія играютъ у таджиковъ ту же роль, какъ и роды, отдѣленія и проч. у узбековъ; они группируютъ таджиковъ въ общины, черезъ что сообщаютъ имъ силу круговой поруки.

Вновь поселяющійся таджикъ между маликэ, на примѣръ, не носитъ названія „маликэ“. Онъ просто таджикъ, безъ эпитета.

Языкъ таджиковъ—персидскій, но, какъ сказано выше, на немъ говорятъ далеко не всѣ таджики. По причинѣ преобладанія въ округѣ узбековъ, необходимости частаго сношенія съ ними таджиковъ и, — съ малыми исключеніями, — незнанія первыми персидскаго языка, всѣ таджики уже съ малолѣт-

ства говорить по узбекски и для нихъ онъ такой же родной языкъ, какъ и персидскій; онъ даже болѣе употребительный: между собою таджики почти всегда говорятъ по узбекски.

Персидскій языкъ *)—языкъ муллъ, мударисовъ, казіевъ, мурзъ; на немъ проходятъ науки въ медресахъ **), на немъ пишутъ письма, и въ прежнее время на немъ же производились сношенія между беками округа и властителями Средней Азии. Среди ученыхъ округа и акъ-сіаковъ (бѣлая кость, дворянинъ) встрѣчаются особы, презирающія узбекскій языкъ; зная его, они никогда на немъ не говорятъ. Между женщинами же таджичками много находится такихъ, которыя или вовсе не знаютъ узбекскаго языка, или знаютъ его весьма плохо.

Замѣтимъ еще, что, по отзывамъ туземцевъ, въ Самаркандѣ насчитывается нѣсколько говоронъ персидскаго языка.

Таджики принадлежать къ сунитскому толку, къ которому по крайней мѣрѣ оффиціально, принадлежитъ вообще все населеніе округа, исключая евреевъ ***).

Среднеазіяты, чѣмъ болѣе учены, тѣмъ болѣе фанатичны и тѣмъ менѣе понимаютъ истинное значеніе религіи. Смыслъ названія „ученый среднеазіятецъ“ будетъ объясненъ въ своемъ мѣстѣ. Также слѣдуетъ разъяснить, что слѣдуетъ подразумѣвать подъ выраженіемъ „фанатизмъ“ въ примѣненіи къ среднеазіяты. Ошибется тотъ, кто выраженіе: религиозный „фанатизмъ среднеазіяты“ пойметъ въ обыкновенномъ, принятомъ всѣми значеніи. Фанатизмъ, какъ безкорыстная религиозная ненависть къ другому исповѣданію и строгое послѣдованіе своему изъ одного принципа, если и присущъ нѣкоторымъ мусульманамъ округа, то не иначе, какъ въ видѣ исключенія; такія особы и вообще во всѣхъ странахъ составляютъ рѣдкость, тѣмъ болѣе въ Средней Азии. Вообще же таджикъ только кажется фанатикомъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы мож-

*) Можетъ быть было бы правильнѣе вмѣсто „персидскій языкъ“ сказать: „наръчіе персидскаго языка или-же „таджикскій языкъ.“?

**) Мы этимъ вовсе не хотимъ сказать, что на узбекскомъ языкѣ не преподають въ медресе.

***) Индійцы не имѣютъ осѣдлости въ округѣ.

но было поставить себя на ту точку, въ глазахъ другихъ, съ которой уже легко будетъ ему достигнуть доходнаго мѣста и эксплуатировать грубость и невѣжество толпы. Для такихъ таджиковъ религія и деньги—синонимы. Они только надѣваются на себя маску фанатизма, но даже сами не вѣрятъ, чтобы они и въ заправду могли быть фанатиками; вѣрнѣе сказать: они не понимаютъ фанатическаго состоянія человѣка. Бывшій рыаный антагонистъ русскихъ во имя вѣры, получивъ отъ нихъ доходное мѣсто или подачку деньгами, становится ихъ защитникомъ передъ другими одинаковыми съ нимъ фанатиками. Онъ разъясняетъ имъ въ чемъ *суть дѣла*, а они съ своей стороны хорошо его понимаютъ и начинаютъ заискивать расположеніе *невѣрныхъ*, чтобы тоже не упустить возможности чѣмъ нибудь отъ нихъ попользоваться.

Въ округѣ религіозность есть профессія; чистое поклоненіе идеямъ Магомета не существуетъ въ массѣ, муллы же, казіи, богачи и монахи смотрятъ на религіозность, какъ на средство къ обогащенію, приобрѣтенію почета, а потому исполняютъ требованія своей вѣры исключительно наружно, на показъ другимъ—передъ толпой. Истинно-правовѣрный всегда съумѣетъ выбрать мѣсто для молитвы и исполненія религіозныхъ обрядовъ посреди народа. Чѣмъ моднѣе мѣсто, тѣмъ онъ долѣе будетъ совершать намазъ. Мусульмане такое поведеніе молящихся объясняютъ подаваніемъ примѣра другимъ. Такое объясненіе при всей несостоятельности самаго принципа, могло бы быть вѣрно, если бы усердный богомолецъ, стоящій передъ толпой, не получалъ за свою набожность матеріальнаго вознагражденія, если бы онъ заранѣе не зналъ, что его ханжество доставитъ ему почетъ, мѣсто, вѣсь его мнѣніямъ и тому подобныя выгоды, и если бы онъ также усердно молился и безъ свидѣтелей. А онъ все это знаетъ и внѣ толпы забываетъ о молитвѣ, если же и совершаетъ ее, то какъ скучную обязанность, спѣша сократить трату на нее времени....

Масса таджикскаго народа не религіозна; она равнодушно относится къ постановленіямъ своей религіи, избѣгаетъ

намазовъ, хожденія въ мечеть, если видить, что отъ такого образа дѣйствія не пострадаетъ материально.

Но если толпа отличается такими, нерелигіозными наклонностями въ своей совокупности, если эти наклонности находятся въ ней, какъ присущія массѣ, то, съ другой стороны, эта же самая толпа требуетъ отъ каждаго своего члена порознь полной религіозности и не терпитъ отъ нихъ никакихъ упущеній въ отношеніи вѣры. Масса не прочь уклониться отъ хожденія въ мечеть (что уже доказывается, помимо прямого наблюденія, существованіемъ раисовъ), не посылать своихъ дѣтей въ махтабъ-хана, имѣть противузаконную связь съ женой своего сосѣда или бачею, не совершать омовенія и проч. Но если одинъ изъ ея членовъ попался въ одномъ изъ подобныхъ проступковъ и наказанъ за него, то вся масса будетъ указывать на виновнаго пальцами, считать самымъ негоднымъ своимъ членомъ, невѣрнымъ. Попался—слѣдовательно виновенъ; тайна, лицемѣріе въ большемъ ходу у туземцевъ. Имамы рассказываютъ слѣдующее: „до прихода русскихъ, когда существовала должность раиса, въ мечеть ходило изъ 30 прихожанъ 15—20; съ занятіемъ же округа русскими и съ уничтоженіемъ раисовъ, изъ такого же числа прихожанъ являются въ мечеть на молитву 5 или много—много 10, и то исключительно старики. Духовно-полицейская власть уничтожилась—прекратилось и хожденіе въ мечеть.

Тоже самое слѣдуетъ сказать и объ уменьшеніи учениковъ въ махтабъ-хана, а извѣстно, что обученіе дѣтей у мусульманъ признается дѣломъ религіи. Теперь уже, говорятъ жители, можно не посылать дѣтей въ школу, не тратиться на ихъ обученіе.

На духовенство таджикъ смотритъ, какъ на людей, живущихъ его трудомъ, обзываетъ его неприличными именами, но въ присутствіи духовныхъ лицъ показываетъ по большей части глубокое къ нимъ уваженіе. Всѣ желаютъ, чтобы ихъ сыновья были казіями или амлякдарами (сборщикъ податей), при чемъ смѣшиваютъ оба эти званія: и къ казію, и къ амлякдару относятся совершенно съ одинаковымъ почтеніемъ. Ходжей и сеидовъ таджики

называютъ обманщиками, произвольно присвоившими эти званія; но завидуютъ имъ, какъ лицамъ, больше ихъ имѣющимъ средствъ приобрѣтать деньги безъ труда и пользующимся—хотя и не всегда—видимымъ почетомъ.

По базарамъ шляются проповѣдники, ораторы; они рассказываютъ передъ народомъ исторіи про святыхъ, про разныя ихъ чудеса, совершаемыя этими святыми даже въ настоящее время, и проч. Между подобными проповѣдниками есть обладающіе увлекательнымъ краснорѣчіемъ. Но для таджика совершенно все равно, какъ бы рассказчики ни говорили: хорошо ли, дурно ли,—а всегда наберется вокругъ его значительная толпа. Въ кругу этой толпы, жестикулируя и крича, расхаживаетъ рассказчикъ, иногда съ плачемъ рассказывая что нибудь очень трогательное изъ жизни святаго. Таджики слушаютъ, внимательно смотрятъ на жестикуляцію рассказчика, но какъ только дѣло приходитъ къ концу, толпа рѣдѣетъ, и рассказчику зачастую приходится конецъ передать пустому пространству.

Дѣло въ томъ, что проповѣдники—о чемъ народъ хорошо знаетъ—оканчиваютъ свой рассказъ или проповѣдь обращеніемъ къ карману слушателей, что не по душѣ таджикамъ; они слушаютъ рассказчика—это правда, но смотрятъ на него, какъ на томашиста (забавника), какъ на гаера, помогающаго имъ веселѣе и бесплатно убивать свободное время.

Особенно таджики не любятъ монаховъ, мюридовъ и ихъ главу ишана. Они называютъ ихъ дармоѣдами, прощальгами. Тѣмъ не менѣе и чернь, и муллы, и купцы жаждутъ выразить ишану публично свое расположеніе и преданность. Поклониться ишану, услышать отъ него привѣтъ себѣ при другихъ, считается верхомъ благополучія для правовѣрнаго.

Когда до взятія Самарканда ученики медресе (муллы) и духовенство подняли крики, призывая народъ вступить съ кафирами-русскими въ священную борьбу, начали подстрекать самаркандцевъ, слѣдовательно, по преимуществу, таджиковъ, къ поголовному вооруженію, то самаркандскій бекъ приказалъ своимъ сарбазамъ усмирить оружіемъ этотъ свя-

ценный пылъ духовенства. Сарбазы перекололи на дворѣ медресе Тилла-Кары болѣе 200 защитниковъ вѣры, а народъ не только не защищалъ ихъ, но смѣялся надъ ними и кричалъ: „наши муллы хотѣли сдѣлаться сильными“. По азиатски быть сильнымъ и грабить, почти синонимы.

Вакфъ—установленіе религіозное, а между тѣмъ таджики говорятъ: „почему съ насъ берутъ поземельную подать, а съ вакфовъ—не берутъ? Братъ, такъ по ровну со всѣхъ“. Мечеть, домъ общественной молитвы, сами жители отводятъ намъ, русскимъ, для почлега, когда русскому по какому либо случаю приходится переночевать въ деревнѣ, въ которой нѣтъ приличнаго и большаго дома.

Самыя священныя мѣста Самарканда и его окрестностей находятся въ невообразимомъ запущеніи. О благолѣпіи ихъ никто не заботится. На каждое, почему либо священное для мусульманина мѣсто, сами мусульмане смотрятъ, какъ на статью дохода. У гробницъ святыхъ до тѣхъ поръ только живутъ его потомки или монахи, пока она приноситъ прибыль, привлекаетъ поклонниковъ; изсякнетъ доходъ—исчезли и охранители гробницы.

Деньги, жертвуемая на исправленіе и поддержку замѣчательныхъ мѣсть, идутъ въ карманы тѣхъ, кому ихъ дали. Ходжа-Ахраръ (мечеть и медресе) по общему увѣренію мусульманскихъ ученыхъ округа, владѣла святынею, кораномъ Османа; листы этого корана омочены кровью халифа, убитаго въ то время, когда онъ читалъ этотъ коранъ. Преданію нельзя вѣрить *). Но невѣримъ мы, европейцы, мусульмане же не имѣютъ и тѣни сомнѣнія въ подлинности и священности ходжа-ахрарскаго корана. И тѣмъ не менѣе муллы этого медресе, не задумываясь, продали свою святыню за 100 рублей, да еще въ придачу къ нему (100 руб. даже показалось имъ очень большою платою за коранъ Османа) дали другой, небольшой коранъ, написанный тоже кувфическими буквами и на кожѣ газели.

*) На коранѣ впрочемъ видно что-то похожее на слѣды крови.

Самаркандцы считают на своих кладбищах болѣе 6000 святыхъ; однако ничто у нихъ не содержится въ такомъ запустѣннѣи, такъ небрежно, какъ наполненныя прахомъ святыхъ кладбища; они даже не огорожены; нечего и говорить, что они не посѣщаются съ религіозною цѣлью.

Что касается до знакомства таджиковъ съ кораномъ и шаріатомъ, то въ этомъ отношеніи, за весьма рѣдкими исключеніями, они полнѣйшіе невѣжды. Коранъ и шаріатъ плохо знаютъ большинство муллъ и казіевъ. Одни муфтіи хорошо знакомы съ шаріатомъ, который даетъ имъ хлѣбъ. Намъ извѣстно, что самыя обыкновенныя молитвы знаютъ не все таджики.

Разбогатѣвшіе купцы строятъ мечети и даже медресе исключительно потому, что о нихъ по этому поводу будутъ долго говорить въ народѣ; духовенство сдѣлается ихъ друзьями, народъ будетъ относиться къ нимъ съ большимъ уваженіемъ и ихъ торговыя операціи приобрѣтутъ большую устойчивость; зякетчи не смѣютъ не быть его другомъ, казіи—покровителемъ. Постройки такія располагаютъ въ пользу жертвователя общественное мнѣніе.

Таджики лучше другихъ народовъ округа сознаютъ выгоду казаться религіозными, и, по своей натурѣ, тоже лучше другихъ умѣютъ извлекать пользу изъ званій: муллы, имама, казія, монашескаго и проч. Таджикъ вмѣщаетъ въ себѣ лицемѣрную религіозность, царствующую въ округѣ. Все, что есть пошлаго, грубо-обманчиваго, отвратительнаго въ ханжахъ вообще, а у средне-азіатцевъ въ особенности, все это сконцентрировано въ таджикахъ—духовныхъ, изъ всего этого состоитъ ихъ религіозность... На сколько таджики овладѣли духовными мѣстами въ округѣ, лучше всего покажутъ цифры: въ округѣ насчитывается свыше 2000 мечетей, въ которыхъ не болѣе 50—60 муллъ и имамовъ не изъ таджиковъ. Что касается до должностей казіевъ, то они, исключая Пейшамбе, заняты одними таджиками.

Намъ приходилось слышать слѣдующее разсужденіе таджиковъ: „вы, русскіе, сильнѣе насъ и если бы приказали намъ

РУССКІЙ ТУРКЕСТАНЪ.

77049

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

перемѣнить вѣру, то мы должны были бы исполнить ваше приказаніе. Мусульманство между нами введено тоже силой. Нашъ народъ податливъ; развѣ муллы не были бы согласны на перемѣну вѣры; на то они много учились, мусульманство даетъ имъ хлѣбъ. Но вы оставили намъ нашу вѣру и за это мы вамъ благодарны⁴.

Всѣ роды дѣятельности, имѣющіе мѣсто въ округѣ, не только знакомы таджикамъ, но, въ большинствѣ случаевъ, имѣютъ въ нихъ лучшихъ представителей, а по нѣкоторымъ изъ своихъ отраслей вмѣстѣ съ тѣмъ и единственныхъ. Мы разберемъ таджика какъ земледѣльца, ремесленника, торговца и ученаго.

1). *Таджикъ земледѣлецъ.*

Таджики, будучи разбросаны по различнымъ мѣстностямъ округа, занимаются всѣми отраслями земледѣлія: они хлѣбопашцы, садоводы, огородники и скотоводы. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ они, при первой выдавшейся возможности, только предприниматели, затрачивающіе капиталъ, а не непосредственные дѣятели и не работники. Они сознаютъ матеріальную выгоду владѣнія землею и занятіе земледѣліемъ, но сосредоточивать свои силы исключительно на немъ, видѣть все свое богатство только въ землѣ — несообразно съ ихъ натурой, требующей большого круга дѣятельности и обладающей разносторонними способностями. Трудъ пахаря не подь силу горожанину, да и таджикъ деревни не всегда самъ пашеть. Къ тому же наемъ работника узбека стоитъ недорого. Здѣсь мы сдѣлаемъ не большее отступленіе, и скажемъ нѣсколько словъ о безземельныхъ въ округѣ, что будетъ относиться вообще ко всѣмъ народностямъ, его населяющимъ.

Во округѣ землевладѣльцевъ значительно меньше, нежели обыкновенно полагаютъ. Отношеніе между поземельными собственниками и не имѣющими земли, для цѣлаго округа, пока вывести нельзя, по не имѣнію достаточнаго количества данныхъ этого рода. Въ частности же это отношеніе приблизительно извѣстно намъ для нѣсколькихъ тюменей. Въ Чи-

лекскомъ, напримѣръ, онъ равняется 3: 1; въ *Амгарскомъ*=(4: 1; въ *Шаударскомъ* *) не много выгоды, нежели въ Чилекскомъ. Всѣ безземельные нанимаются въ работники къ владѣющимъ землею на условіяхъ, по уговору. Условія найма работника зависятъ отъ средствъ нанимающагося. Если онъ имѣетъ быковъ или быка, или же сѣмена, то условія одни, въ противномъ случаѣ другія; имѣющіе что нибудь изъ поименованнаго, нанимаются въ половинщики, черекары, десятинники и пр., т.-е. он иполучаютъ, по выдѣленіи подати, $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{10}$, часть урожая. Половину получаетъ тотъ работникъ который затратилъ свои сѣмена и вспахалъ землю своими быками.

Кромѣ того, часть приходящагося работнику урожая уменьшается при большемъ количествѣ обработанной имъ земли. Нанимающій ни быковъ, ни сѣмянъ по преимуществу нанимается за деньги и прокормъ. Такой годовой работникъ, исполняющій, кромѣ полевыхъ работъ, еще и домашнія (въ зимнее время), получаетъ отъ 12—20 рублей, имѣя свою одежду, но пищу отъ хозяина. Узбековъ, ищущихъ работы, весьма много въ округѣ.

Перейду къ прерванному.

Имѣя возможность дешево приобрести работника изъ узбековъ, таджикъ всю тягость полевыхъ работъ сваливаетъ на него и на женъ, а самъ руководитъ ими и занимается посторонними дѣлами.

Самъ таджикъ обрабатываетъ землю только въ крайнемъ случаѣ, когда у него мало земли. Между ними тоже есть безземельные, но мы не знаемъ примѣра, чтобы таковыя таджики нанимались для земляныхъ работъ: они обыкновенно дѣлаются садовниками, конюхами, водовозами, прикащиками, мастеровыми, ремесленниками или мелкими торгашами, съ основнымъ капиталомъ въ рубль или два.

*) Въ Шаударскомъ тюменѣ находится городъ Самаркандъ, жители котораго, при вычисленіи этого отношенія, не приняты въ соображеніе.

Пашни, принадлежація таджикамъ, всегда лучше узбекскихъ. Они уваживаютъ, обновляются, взрыхляются и засѣваются тщательнѣе узбекскихъ, хотя работаютъ тѣ же узбеки. На своихъ поляхъ таджики сѣютъ все, что по свойству мѣстности и по количеству оросительной воды возможно сѣять. У него не засѣянныхъ мѣстъ не бываетъ, чего нельзя сказать объ узбекахъ. Кто бы ни былъ таджикъ: купецъ, духовное лицо или должностное, онъ, если есть къ тому средства, навѣрно землевладѣлецъ; онъ отдаетъ свою землю въ аренду и часто по нѣсколько лѣтъ ее не видитъ, но всегда постарается отдать ее таджику же. Лучшие сады принадлежатъ таджикамъ, а виноградники, безъ преувеличенія, однимъ имъ. Они разводятъ питомники, умѣютъ дѣлать прищепы и прививы, особенно тадъ. Они же разводятъ шелковичныя деревья всѣхъ сортовъ, т. е. балхи, марваришакъ, хосакъ, шатутъ и хоразминъ и занимаются выводкой шелкопряда. Огородныя растенія всѣхъ сортовъ, употребляемыя въ Средней Азій, а также картофель и капусту, можно встрѣтить по преимуществу на таджикскихъ земляхъ.

Не упуская изъ виду ни одной отрасли земледѣлія, таджикъ, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, дѣлается скотоводомъ; мы не говоримъ о гуртовщикахъ таджикахъ, скупающихъ мелкій скоть—это дѣло торговое—а о таджикахъ, занимающихся разведеніемъ скота, пасущихъ его и вмѣстѣ съ нимъ кочующихъ. Такіе полу-кочевники таджики находятся по южной границѣ округа и на востокъ отъ Пенджекента. Они исключительно разводятъ овецъ и козъ. О количествѣ находящагося у нихъ мелкаго скота мы имѣемъ весьма скудныя свѣдѣнія, а потому опустимъ цифры.

II). *Таджикъ ремесленникъ.*

Въ Средней Азій вообще нѣтъ фабрикъ и заводовъ, нѣтъ мастерскихъ на широкую ногу, съ затратою большаго капитала на постройку зданія, пріобрѣтеніе машинъ и наемъ управляющихъ и т. п. Здѣсь всякое ремесленное производство ограничивается, сравнительно, микроскопическими раз-

мѣрами, разбивается по рукамъ, не сгруппировывается въ одномъ мѣстѣ. Исключеніе въ послѣднемъ смыслѣ составляетъ Ургуть, который всей своей массой населенія обратился къ одной отрасли ремесленного производства: выдѣлкѣ *алачи*; но и тамъ нѣтъ мастерской, имѣющей больше 10 ткацкихъ станковъ.

Большая часть ремеслъ округа сосредоточивается въ рукахъ таджиковъ: они имѣютъ въ своихъ мастерскихъ больше рабочихъ и больше машинъ, нежели другіе народцы; кромѣ того они не имѣютъ, по нѣкоторымъ ремесламъ, не только соперниковъ, но и подражателей изъ другихъ народностей. Какъ ремесленники, таджики выказываютъ себя положительно способнымъ народомъ и, что весьма важно, у нихъ замѣтно желаніе усовершенствовать свои работы, перенимать лучшіе приемы, инструменты и подражать хорошимъ образцамъ. По издѣліямъ обращающимся въ округѣ работы таджиковъ, нельзя судить объ ихъ искусствѣ. Они производятъ, какъ и должно быть, только то, на что имѣется спросъ; они удовлетворяютъ своихъ потребителей.

У средне-азіятцевъ нѣтъ понятія о законченности, однообразіи, красотѣ, гармоніи и прочности вещи, или правильнѣе, обо всемъ этомъ у нихъ есть свое собственное понятіе не совпадающее съ европейскимъ, не подходящее подъ нашу мѣрку. Этому вкусу удовлетворяютъ таджики-ремесленники и, кромѣ того, они удовлетворяютъ главному условію дешевизнѣ. Масса потребителей округа бѣдна и цѣнныя произведенія ей не по средствамъ. Узбекъ купилъ зыбку: перекладины въ ней точеныя, раскрашенныя полосками; она вся ярко-цвѣтная, стоимость ея самая не значительная, и онъ совершенно доволенъ своей покупкой. Какое ему дѣло, что въ скрѣпахъ видна полнѣйшая небрежность со стороны мастера, что полоски не симметрично расположены, что стойки не ровны и что вообще чистоты въ отдѣлкѣ не видно.

Если дать таджику-устъ (мастеръ) образецъ извѣстному ремеслу, то онъ, не смотря на все несовершенство своихъ инструментовъ, на ихъ грубость и недостаточность, на іоту

не отойдетъ отъ образца. Таджики перемѣняетъ инструменты, манеру работы, въ немъ не замѣтна жилка рутинера. О дешевизнѣ ихъ работы, сравнительно съ работою русскихъ мастеровыхъ, и говорить нечего. Простой деревянный шкафъ изъ тополеваго дерева, заказанный русскимъ мастеровымъ Самарканда, стоитъ 30—35 руб. Такой-же точно шкафъ, и даже болѣе добросовѣстно и скорѣе сдѣланный, у таджикскихъ мастеровыхъ обойдется отъ 15 до 20 руб. а иногда и дешевле.

Таджики занимаются выдѣлкой *канауса* (исключительно тадъ), *адрыса*, *бикасаба*, *алачи*, *каламы*, *хосы*, *дока*, *фоута*, *тибетъ-сали*, *бузи* (всѣхъ сортовъ). Окраской бумажныхъ нитокъ, шелка, шерсти и пуха таджики занимаются мало: они красятъ только въ красные цвѣта.

Для продѣванія основы чрезъ ремизки и набильникъ, для наведенія лоску на адрясъ, каламу, алачу и для размотки коконовъ существуютъ особые мастеравые; для набивки цвѣтовъ на мату—особые, и все изъ таджиковъ-же.

Кромѣ того, таджики занимаются: вышиваніемъ по различнымъ матеріямъ и по кожѣ, шитьемъ платьевъ, туземной, а въ послѣднее время и европейской обуви; выдѣлкой кожъ, производствомъ сѣделъ, свѣчъ и мыла, шорнымъ мастерствомъ, литьемъ вещей изъ чугуна *); кузнечнымъ, золотымъ, серебрянымъ и мѣднымъ мастерствомъ; плотничными, столярными, токарными и гончарными ремеслами и проч.

Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ работъ они производятъ на базарѣ, въ открытыхъ своихъ лавкахъ, другія въ домахъ. За работу они берутъ весьма мало. Если исчислить стоимость сыраго матеріала и переработаннаго, получившаго уже извѣстную форму, то часто приходится удивляться: изъ за чего таджики трудятся. Правда, что въ большей части случаевъ таджикъ въ одно и то же время работникъ, предприниматель и продавецъ; слѣдовательно покупщику не приходится взносить за покупаемую вещь вознагражденіе работнику, пред-

*) Льютъ колокола (въ Катъ-Курганѣ), плиты и проч

принимателю и купцу, или по крайней мѣрѣ въ меньшемъ размѣрѣ; но все таки эта лишняя плата покупателя весьма незначительна.

Занимающіеся однимъ ремесломъ называютъ другъ друга товарищами. Это товарищество выражается, между прочимъ, въ томъ (такъ было до занятія края русскими), что они въ извѣстное время года, предпочтительно весною, когда начнутъ цвѣсти розы, прекращая занятія въ своихъ мастерскихъ, дѣлаютъ (хозяева или усты) между собою складчину деньгами, покупаютъ барана, рисъ, лепешки, чай и проч., нанимаютъ бачей, музыкантовъ и, вмѣстѣ съ своими рабочими, какъ гостями, отправляются куда нибудь за городъ, на день—на два, томашиться, т. е. ѣсть плавъ, пить чай, восхищаться пляской бачей и музыкой.

Здѣсь будетъ умѣстно сказать нѣсколько словъ о наймѣ рабочихъ по нѣкоторымъ ремесламъ.

Неизвѣстно, вслѣдствіе чего въ Средней Азіи ввелось въ обычай, что работники ткачи, гончары, кузнецы, свѣчники и булочники иначе не нанимаются, какъ получивъ первоначально отъ своихъ нанимателей извѣстную сумму денегъ—*бунакъ*.

Величина бунака простирается отъ 4 руб. и до 40. Онъ зависитъ, какъ отъ искусства работника, такъ и отъ рода работы. Бунакъ есть собственность рабочаго до тѣхъ поръ, пока онъ остается у нанимателя. Онъ можетъ расходовать его, какъ ему угодно. Получивъ бунакъ, рабочій исправно получаетъ отъ своего хозяина задѣльную, по уговору, плату по исполненіи извѣстнаго количества работы. Такъ ткачъ получаетъ плату за джюру сотканной матеріи, т. е. количество, потребное на 1 халать или 1 рубашку, гончаръ—когда выработаетъ (сдѣлаетъ и обожжетъ) одну печь посуды, и проч. Переходя къ другому хозяину или вообще отходя отъ нанимателя, рабочій обязанъ сполна выплатить полученный бунакъ. Происходитъ обыкновенно такъ: рабочій, сманенный другимъ предпринимателемъ, получаетъ отъ этого послѣдняго большій бунакъ, что даетъ ему возможность, уплативъ прежнему своему хозяину, еще имѣть свободныя деньги.

Туземцы рассказываютъ, что нѣкоторые изъ рабочихъ, получивъ бунакъ въ Самаркандѣ, бѣгутъ въ Бухару или другой городъ обратно. Кромѣ выдачи бунака и уговора о величинѣ задѣльной платы, другихъ условій между предпринимателями и рабочими не заключается, по крайней мѣрѣ въ Заравшанскомъ округѣ.

О размѣрѣ ремесленной дѣятельности таджиковъ въ округѣ мы можемъ, пока, говорить только въ общихъ чертахъ, не выражая ее въ цифрахъ. Мы можемъ сказать, на примѣрѣ, что таджики захватили въ свои руки почти все ремесла въ округѣ, но сказать, что они производятъ на такую-то сумму, мы не можемъ: у насъ нѣтъ для этого достаточно данныхъ. Но все таки мы хотимъ и можемъ дать нѣсколько примѣровъ, изъ которыхъ можно будетъ извлечь читателю хотя слабое представленіе о размѣрахъ этой дѣятельности таджиковъ. Таджики въ Ургутѣ выдѣлываютъ въ годъ алачи на сумму свыше 250 тысячъ, и ведутъ ею торговлю, кромѣ округа и Шегрисябскаго бекства, съ Гисаромъ, Хулумомъ и многими другими мѣстами бассейна Аму-дарьи.

Въ Самаркандѣ на 31 станкѣ въ годъ вырабатывается 108 т. аршинъ канаусу, на 200 станкахъ — 360 т. аршинъ хоси на 100 станкахъ—10,000 фотъ. Кажется, что не будетъ преувеличеніемъ, если положимъ, что таджики округа вырабатываютъ въ годъ на 750 т. рублей.

III. *Таджикъ торговецъ.*

Уже нѣсколько разъ мы упоминали, что таджикъ, по своей натурѣ, весьма склоненъ къ торговой дѣятельности. Онъ никогда не пропуститъ случая даже на время быть торговцемъ, хотя бы самымъ мизернымъ, такимъ, какой нигдѣ не мыслимъ, кромѣ Средней Азіи. Купить, что называется, на грошъ товару, достать на базарѣ мѣсто и сидѣть съ своимъ грошевымъ товаромъ по цѣлымъ днямъ, выручая по нѣскольکو чекъ въ сутки, это такое наслажденіе для таджика, котораго не таджикъ и представить себѣ не можетъ! Жена и дѣти его сидятъ безъ куска хлѣба, работаютъ на сколько

хватаетъ человѣческихъ силъ, а мужъ или отецъ весь заработокъ беретъ себѣ, прикупаетъ на него товару и еще съ большимъ наслажденіемъ сидитъ надъ нимъ. Съ тѣхъ поръ, какъ таджикъ сдѣлался купцомъ или вѣрнѣе — торгошникомъ, торговля дѣлается уже его маніей, а прибыли и увеличеніе товаровъ — исходной точкой всѣхъ его помысловъ. Онъ съ нечеловѣческимъ терпѣніемъ, чека за чекой сколачиваетъ теньги (20 к.) пускаетъ ихъ въ оборотъ, отказывая себѣ совершенно во всемъ, самомъ необходимомъ. Свой трудъ онъ ставитъ ни во что. Онъ переходитъ съ базара на базаръ, странствуетъ по всему округу, скупаетъ на деревенскихъ базарахъ или мѣняетъ на свой товаръ куръ, яйца, деревянные ложки, нитки и проч., чтобы съ барышемъ на чеку или на двѣ перепродать все это на городскомъ базарѣ. Беретъ въ долгъ за проценты товары въ городахъ, а на деревенскихъ базарахъ перепродаетъ ихъ иногда дешевле того, за сколько самъ взялъ. Но зато на вырученныя деньги онъ на этихъ базарахъ скупаетъ по дешевымъ цѣнамъ арканы, мыло, веретена и тому подобное, и за все это на городскомъ базарѣ выручить плату за забранный въ долгъ товаръ и еще получить барышъ.

Такъ или иначе изворачиваясь, не жалѣя себя, иногда голодая, таджикъ пробавляется съ году на годъ; изъ копѣекъ дѣлаетъ рубли, при счастіи открываетъ свою лавочку, а не то — становится джалляпъ-сатаромъ отъ значительныхъ городскихъ купцовъ; ему вѣрятъ товара на двѣсти—пятьсотъ рублей. Онъ уже носить товаръ не на себѣ, а навьючиваетъ его на лошадь и уже не ходитъ, а разъѣзжаетъ по базарамъ округа, а съ теченіемъ времени, сколотивъ капиталъ, прибавляетъ къ своему имени эпитетъ *бай* (богатый) и дѣлается настоящимъ купцомъ.

Большинство купцовъ округа прошли по описанной дорогѣ. Многіе изъ одержимыхъ маніей быть купцомъ кончаютъ свой вѣкъ не достигнувъ завиднаго положенія „бая“; многіе отъ усиленнаго желанія поскорѣе разбогатѣть и отъ рискованныхъ промѣновъ раззоряются въ конецъ; ихъ мѣста за-

нимаютъ другіе, а они обращаются въ водоносовъ, мардекеровъ (работниковъ) и проч. съ затаенною мыслію опять когда нибудь быть торгашемъ.

Желаніе торговать, пускать свои деньги въ оборотъ, такъ присуще таджику, что торговлей занимаются чрезъ другихъ даже муллы, имамы, мударисы, ишаны, казіи, амлякдары, аксакалы—однимъ словомъ всѣ лица, которыя владѣютъ извѣстной суммой свободныхъ денегъ. Торгуютъ старики, молодые, торгуютъ десятилѣтніе мальчики, торгуютъ наконецъ, женщины старухи. По этому самыя не значительные города и базарныя мѣста поражаютъ обиліемъ лавченоекъ на своихъ базарахъ, обиліемъ торгующаго люда.

Быть купцомъ, значить быть почетнымъ, пользоваться полнымъ уваженіемъ отъ всѣхъ, кто имѣетъ меньше денегъ, кто получаетъ меньшіе барыши, а таджики болѣе всего любятъ и цѣнятъ почетъ. Мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь нѣсколько цифръ, которыя хотя не много очертятъ степень стремленія къ торговлѣ въ таджикахъ.

Въ округѣ 33 базарныхъ мѣсть, а въ недѣлю бываетъ 36 базаровъ. Джалляшъ-сатары (кулаки) переѣзжаютъ съ базара на базаръ группами; каждая изъ такихъ группъ успѣваетъ посѣтить въ недѣлю три базарныхъ мѣста, быть на трехъ и въ рѣдкихъ случаяхъ на четырехъ базарахъ. Слѣдовательно, всего подобныхъ группъ въ округѣ 12. Но въ округѣ, исключая лавокъ Самарканда и Катты-Кургана, въ разные базарные дни производится торговля 9500 человекъ изъ таджиковъ, почему, считая, что на каждахъ трехъ базарахъ бываютъ одни и тѣ же лица, приблизительно можно принять, что всего торгующихъ кулаковъ въ округѣ не меньше 9500: 3, т. е. 3166 человекъ.

Отличительный характеръ торговли таджиковъ—довольство весьма не значительнымъ процентомъ прибыли, быстрая гуртовая распродажа и отсутствіе большихъ складовъ для товаровъ.

На таджикскихъ лавченкахъ, хотя и не видно объявленій: „безъ запроса“, но торговцы рѣдко когда запрашиваютъ;

правда, что горожанина покупателя не надуешь: онъ самъ хорошо знаетъ цѣну товарамъ; пріѣзжій же, если почему либо боится, чтобы съ него не взяли лишняго, имѣеть возможность купить товаръ не чрезъ хозяина лавки, а чрезъ его сосѣда по лавкѣ. Онъ беретъ вещь и просить сосѣда того торговца, у котораго онъ ее взялъ, чтобы тотъ ему продалъ эту вещь; онъ при другихъ обращается къ совѣсти посторонняго торгующаго лица, но хорошо знающаго стоимость предмета, а кромѣ того, не заинтересованнаго въ прибыли. Сказать неправильную цѣну—почитается весьма не благовиднымъ: покупатель довѣрилъ ему, сдѣлавъ его своимъ *уакилемъ*, т. е. совѣстнымъ, обязаннымъ говорить правду. Уакиль, набросивъ на вещь необходимый процентъ, продаетъ ее покупателю, беретъ отъ него деньги и передаетъ ихъ настоящему продавцу.

Случается, что этотъ послѣдній за такую продажу выбрать уакиля, но не согласиться продать вещь за назначенную цѣну—не можетъ. Намъ говорили, что прежде никакихъ стачекъ между сосѣдами по лавкамъ на счетъ продажи товаровъ чрезъ третье лицо—не бывало.

Въ торговлѣ значительное участіе принимаютъ *джаляли*, служащіе при нѣкоторыхъ видахъ торговли необходимыми посредниками между покупателями и продавцами; такъ напр. при продажѣ свѣжихъ коконовъ джаляли присутствуютъ всегда и сводятъ въ цѣнѣ покупателейъ и продавцевъ. Въ этомъ случаѣ вознагражденіемъ имъ служить горсть коконовъ или чека, много двѣ, смотря потому, сколько взвѣшено коконовъ; платитъ всегда продавецъ. Джаляли не изъ таджиковъ мы не знаемъ и не слыхали, чтобы таковые были въ Заравшанскомъ округѣ.

Купецъ—таджикъ не столько заботится о высокихъ процентахъ, сколько о быстротѣ оборота капитала; въ теченіи года онъ сумѣеть обернуть его разъ десять и даже больше. Торговли опредѣленными товарами, въ большей части случаевъ, у него нѣтъ въ теченіи года, да и въ данное время онъ не торгуетъ однородными товарами, а часто—самыми

противоположными, по своимъ свойствамъ. Въ небольшихъ лавкахъ наприимѣръ, рядомъ съ шелковыми матеріями помѣщается мыло и чай, сѣра для жеванія, лѣкарства, яды и лакомства. Впрочемъ соединеніе такихъ разнородныхъ предметовъ въ самаркандскихъ таджикскихъ лавочкахъ бываетъ у небогатыхъ продавцевъ: т. е. у $\frac{6}{7}$ всего торговаго люда города; у болѣе же богатыхъ вошло въ обычай имѣть нѣскольکو лавокъ, для разныхъ родовъ товара: въ одной торгуютъ исключительно матеріями, въ другой лѣкарствами, чаемъ и т. д.

Таджикъ, торговавшій въ этомъ мѣсяцѣ краснымъ товаромъ, въ будущемъ мѣсяцѣ будетъ торговать желѣзомъ, мѣдью, деревянной посудой и т. п. Все зависитъ отъ повышенія или пониженія цѣнъ на извѣстные продукты, отъ спроса и подвоза. Здѣсь мы говоримъ о незначительныхъ торговцахъ, которые не имѣютъ своихъ складовъ и комнатъ въ караванъ-сараяхъ и не имѣютъ прямыхъ сношеній по торговымъ дѣламъ съ подобными торговцами.

Торговцы, что можно уже заключить изъ того, что ихъ сравнительно весьма много въ округѣ, не владѣютъ большими капиталами и торгуютъ въ долгъ. Въ ихъ лавкахъ трудно найти много товаровъ; если понадобится нѣсколько штукъ сукна, то навѣрное придется набирать ихъ въ нѣсколькихъ лавченкахъ и притомъ, гдѣ взять $\frac{1}{4}$ штуки, гдѣ полъ-куска. Но зато, если нынче извѣстный предметъ торговли весь взятъ изъ лавки, завтра въ ней его опять будетъ столько же. Это послѣднее обстоятельство зависитъ отъ того, что во времена правовѣрнаго управленія опасно было прослыть богатымъ, имѣть на показъ много товару, почему торговцы выставляли въ своихъ лавкахъ на видъ не больше, какъ недѣльную пропорцію товаровъ, а излишекъ прятали въ домахъ; такое скриваніе товаровъ вошло въ обычай и даже въ настоящее время, когда причина подобнаго прятанія уже уничтожилась, все-таки не выносятъ въ лавки много товару.

Замѣтимъ еще, что лавки тѣ, незначительной величины комнатки, которыми такъ обилуютъ базары и базарныя улицы въ городахъ Заравшанскаго округа, заняты только небо-

гатыми сравнительно торговцами, торгашами. Богатый купец не станет от себя вести розничную продажу. Вся дѣятельность богатыхъ купцовъ сосредоточивается въ караванъ-сараяхъ; товары или прямо свозятъ въ нихъ, гдѣ они и лежатъ до распродажи партіями, или остаются до вывоза въ караванъ-сарай другихъ городовъ.

Случается впрочемъ, что оптовый купецъ (только такихъ торговцевъ называютъ *саудшаръ*; прочихъ же зовутъ по родамъ продаваемыхъ ими продуктовъ) имѣетъ подъ своимъ именемъ лавку для розничной продажи; но она только считается его лавкою. Продажей же въ ней занимается его сынъ, родственникъ или бывший его бача, или даже слуга. Онъ даетъ этимъ лицамъ товаръ, нанимаетъ или строитъ вновь лавку для нихъ; за все это они обязаны возратить ему, уже по продажѣ, сумму, которая причитается за отданный имъ товаръ. Вся выручка идетъ въ пользу торгующихъ и не входитъ въ коммерческіе расчеты самого купца, а служитъ для протектируемыхъ имъ основаніемъ ихъ собственнаго капитала.

Многіе изъ таджиковъ торгуютъ на тысячи, не имѣя почти ни гроша собственныхъ денегъ; имъ вѣрятъ на-слово, потому что они приобрѣли почему бы то ни было репутацію честныхъ людей. Получивъ на вѣру товаръ за извѣстные (и въ этомъ случаѣ небольшіе) проценты, такой торговецъ пускается на промѣны, на раздачу товара по малымъ частямъ другимъ, такимъ же, какъ и онъ самъ, безденежнымъ людямъ. Капиталь дробится все больше и больше, такъ какъ эти послѣдніе готовы, при первой возможности, въ свою очередь, раздробить свой пай на части и отдать ихъ на подобныхъ же условіяхъ въ третьи руки. Въ началѣ нашей рубрики о торговой дѣятельности таджиковъ уже разъяснено: какимъ образомъ мелкіе торгаша изворачиваются, промѣниваютъ и продаютъ свои товары, перевоза ихъ съ одного базарнаго мѣста на другое, а потому здѣсь мы только добавимъ, что, совершивъ извѣстный оборотъ, раздробившись до мельчайшихъ партій, товары, уже въ видѣ денегъ, постепенно соединяются и наконецъ доходятъ до того капиталиста, который

отдалъ ихъ въ долгъ первому члену изъ этой цѣпи торгашей. Во всемъ этомъ круговращеніи товаровъ можетъ поразить одно: цѣнность товара, перевезеннаго въ теченіи мѣсяца или двухъ на многія сотни верстъ, должна была бы весьма чувствительно увеличиться; а чрезъ изложенное выше дробленіе и притомъ въ большей части случаевъ, если только не всегда, отдачу этихъ дробныхъ частей съ барышемъ—и еще того болѣе увеличиться; на практикѣ же этого мы не замѣчаемъ. Въ Самаркандскомъ отдѣлѣ, напримѣръ, базарная цѣна Самарканда—служить руководящей цѣною и для остальныхъ базаровъ отдѣла и къ ней, и то не всегда, прибавляютъ чеку двѣ на джюру, какого-либо товара.

Подобное явленіе можетъ быть объяснено тѣмъ, во первыхъ, что мелкіе торговцы часто съ пользою промѣниваютъ свои товары на продукты мѣстнаго производства, во вторыхъ, трату времени на провозъ и самый провозъ они ставятъ ни во что, а въ третьихъ, наконецъ, они довольствуются самыми микроскопическими барышами, а зачастую и тѣмъ, что на выручку могутъ быть сытыми и кормить свою лошадь. Ко всему, сказанному о дѣятельности таджиковъ, слѣдуетъ еще прибавить, что они занимаются извозомъ на арбахъ, ишакахъ и лошадяхъ, постройкой домовъ, рѣзбой и раскраской стѣнъ въ домахъ, обтесываніемъ камней, рѣзбой на мраморѣ и проч. и проч. Однимъ словомъ таджикъ на всѣ руки мастеръ.

Натура таджика при всѣхъ поименованныхъ родахъ дѣятельности выказываетъ себя подвижной, сангвинической, светливой и вмѣстѣ съ тѣмъ въ извѣстныхъ случаяхъ лѣнливой, беззаботной; обѣ крайности въ ней уживаются, какъ нельзя лучше. Вотъ почему о таджикахъ составились два, совершенно различныя мнѣнія между русскими Туркестанскаго края; одни говорятъ: таджикъ лѣнивъ, другіе — что онъ до крайности дѣтеленъ. Одни говорятъ о немъ, какъ о поклонникѣ всякихъ удовольствій и забавъ; другіе, какъ о человѣкѣ скупомъ, вполне преданномъ расчету, дѣлу. Какъ объяснить

происхожденіе этой видимой разногласицы въ мнѣніяхъ о таджикахъ?

Когда таджикъ не имѣеть извѣстнаго занятія, не получилъ товаръ, не устроился въ томъ или другомъ отношеніи, когда онъ старается, напримѣръ, что-либо приобрести, тогда онъ весь движеніе, весь упорная настойчивость; онъ не чувствует ни усталы, ни жары, ни холода, и—что особенно странно—онъ дѣлается безстрашнымъ, дѣйствуетъ, что называется, очертя голову. Онъ пѣшкомъ или верхомъ переходитъ изъ города въ городъ, изъ кишлака въ кишлакъ, имѣя въ виду только ту цѣль, которой онъ задался.

Но вотъ цѣль достигнута; деньги приобретены, товаръ купленъ, сложенъ въ лавченку, осталось продать его. Тутъ таджикъ превращается въ лѣниваго, неподвижнаго, совершенно апатичнаго человѣка. Съ утра и до вечера онъ, поджавъ подъ себя ноги, сидитъ въ своей лавченкѣ; безстрастно встрѣчаетъ и провожаетъ своихъ покупателей; глаза у него, когда нѣтъ этихъ покупателей, безцѣльно устремлены куда-то; онъ безмысленно смотритъ въ пространство, онъ скорѣе въ такія минуты похожъ на истукана, нежели на живаго человѣка....

Ткачъ-работникъ съ 3—4 часовъ по полуночи и до вечера намаза, нитка за ниткой выполняетъ свою работу. Въ день онъ отдыхаетъ не болѣе часу, и усидываетъ при простомъ челнокѣ и на первобытномъ станкѣ соткать 4 аршина канауса. Съ такою усидчивостью и неутомимостью онъ работаетъ пять съ половиною дней въ недѣлю. Съ полдня же четверга и до поздняго вечера пятницы онъ свободенъ отъ работы, отдыхаетъ. Въ эти полтора дни онъ, какъ говорится, не ударитъ палецъ о палецъ. Онъ безцѣльно слоняется по улицамъ, по базарамъ, по цѣлымъ часамъ сидитъ у бассейновъ, на площадяхъ базаровъ, въ чайныхъ. Лѣнь и беззаботность рѣзко отражаются на его лицѣ, во всѣхъ его движеніяхъ.

Таджикъ, апатично сидящій въ лавкѣ, рабочій, гуляющій безцѣльно по улицамъ, наводятъ русскихъ на мысль, что таджикъ по природѣ своей лѣнивъ. Они видятъ часы его от-

дыха, наблюдаютъ его въ то время, когда ему не для чего тратить свои силы и говорятъ: таджикъ апатичень, чего никогда не скажетъ тотъ, кто имѣлъ случай видѣть таджиковъ въ рабочіе ихъ часы, въ тѣ моменты, когда они еще только достигаютъ чего-либо.

Намъ приходилось слышать слѣдующее: „чтобы видѣть, какъ таджикъ лѣнивъ, стоитъ посмотрѣть на одну его походку; приглядитесь, какъ онъ неумѣло ходить! Скажешь ему чтобы онъ поскорѣе шель,—онъ ни за что на свѣтѣ не прибавитъ шагу“. Мы къ этому, совершенно вѣрному замѣчанію на счетъ манеры ходить, составляющей впрочемъ особенность таджиковъ, укажемъ еще на другую ихъ особенность: ни одинъ таджикъ никогда не станетъ ходить по комнатѣ изъ угла въ уголь, какъ дѣлаемъ это мы, будучи взволнованы, обдумывая что нибудь, или просто отъ нечего дѣлать. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ таджикъ сядетъ и будетъ сидѣть часъ или два безъ движенія и только при сильномъ волненіи по временамъ хвататься за грудь.

Теперь, по заданной нами программѣ, слѣдовало бы рассмотреть таджика, какъ ученаго, но мы считаемъ болѣе удобнымъ отнести эту рубрику къ концу очерка таджиковъ; а теперь обратимся къ характеру таджика, къ его положенію въ обществѣ и въ семействѣ и къ отношеніямъ его къ другимъ народностямъ, живущимъ въ округѣ.

Деспотизмъ управителей Самарканда, система шпіонства, введенная во всей Средней Азіи, а слѣдовательно существовавшая и въ Заравшанскомъ округѣ, произволь людей военныхъ, чиновныхъ и особенно полицейскихъ и беспощадная казнь всякаго, на кого сдѣланъ доносъ,—все это сильнѣе всего давало себя чувствовать горожанамъ и жителямъ ближайшихъ къ городу деревень, т. е. отражалось на таджикахъ по преимуществу. Совокупность всѣхъ этихъ давленій рѣзко повлияла на складъ характера таджиковъ, на ихъ честность, нравственность, понятіе объ обязанностяхъ, на любовь къ жизни, на ихъ семейную и общественную жизнь и т. п.

Система такого давящаго управленія, вѣками дѣйствуя въ одномъ направленіи, выработала изъ таджика личность безотчетно скрытную, подозрительную до болѣзненности, дрожашую передъ властями и вліятельными, людьми, хвастливую, склонную къ обману на каждомъ шагу, и при томъ какому-то дѣтскому обману.

Если русскій по какому-либо дѣлу разговорится съ таджикомъ и спроситъ: не можетъ ли онъ, напримѣръ, рассказать ему сказку, до которыхъ таджики охотники, то онъ поклянется, что не только самъ не знаетъ ни одной сказки, но никогда, ни отъ кого не слыхалъ ихъ, и даже не можетъ указать на знающаго сказки. Но когда этотъ же самый таджикъ познакомился съ русскимъ покороче, убѣдился, что его спрашиваютъ безъ всякой задней мысли, а такъ себѣ, по ихъ выраженію, „для забавы“, и онъ видитъ что ему даютъ чай, да еще съ сахаромъ, тогда онъ выскажется вполне, къ сказкамъ прибавитъ кучу анекдотовъ, повѣрьевъ и даже расскажетъ то, что слушателю вовсе не интересно. Но конецъ концовъ всегда одинъ: знакомый таджикъ зачастую ходитъ, будетъ приводить своихъ пріятелей, рекомендовать ихъ съ самой хорошей стороны, самъ станетъ угощать ихъ чаемъ, совѣтовать имъ брать побольше сахару и прятать его въ карманы, жаловаться на казіевъ, полицейскихъ и просить себѣ или своему пріятелю хлѣбное мѣстечко. Имѣя тамыромъ (пріятелемъ) русскаго или туземца, но занимающаго видное мѣсто, таджикъ хвастаетъ этимъ передъ своими знакомыми и приводитъ своихъ пріятелей къ тамыру собственно для того, чтобы убѣдить ихъ, что онъ хорошо имъ принимается. Въ чайныхъ, на базарахъ, на гуляньяхъ онъ съ чувствомъ собственнаго достоинства громко будетъ рассказывать окружающимъ его и не всегда даже ему знакомымъ, какъ онъ запросто въ этотъ день пришелъ къ своему высокопоставленному другу, какъ тотъ бросился къ нему на встрѣчу, началъ его обнимать и не зналъ, гдѣ бы усадить его, чѣмъ бы лучше угостить. Прощаясь же, онъ очень упрашивалъ почаще къ нему заходить. Окружающіе слушаютъ расказащика

съ завистью; въ ихъ глазахъ онъ становится лицомъ, котораго расположеніе слѣдуетъ заискивать и знакомство съ которымъ становится дѣломъ хорошимъ, пожалуй—и прибыльнымъ. Разскащикъ даетъ пищу толкамъ и пересудамъ, его начинаютъ мѣтить на вакантное мѣсто и проч.

Вы идете по базару, васъ окружаетъ толпа; съ крикомъ, съ подталкиваніемъ протискивается замѣтившій васъ вашъ тамыръ, протягиваетъ вамъ обѣ руки, захватываетъ ими вашу и вы чувствуете, что онъ нарочно дольше удерживаетъ ее въ своихъ. Это онъ дѣлаетъ не безъ цѣли; онъ потомъ будетъ говорить: „видѣли, какъ обрадовался мнѣ тюря, какъ онъ жаль мнѣ руки и не выпускалъ ихъ, не хотѣлъ меня отпустить отъ себя“. Сказавъ вамъ два три слова, таджикъ-пріятель объявляетъ вамъ, что у него много дѣла и что онъ, вслѣдствіе этого, дольше не можетъ оставаться съ вами. Эта фраза произносится громко и служитъ для окружающихъ неопровержимымъ фактомъ, что онъ съ русскимъ тюрей находится на короткой, пріятельской ногѣ; иначе онъ долженъ былъ бы ждать отъ тюри позволенія уйти.

Таджикъ льстивъ и никогда не преминетъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы наговорить кучу комплиментовъ. Онъ говоритъ ихъ или прямо, что называется, въ глаза слушателю, или обращаясь къ постороннимъ, присутствующимъ, выражается въ третьемъ лицѣ о томъ, про кого онъ говорить. Любовь таджиковъ къ комплинтамъ и особенно къ вычурнымъ сравненіямъ, гиперболамъ и проч. весьма замѣчательна. Солоно иной разъ приходится нашимъ переводчикамъ.....

Нахальство и ложь таджика, какъ и вообще средне-азіатца, переходятъ всѣ мыслимыя границы, когда онъ является свидѣтелемъ изъ за корысти, подкупленнымъ. Слѣдователь уличить его въ одномъ несправедливомъ показаніи; онъ, взявъ его, выставить десять такихъ же ложныхъ показаній, и если слѣдователь или вообще разбирающій дѣло будетъ на столько опытенъ, что постарается съ помощью другихъ свидѣтелей, различными сопоставленіями фактовъ и сторонъ дѣ-

да доказать, что и эти десять показаній тоже невѣрны, то онъ выдвинетъ цѣлую батарею новыхъ, приметъ присягу въ неподложности ихъ и проч. Ложный свидѣтель будетъ извертываться, путать все дѣло до тѣхъ поръ, пока не выяснится, что онъ подкупленъ и зачастую за двадцать, за сорокъ копѣекъ. Какъ только убѣдился онъ, что разбирающему дѣло извѣстно о его подкупѣ, онъ спокойно самъ сознается въ томъ и даже объявить, что онъ *бишара*, не имѣетъ на что купить себѣ лешку, а потому хотѣлъ ложнымъ свидѣтельствомъ заработать немного денегъ.

На ложныхъ свидѣтелей большинство туземцевъ смотреть, какъ на своего рода промышленниковъ, желающихъ трудомъ зарабатывать хлѣбъ. На нихъ не показываютъ пальцами ихъ товарищи. Они—торговцы—и больше ничего!

Жизнь ближняго таджика (тоже слѣдуетъ сказать и о другихъ народцахъ округа) ставятъ туземцы ни во что. Убить человѣка, а потомъ мучиться угрызениями совѣсти—немыслимо для всѣхъ таджиковъ вообще. Точно также таджики и на убійцу не смотрятъ, какъ на человѣка, унизившаго себя этнмъ поступкомъ. Зарѣзать барана, зарѣзать человѣка— для нихъ все равно. Безъ нужды никто не станетъ рѣзать барана, слѣдовательно тѣмъ болѣе человѣка, — такъ разсуждаютъ среднеазіатцы. Палачъ, на рукахъ котораго при бекахъ не высыхала кровь, пользовался отъ всѣхъ почетомъ и всѣ считали за честь держать эти руки въ своихъ рукахъ.

Видъ постоянной рѣзни, бывшей при эмирскомъ правленіи, видъ крови, труповъ съ перерѣзанными горлами до того приучилъ таджиковъ къ насильственной смерти, такъ это сдѣлалъ необходимымъ въ ихъ глазахъ, что они потеряли всякое поползновеніе къ борьбѣ за жизнь; для таджика борьба немыслима, когда разъ уже стало ему извѣстно, что его зарѣжутъ. Никто, кромѣ развѣ дикихъ американскихъ воиновъ апаховъ или японцевъ, не разстается такъ спокойно съ жизнію, какъ среднеазіатецъ. Мы видѣли приговоренныхъ къ смерти и не замѣчали въ ихъ лицѣ, ни тоски, ни страха, ничего такого, что выражало бы желаніе избавиться отъ приговора; полное

равнодушіе, совершенная покорность постигнутому—вотъ что отпечатлѣвается на лицѣ приговореннаго.

Но этотъ стоицизмъ, это пренебреженіе къ жизни не есть слѣдствіе глубокой вѣры въ обѣщанія Магомета, не есть продуктъ мусульманства, а давняго гнета, привычки видѣть убійства, насильственную смерть вокругъ себя въ теченіи многихъ лѣтъ; это отсутствіе мысли и невозможность ея зарожденія при среднеазиатскомъ управленіи, мысли о томъ, что человѣкъ владѣетъ своею жизнію и что никто не имѣетъ права отнимать ее у него. пытки и истязанія, которыми такъ щедро угощали правовѣрныхъ ихъ правители, притупили у нихъ чувство, образовали сильную волю, научили скрывать въ самихъ себя мученія физической боли: къ чему ихъ обнаруживать, когда извѣстно, что окружающіе могутъ только смѣяться надъ страдающими, но не сочувствовать имъ!

Мы видѣли раненыхъ, изувѣченныхъ язвами; одинъ взгляды на раны и язвы этихъ несчастныхъ леденилъ чувства европейцевъ. Но больные относились къ своимъ ранамъ и язвамъ, какъ фельдшера на перевязочномъ пунктѣ относятся къ ранамъ жертвъ человѣческаго самодурства — войны. Они безстрастно ошупывали разможженные свои руки и ноги, грубо разворачивали раны и говорили: „не заживетъ!“ Ни стоны, ни признака страданія не написано было на ихъ лицахъ. Одно только можно подмѣтить на лицахъ такихъ несчастныхъ: это злость на что-то вообще, но ни на что въ частности.

То, что сдѣлало таджика легко смотрящимъ на свою жизнь, терпѣливо переносящимъ физическую боль и устранило отъ него душевныя страданія, то самое образовало изъ него труса, не способнаго сознательно хладнокровно смотрѣть въ лице смерти, когда есть выборъ: оставаться на мѣстѣ или бѣжать подальше отъ опасности. Примѣръ нашихъ войнъ въ Средней Азій достаточна убѣждаетъ насъ, что таджикъ трусъ. Трусомъ его обзываютъ и узбеки, въ сущности такіе же трусы. Названіе *сартъ*, которое узбеки презрительно бросаютъ въ таджика, объясняется ими, какъ равнозначущее съ словомъ *баба*.

Сами таджики говорятъ про себя слѣдующее: „мы не любимъ войну, мы имѣемъ дома, землю, лавки; мы работаемъ и можемъ быть сыты своими трудами. Война насъ разоряетъ. Узбеки— дѣло другое! Они тогда только и сыты, когда ведутъ войну; война дѣлаетъ бѣднаго богатымъ и обратно. Наконецъ, мы не знаемъ: за что намъ должно драться съ другими?“ Политика, подобно войнѣ, мало занимаетъ таджика, если результаты ея не могутъ отражаться на его благосостояніи; также точно онъ мало слѣдитъ и за административными перемѣнами. Для него все равно: кто бы имъ ни управлялъ, лишь бы его матеріальныя выгоды не страдали.

Вотъ почему купцы, ремесленники и прочіе производители таджики всегда будутъ на сторонѣ русскихъ; они уже узнали, что подъ русскою властью они болѣе гарантированы отъ притѣсненій, разныхъ несправедливыхъ поборовъ, вообще отъ всего, что такъ или иначе можетъ вліять на матеріальную сторону ихъ быта. Духовные же изъ таджиковъ, тоже въ силу своихъ матеріальныхъ выгодъ, всегда противодѣйствовали и будутъ впредь противодѣйствовать русскимъ.

Таджики такъ привыкли къ тому, чтобы надъ ними властвовали пришлые, такъ часто переходили изъ города въ городъ, изъ одной провинціи Средней Азіи въ другую, что они считаютъ себя какимъ-то наноснымъ элементомъ, оторваннымъ отъ почвы, бывшей когда-то ихъ отечествомъ; то мѣсто, на которомъ зарытъ прахъ ихъ предковъ, имѣетъ такую же цѣну въ ихъ глазахъ, какъ и то, гдѣ зарыты ихъ кровные враги. Отечество — непонятно таджику, какъ идея отвлеченная. Онъ будетъ защищать свой домъ, землю, капиталъ, можетъ быть даже жену и дѣтей отъ разграбленія непріателемъ; но узнавъ, что непріятель не имѣетъ желанія его грабить, какъ частнаго человѣка, что дѣло идетъ о признаніи новой власти, онъ спокойно подчиняется новому правленію и обращается къ своимъ прежнимъ занятіямъ.

Можетъ быть таджикъ, спокойно, безучастно относящійся къ перемѣнѣ своихъ покорителей, интересуется ихъ вѣрой и разница въ вѣрѣ можетъ побудить его на борьбу, борьбу

религіозную? У насъ нѣтъ ни одного факта, на основаніи котораго можно было бы рѣшить этотъ вопросъ утвердительно. Отвлеченная идея, таджикъ, борьба — это все несовмѣстимыя понятія. Къ чему бороться таджику изъ за религіи, когда строгость постановленій ему въ тягость, когда они, какъ милость, приняли отъ русскихъ уничтоженіе райсовъ, когда онъ не уважаетъ—въ душѣ, разумѣется—свое духовенство? А по его понятію духовенство и религія—синонимы?

Нѣтъ, таджикъ не станетъ терять время и трудъ на то, что не приноситъ очевидной, матеріальной пользы. Мы говоримъ все это о массѣ, занятой полезнымъ дѣломъ, а не о духовенствѣ, живущемъ трудами другихъ, и не о той незначительной части таджиковъ, которые, съ занятіемъ русскими края, потеряли свое выгодное, административное положеніе.

Игра, пари сильно увлекаютъ таджиковъ. Въ каждомъ городѣ Заравшанскаго округа есть особые дома и переулки, куда собираются таджики для игры. Въ домахъ играютъ преимущественно по ночамъ, а въ переулкахъ — днемъ. Игроки иногда проигрываютъ все; они играютъ съ большимъ азартомъ: деньги, одежда, домашній скоть, даже жена, сестра, дочь, сынъ все идетъ на ставку. Въ игорныхъ домахъ и мѣстахъ воспитываются разбойники и воры. Играютъ въ карты, кости, четъ и нечетъ и въ другія игры.

Въ этихъ же домахъ пьютъ аракъ, покупаемый у евреевъ, мѣстное вино, бузу и отравляются куреніемъ кукнара, банга и тому подобнымъ. Впрочемъ для систематическаго отравленія куреніемъ и напитками существуютъ особыя заведенія. Около игорныхъ домовъ находятся публичные дома, дома бабей.... Вообще около нихъ сосредоточиваются подонки общества.

Игорные мѣста и дома служатъ притономъ не однимъ малосостоятельнымъ, но и богачамъ; однако играютъ по преимуществу молодые изъ богатыхъ. Намъ не извѣстенъ ни одинъ богатый игрокъ, который былъ бы пожилыхъ лѣтъ. Изъ бѣд-

ныхъ-же, кажется, чѣмъ старѣе, тѣмъ онъ болѣе завзятый игрокъ.

Въ игорныхъ домахъ и на игорныхъ мѣстахъ можно встрѣтить массу зѣвакъ, которые, такъ сказать, только выжидаютъ удобнаго момента, чтобы самимъ наброситься на игру, поставить свою деньгу на карту. Такіе присутствующіе иногда держать пари за когонибудь изъ играющихъ и, проигравшись на пари въ пухъ и прахъ, сами начинаютъ играть.

До чета и нечета нѣкоторые изъ таджиковъ и вообще изъ среднеазіатцевъ до того пристращаются, что не могутъ пробыть минуты, чтобы не играть въ эту игру самимъ съ собою. Намъ приходилось имѣть дѣло съ такими субъектами, по слѣдственнымъ дѣламъ. Сидя при допросѣ, они то и дѣло перебрасываютъ небольшіе камешки изъ одной руки въ другую и быстро сосчитываютъ что вышло: четъ или нечетъ? Они точно помѣшанные: на вопросы отвѣчаютъ не въ попадъ, потому что не слушаютъ ничего, занимаясь игрой.

Въ числѣ игръ, мы помѣщаемъ и кулачные бои, такъ какъ при нихъ азартно держатся пари за одну или другую изъ участвующихъ въ бою сторонъ.

Вдаваться въ подробности относительно кулачныхъ боевъ мы не будемъ; скажемъ только, что самыя большіе кулачные бои бывають на новый годъ въ Самаркандѣ въ Ходжа-Ахрарскомъ предмѣстьѣ, а въ Катты-Бурганѣ — около арыка Нарупая. Въ началѣ дерутся ногами, потомъ въ ходъ пускаются кулаки, наконецъ — камни и палки. Побѣжденных обирають до гола и исколачивають до полусмерти.

Зрители, какъ мы сказали, держатъ пари за сторону, или за бойца. Больше другихъ въ такихъ бояхъ отличаются татары (выходцы изъ Россіи) и узбеки. Для пари таджики (тоже слѣдуетъ сказать и о другихъ народцахъ округа) держатъ въ клѣткахъ перепеловъ и куропатокъ и весною, во время спариванія, спускають ихъ для боя. Для той же цѣли служатъ пѣтухи и верблюды. Пари держится всегда партіей на партію.

Пари, и притомъ самыя оживленныя, держатся на бачей и

борцевъ. Бачи плясуны выжимають изъ своихъ поклонниковъ сравнительно большія деньги; изъ за нихъ споряціе готовы драться на ножахъ. Къ побѣдителю при борьбѣ подсакиваетъ каждый изъ державшихъ за него пари, или вообще его стороннихъ, охватываетъ его обѣими руками и вмѣстѣ съ нимъ подпрыгиваетъ.

При шахматныхъ пари (въ шахматы играютъ публично) каждый изъ держащихъ пари имѣетъ право предлагать свой ходъ, который вслухъ обсуживается другими. Удачный ходъ или промахъ противниковъ вызываютъ взрывы хохота, крики удовольствія, остроты, за которыми не рѣдко слѣдуютъ потасовки съ противной стороны.

По мусульманскому праву, мусульмане все равны въ гражданскомъ отношеніи. Но мы вовсе не желаемъ слѣдить за мусульманами Заравшанскаго округа по ихъ книгамъ. Мы пишемъ то, что есть, а не то, что должно быть.

Таджики дѣлятся на духовныхъ и свѣтскихъ. Духовное званіе или пріобрѣтается рожденіемъ (ходжи и сеиды) или должностью (казіи, муллы, имамы, ишаны и проч.). Какъ тѣ, такъ и другіе ставятъ себя выше всѣхъ остальныхъ таджиковъ; они записные ханжи и имѣютъ значительное вліяніе на общественное мнѣніе. Представители ихъ держатъ въ своихъ рукахъ остальныхъ своихъ сотоварищей, знакомятся только съ богатыми купцами или важными должностными лицами и выказываютъ полнѣйшее презрѣніе къ мелкимъ торговцамъ, рабочимъ и небогатымъ земледѣльцамъ, которые за ихъ грубое обращеніе платятъ имъ наружнымъ почтеніемъ, униженіемъ себя въ глазахъ такихъ важныхъ особъ, и насмѣшками или сплетнями за глаза.

Свѣтская часть таджикскаго населенія имѣетъ своими представителями богатыхъ купцовъ и землевладѣльцевъ. Вліяніе этихъ представителей на массу опирается на болѣе существенное, нежели вліяніе духовенства: на деньги. Ремесленники, мелкіе торгаша и земледѣльцы всегда находятся въ за-

висимости отъ капитала. Рѣдкій изъ нихъ не обязанъ своимъ существованіемъ значительному купцу: они или продаютъ свою работу черезъ посредство ихъ, или получаютъ отъ нихъ въ долгъ деньги для ея производства, выплачивая этотъ долгъ сработаннымъ товаромъ, или же пользуясь словомъ богача, какъ рекомендаціей, они работаютъ для купцевъ второй руки. Отъ купцевъ же въ большинствѣ случаевъ получаютъ деньги также и мелкіе землевладѣльцы на расходы по земледѣлію. Если еще прибавить, что многіе богатые изъ купцевъ дѣлаютъ въ извѣстные праздники угощеніе народу, то маши, то станеть очевиднымъ для тѣхъ, кто хотя немного знакомъ съ среднѣ-азіатскимъ населеніемъ, что первостепенное купечество извѣстно массѣ, пользуется ея расположеніемъ, а вслѣдствіе этого, купечество имѣеть и значительное вліяніе на весь народъ; такъ какъ въ средѣ народа всегда находится много личностей, интересы которыхъ тѣсно связаны съ интересами купечества, то слѣдовательно всегда есть и ихъ агенты.

Весьма трудно прослѣдить скрытную, но сильную борьбу купечества съ духовенствомъ, борьбу движенія съ застоємъ. А между тѣмъ борьба эта была и есть даже нынѣ. Если до 1864 года она имѣла исходной своей точкой одно вліяніе на массу, ради почета и надѣла по сборамъ податей, то съ этого года въ эту борьбу вошло устраненіе войны съ русскими. И, какъ извѣстно, голосъ купцевъ не всегда заглушался крикомъ муллъ. Каждая изъ этихъ партій защищала и защищаетъ въ такой борьбѣ свои денежные интересы. Выгоды купеческой партіи идутъ въ разрѣзъ съ выгодами партіи духовныхъ.

До занятія нами Заравшанскаго округа народъ стоялъ за купечество, а люди служилые (не всегда, впрочемъ)—за духовенство. Въ этой борьбѣ купечеству необходимо было вести дѣло свое очень и очень осторожно: они играли съ огнемъ; противники ихъ, прикрываясь религіею, основывали свои доказательства въ пользу войны съ русскими на указаніяхъ корана и могли всякаго, открыто идущаго противъ ихъ мнѣній, уличить въ измѣнѣ религіи, въ переходѣ на сторону кя-

фировъ. Но въ купеческой партіи сосредоточивалась вся интеллигенція Средней Азіи и всѣ капиталы, что много уравновѣшивало силы боровшихся.

Съ занятіемъ округа русскими, борьба между купечествомъ и духовенствомъ далеко не прекратилась, а напротивъ, приобрѣла большую энергію. Но теперь перевѣсъ видимо на сторонѣ купцевъ. Духовенство шипитъ, изливаетъ всю желчь на русскихъ, но можетъ этимъ заниматься, такъ сказать, келейно, въ ограниченномъ кружкѣ. Народъ имъ не довѣряетъ и въ большинствѣ случаевъ радъ радехонекъ, что съ приходомъ русскихъ можетъ на нихъ меньше тратиться.

Дѣти богатыхъ купцовъ и духовныхъ рѣдко когда перемѣняютъ профессію своихъ отцовъ. Дѣти же незначительныхъ купцовъ, ремесленниковъ и земледѣльцевъ при первомъ удобномъ случаѣ, при достаточности матеріальныхъ средствъ и возможности получить образованіе въ медресе, выходятъ или муллами, или муфтїями и мирзами *).

Высшее духовенство и купечество, вмѣстѣ съ должностными лицами: амлякдарами, зякетчами, курбашами, аминами и проч. составляютъ аристократію округа. Знакомство аристократія ведетъ только со своимъ кругомъ, разбиваясь все таки на много кружковъ. Народъ аристократію знаетъ, приходитъ къ ней въ дома по дѣламъ, на званія томаша, хвастаетъ въ своей средѣ знакомствомъ съ аристократіей, но въ своихъ домахъ ее не видитъ. Развѣ нечаянно какой нибудь важный духовный или богатый купецъ заѣдетъ на минутку къ обыкновенному смертному; и тогда осчастливленный такимъ посѣщеніемъ таджикъ долго, долго будетъ всѣмъ рассказывать про знаменитое посѣщеніе и про любезности, которыя ему говорила „особа“, хотя эта особа, ради сохраненія своей важности, почти все время глубокомысленно молчала, въ любезностяхъ же разсыпался самъ осчастливленный

*) Вотъ почему мы придаемъ большое значеніе зачатку добраго дѣла: устройству въ Самаркандѣ русскими школы для туземцевъ, гдѣ совершенно устранено вліаніе духовенства.

хозяинъ. Сосѣди съ завистью узнають о прїѣздѣ особы, сбѣгаются во дворъ къ счастливцу, но взойти въ комнату, гдѣ особа сидитъ, было бы черезъ чуръ невѣжливо. По этому они и ограничиваются только тѣмъ, что сложивъ на крестъ руки на груди, подходятъ къ дверямъ комнаты, занятой особой, и кланаясь въ поясъ, произносятъ *ассалямъ-алей-кумъ*. На это особа дѣлаетъ чуть замѣтный кивокъ головою и отвѣчаетъ: „*алей кумъ-ассалямъ*“. Получивъ отвѣтъ, таджикъ не разгибаясь пятится назадъ и входитъ въ толпу.

Посидѣвъ не много, особа уходитъ. Съ надутой важностью, медленнымъ шагомъ онъ подходитъ къ своей лошади, среди безмолвной толпы, пораженной его величіемъ. Всѣ кланяются ему низкими поклонами, хватаясь обѣими руками за животъ, какъ требуетъ среднеазіатскій этикетъ. Особа осматриваетъ присутствующихъ... Вдругъ ему почему нибудь захотѣлось обратить на одного изъ среды ихъ свое вниманіе; онъ дѣлаетъ ему кивокъ головой и протягиваетъ руку. Почтенный такую явную, публично выраженною благосклонностью, точно ужаленный, вырывается изъ толпы, сгибается въ три погибели, протягиваетъ обѣ руки впередъ, схватываетъ ими руку особы, прикладываетъ ее къ губамъ и ко лбу и держитъ у лба нѣкоторое время. Потомъ оставивъ руку особы, онъ шепчетъ молитву и не разгибаясь пятится въ толпу. Окружающіе, вся толпа, смотря на эту сцену съ умиленіемъ, а осчастливленнаго, когда онъ втиснется въ толпу, непремѣнно двое или трое потреплютъ по спинѣ.

Особа подходитъ къ лошади и хочетъ на нее садиться. Всѣ бросаются къ ней: одни поддерживаютъ его подъ руки, другіе держать стремя и вкладываютъ въ него ногу. Хозяинъ же лѣвой рукой держитъ лошадь подъ уздцы, а правой—помогаетъ особѣ сѣсть на лошадь.

Гость на лошади.

Если онъ первостатейная особа, то хозяинъ и многіе изъ присутствующихъ слѣдуютъ за его лошадыю и по сторонамъ пѣшкомъ, и провожаютъ такимъ образомъ почетнаго гостя до его дома. Въ противномъ случаѣ проводы оканчиваются у

угла квартала или даже въ концѣ переулка того дома, который былъ посѣщенъ особою. Этикетъ таджикскій не позволяетъ важному лицу ѣхать по городу безъ сопровожденія пѣшихъ служителей, скороходовъ. Если лицо имѣетъ палку, то ее несетъ главный скороходъ.

Когда высокій гость ѣдетъ по улицѣ, на крышахъ домовъ стоятъ и отвѣшиваютъ поклоны всѣ желающіе въ свою очередь быть когда нибудь осчастливленными. Въ щели дверей, заборовъ, воротъ смотритъ не одна пара черныхъ глазъ таджичекъ. Особа проѣхала, но кварталъ все еще находится въ волненіи, томашится. Идутъ розказни, подробно передается, что гость говорилъ, на кого обратилъ вниманіе и проч. Каждый увѣряетъ, что онъ, именно смотря на него, больше нагнулъ голову, дѣлая поклонъ всѣмъ, при чемъ даже улыбнулся, иные не нахвалятся его объемистой чалмой, увѣряютъ, что только праведные могутъ имѣть такой важный видъ, какимъ Аллахъ одарилъ особу. Женщины—сосѣдки бѣгутъ къ женѣ взысканнаго милостями особы, засыпаютъ ее вопросами, спрашиваютъ: что она подсмотрѣла особеннаго въ важномъ лицѣ и тому подобное; сообщаютъ другъ дружкѣ, какъ было бы пріятно быть женой такого лица, причемъ высказывается, что жена подобнаго почетнаго правовѣрнаго не можетъ носить ничего другаго, какъ канаусъ и матерію *фаранге*. Только и слышатся возгласы, да вздохи; „хаиръ, хай!“

Сыновья аристократовъ составляютъ цвѣтъ молодежи округа: они законодатели модъ, даютъ реномме лавкамъ, чайнымъ, парикмахерамъ, бачамъ и проч. и проч. Они тратятъ отцовскія деньги и дѣлаютъ долги. Имъ вѣрятъ въ долгъ не меньше, чѣмъ прежде вѣрили дѣткамъ европейскихъ аристократовъ, тузовъ. Всѣ ихъ знаютъ, всѣ готовы имъ услужить, разумѣется въ надеждѣ около нихъ поживиться. Они играютъ въ разныя игры, пьютъ, ухаживаютъ за чужими бачами и имѣютъ на содержаніи своихъ. Красотою своихъ бачей и искусной ихъ пляской они гордятся между собою. Отбить у другихъ, переманить къ себѣ какого нибудь извѣстнаго бачу составляетъ шикъ.

Всѣ разговоры этихъ аристократовъ вертятся на похожденияхъ бачей; они хвастаются побѣдой надъ извѣстнымъ мальчикомъ танцоромъ, точно также, какъ европейская избалованная и богатая молодежь извѣстнаго закала хвастается своими побѣдами надъ знаменитыми танцовщицами. Сплетни про ночныя похождения бачей составляютъ любимую тему ихъ разговоровъ и только изрѣдка, мимоходомъ, въ него входятъ сплетни про женщинъ. На такихъ сынковъ съ завистью смотрятъ сыновья небогатыхъ и незнатныхъ таджиковъ, а подъ часъ — и узбековъ, которымъ не по средствамъ тянуться за ними. Но они все таки тянутся; отцы бьютъ ихъ за трату денегъ, за долги и стараются какъ можно скорѣе женить, отдѣлать отъ себя. Каждый молодой таджикъ не аристократъ заискиваетъ расположеніе аристократа, старается втереться въ его кружокъ, а бачи изъ кожи вонъ лѣзутъ, чтобы только приглануться аристократу.

Въ праздничные и базарные дни часто можно встрѣтить идущими по самаркандской площади или по базарнымъ его улицамъ партію молодыхъ аристократовъ таджиковъ. Въ такой толпѣ всегда есть бача, разодѣтый въ пухъ и прахъ. Онъ гордо выступаетъ, дѣлаетъ глазки на право и на лѣво и ведетъ своихъ спутниковъ — поклонниковъ куда самъ хочетъ, приказываетъ имъ покупать себѣ лакомства и бросаетъ ихъ народу. Безцеремонно беретъ онъ у своихъ обожателей деньги и также кидаетъ въ толпу. За такіе поступки толпа восхваляетъ его, со всѣхъ сторонъ сыплются на него комплименты; его глаза сравниваются со звѣздами, поцѣлуй съ жаркимъ дыханіемъ жгучаго мекскаго вѣтра. Бача и его обожатели, слушая эти комплименты, находятся на верху блаженства, ощущаютъ еще большій приливъ гордости и тщеславнаго самодовольства, толкаютъ простолудиновъ и не даютъ спуска людямъ почетнымъ. На ихъ головахъ навѣрчены цвѣтныя, яркія, большія чалмы, на плечахъ ихъ по нѣскольку шелковыхъ или полшелковыхъ халатовъ. Кушаки — или въ серебряныхъ съ бирюзой бляхахъ, или изъ кашемировыхъ шалей. Сапоги съ зелеными каблуками...

На встрѣчу одной изъ такихъ партій идетъ другая. Тутъ уже приходится обѣимъ партіямъ раскошелиться. Уступить одной партіи передъ другой въ щедрости къ своимъ бачамъ, значило бы опозориться, сдѣлаться предметомъ насмѣшки для всего города, никуда не показываться въ теченіи недѣли или мѣсяца.

Хитрый, опытный бача пользуется подобнымъ случаемъ; онъ дѣлается необыкновенно нѣжнымъ къ своимъ обожателямъ, восхваляетъ ихъ красоту и щедрость и подводитъ къ лавкамъ. Подходятъ обѣ встрѣтившіяся партіи. Бачи начинаютъ смотрѣть наряды, чалмы, халаты и тому подобное. Одинъ изъ нихъ говоритъ другому: „эта чалма очень бы шла къ твоему лицу, но у тебя, кажется, такой нѣтъ“. — „Да, это правда,“ отвѣчаетъ пылкій поклонникъ, „у него такой чалмы еще нѣтъ; но душа моихъ желаній, цвѣтокъ могомедова рая не можетъ не имѣть чалмы, которая идетъ къ его красотѣ“. Чалма куплена. Тоже продѣлываетъ и другой бача, и такъ далѣе. Народъ толпится вокругъ этихъ двухъ партій, восхваляетъ щедрость молодыхъ людей, говоритъ стихи, часто экспромтомъ (отдѣльная личность, разумѣется) отпускаетъ самыя пошлыя сальности, весьма сочувственно принимаемая въ подобныхъ случаяхъ.

Но не всегда такъ мирно обходится встрѣча одной партіи среднеазиатскихъ ловеласовъ съ другой. Если бачи встрѣтившіяся партій почему либо въ ссорѣ, (а они могутъ быть въ ссорѣ между прочимъ оттого, что обоимъ бы имъ хотѣлось быть на содержаніи у одного и того же лица, или одинъ перебилъ у другаго выгоднаго содержателя)—то бачи встрѣтившіяся партій начинаютъ бранить другъ друга самыми оскорбительными въ данномъ случаѣ, не подлежащими печати прозвищами, ругательствами, плюются и даже порываются вступить въ рукопашную. Обожатели ихъ тоже начинаютъ ругаться. Драка при подобныхъ столкновеніяхъ почти всегда неизбежна.

Праздникъ, томаша—для всѣхъ, и для бѣдныхъ и для богатыхъ, для знатныхъ и для черни одинаково любезна; всѣ съ одинаковымъ нетерпѣніемъ поджидаютъ праздника. Къ годовымъ праздникамъ каждый таджикъ, будь онъ старикъ или мальчикъ, непременно купить себѣ какую нибудь обнову для своего туалета; въ крайнемъ случаѣ — застежку, но все же купить что нибудь. А чуть позволяютъ средства, онъ обновляетъ и весь туалетъ.

Опишемъ праздничный день:

Утромъ, часовъ въ 7 таджикъ начинаетъ одѣваться. Окатившись холодной водой, онъ надѣваетъ чистое бѣлье, сурмить брови, подводитъ глаза. Жена или сестра помогаютъ ему одѣваться, прикрашиваться.

Халать, поясъ не такъ сильно занимаютъ таджика, какъ чалма. Онъ повязываетъ ее передъ зеркаломъ, перемѣняетъ повязку нѣсколько разъ; совѣтуется съ женой или сестрой по нѣсколькx разъ: къ лицу ли ему такая-то повязка чалмы и только убѣдившись, что чалма наверху на голову совершенно къ лицу, онъ выходитъ изъ дому.

По улицамъ онъ идетъ, закинувъ голову къверху (мы говоримъ о такомъ таджикѣ, который купилъ къ празднику весь новый туалетъ), причемъ сильно размахиваетъ руками, но шаги дѣлаетъ маленькіе и идетъ медленно, что дѣлаетъ походку его неестественной и смѣшной. Встрѣчая знакомыхъ, хуже его одѣтыхъ, онъ не узнаетъ ихъ и проходитъ мимо. Дороги онъ никому не уступаетъ, почему то и дѣло сталкивается съ проходящими.

Выйдя изъ переулка на площадь, нашъ гуляющій таджикъ напускаетъ на себя еще больше спѣси, если только это возможно. Онъ заходитъ къ знакомому купцу въ лавку, садится въ ней и посылаетъ за чаемъ въ чайную. Чай принесенъ. Таджикъ пьетъ его, презрительно посматривая на проходящихъ. Халать у него полуспущенъ съ плечъ, видна бѣлая рубашка.

Время отъ времени онъ снимаетъ чалму, потряхиваетъ тюбетейку надъ головой и опахивается рубашкой, какъ вѣеромъ: это все дѣлается для того, чтобы показать проходящимъ, что

онъ не въ мѣру выпилъ чаю и чувствуетъ необыкновенную жару. Если въ это же время въ лавку войдутъ старья, уважаемая лица, онъ непременно выставитъ ногу и будетъ ею шевелить—неуваженіе полнѣйшее! Подобный поступокъ можетъ, по таджикскому этикету, позволить себѣ только старшій передъ младшимъ. Проходящіе разсматриваютъ нарядъ нашего гуляки, толкуютъ о достаткахъ владѣтеля подобнаго костюма, перебираютъ шикующаго по косточкамъ, однимъ словомъ обращаютъ на него вниманіе, чего и добивается каждый таджикъ. Посидѣвъ достаточно долго въ одной лавкѣ, таджикъ переходитъ въ другую, гдѣ повторяется тоже самое.

Также точно, съ несущественными измѣненіями, поступаютъ и всѣ купившіе себѣ обнову, т. е. всѣ достаточные люди изъ таджиковъ. Уже подъ вечеръ, выпивъ не одну дюжину чашекъ чая, вдоволь натѣшивъ свое самолюбіе, намозоливъ своею особою глаза всѣмъ, вызвавъ достаточно зависти, показавшій себя таджикъ идетъ домой. Дома, вертясь въ своемъ нарядѣ передъ женой или сестрой, онъ съ мелочною подробностью и съ огромными прибавленіями противъ дѣйствительности, рассказываетъ имъ: какъ онъ шелъ по улицѣ, по площади, сидѣлъ въ лавкѣ, сколько выпилъ чаю съ сахаромъ (хотя можетъ быть пить и безъ сахара), какъ прохожіе удивлялись ему, костюму его и важному виду, какъ онъ извѣстному лицу за то, что тотъ не далъ ему дороги, наговорилъ дерзостей и заставилъ при всѣхъ его извиняться передъ собой и проч. Жена только успѣваетъ дѣлать возгласы: „хаиръ! хаиръ!“ и временами прибавляетъ: „да я всегда была увѣрена, что ты знаешь, какъ себя держать; ты не похожъ на своихъ сосѣдей“. А выслушавъ все отъ мужа, она спѣшитъ къ сосѣдкѣ, чтобы съ прикрасами передать ей невѣроятно замѣчательныя похождения своего мужа. И долго послѣ этого событія ни мужъ, ни жена не даютъ никому покоя своими разсказами, а имъ другіе о томъ же предметѣ.

Нарядъ, одежда въ таджикской средѣ играетъ весьма важную роль, служитъ оцѣнкой дѣятельности, положенія въ обществѣ. Таджикъ по платью встрѣчаетъ, по платью же и про-

вожаетъ. Кто всегда одѣвался хорошо, щеголялъ своимъ платьемъ и вдругъ появился на гуляньѣ въ старомъ, тотъ вызоветъ на счетъ себя со стороны его знающихъ или только видѣвшихъ его хотя бы одинъ разъ, самыя щекотливыя замѣчанія и пересуды. Сейчасъ же пойдутъ предположенія о его мотовствѣ, игрѣ въ карты, пьянствѣ и проч. Предположеніе переходитъ въ увѣренность, съ прибавленіемъ сомнѣнія о достоинствѣ его, какъ мусульманина: „пока онъ былъ добрымъ правовѣрнымъ, до тѣхъ поръ пророкъ былъ щедръ къ нему, не лишалъ его богатства, предохранялъ отъ пороковъ“, говорятъ досужіе языки. Вотъ почему таджикъ будетъ отказывать себѣ въ пищѣ, въ поправкѣ своего жилища, но постарается появляться въ людномъ мѣстѣ въ праздничные дни въ обновѣ, одѣтымъ, не хуже того, какъ его привыкли обыкновенно въ такіе дни видѣть. Въ будній день, за малыми исключеніями, таджикъ ходитъ въ отрепьяхъ.

Семейная жизнь таджика почти во всемъ сходна съ семейной жизнью остальныхъ народцевъ Заравшанскаго округа, исключая евреевъ; потому мы описаніе ея, а по той же причинѣ и описаніе обычаевъ, намѣрены изложить, познакомивъ предварительно со всеми племенами округа. Теперь же скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніяхъ таджиковъ округа къ остальнымъ его народностямъ.

На словахъ узбеки пренебрегаютъ таджиками, а нѣкоторые ихъ роды хвастаются тѣхъ, что они не отдають своихъ дочерей замужъ за таджиковъ. Таджикъ же съ улыбкой относится къ тому, что узбеки смотрятъ на нихъ свысока и говорятъ: „узбеки безъ насъ жить не могутъ, а потому мы ихъ держимъ въ рукахъ—они *варвары, неучи*, даже сами за себя думать не могутъ. Мы имъ даемъ одежду, учимъ что и съ чѣмъ лучше ѣсть, какъ прилично одѣваться, обучаемъ ихъ въ махтубъ-хана, въ медресе, даемъ имъ казіевъ, муллъ, святыхъ *), учимъ ихъ мастерствамъ и снабжаемъ ихъ всякими

*) Таджикъ полагають, что святымъ можетъ быть только человекъ таджикской народности.

товарами. Правда, въ междуусобное, военное время узбеки насъ бьютъ и грабятъ; но когда все успокоится, мы свои убытки умѣемъ вернуть. Узбекъ очень простъ“, такъ всегда почти заканчиваютъ таджики.

Число таджиковъ въ округѣ—свыше 38,000 душъ обоего пола.

УЗБЕКИ.

А. Д. ГРЕБЕНКИНА.

Заравшанскій округъ, время отъ времени, подвергался такимъ катастрофамъ, послѣ которыхъ населеніе его, — а въ особенности населеніе частей плодородныхъ и богатыхъ ирригаціонными каналами, — значительно уменьшалось. Поэтому считать теперь живущихъ на территоріи Заравшанскаго округа узбековъ за потомковъ тѣхъ, которые ее заняли еще во времена общаго движенія узбековъ въ бассейнъ Заравшана, было бы, по нашему мнѣнію, по меньшей мѣрѣ не основательно. Правда—этого отрицать нельзя, — часть узбековъ (однако весьма малая изъ теперь живущихъ въ заравшанскомъ округѣ) — потомки водворившихся здѣсь еще при Тимурѣ, а можетъ быть и раньше, но большинство узбековъ округа — сравнительно недавніе пришельцы различныхъ частей Средней Азіи. Послѣ извѣстныхъ катастрофъ, населеніе округа обезлюдилось до того, что тамъ, гдѣ прежде жило густое земледѣльческое населеніе, осталось лишь незначительное число семействъ, принявшихъ за кочеваніе: это — въ долинѣ рѣки Заравшана, искрещенной ирригаціонными каналами, поддерживать которые можетъ только масса рабочихъ земледѣльческихъ рукъ. Эти оставшіеся узбеки, обратившіеся въ кочевниковъ, являются теперь столбами прошедшаго, на которыхъ выбиты имена родовъ, когда-то занимавшихъ ихъ участки, хотя въ настоящее время по большей части участки эти уже заняты другими родами. Эти же узбеки сохранили намъ пре-

нія названія кишлаковъ: по нимъ только мы знаемъ древнія вакуфныя и мильковыя земли, названія древнихъ городовъ и древнихъ арыковъ. Въ Каттакурганскомъ отдѣлѣ есть кишлакъ Каттамингъ. Самое названіе его указываетъ на то, что онъ нѣкогда былъ заселенъ мингами; теперь же въ немъ живутъ узбеки рода „джалаиръ“ и только нѣсколько семействъ минговъ; остальные минги выселились въ Карши. Просматривая старые документы вакуфовъ, встрѣчаешь, при опредѣленіи границъ этихъ земель, — „съ такой-то стороны вакуфное мѣсто граничитъ съ землями Джалаировъ“. Теперь же тамъ живетъ не джалаирскій родъ, а напимърѣ, бачрины. Однимъ словомъ, мы имѣемъ данныя, на основаніи которыхъ можемъ совершенно утвердительно сказать, что многіе узбекскіе роды, живущіе въ настоящее время въ заравшанскомъ округѣ, хотя и прежде жили въ немъ же, но теперь живутъ уже не на прежнихъ своихъ земляхъ. Снявшись съ прежняго своего мѣста жительства, они уходили изъ округа въ другія провинціи Средней Азіи, а когда возвращались по истеченіи извѣстнаго промежутка времени, то не всегда занимали прежнія свои мѣста.

При спеціальному описаніи родовъ узбековъ, находящихся теперь въ округѣ, мы укажемъ на время прибытія ихъ сюда, а теперь ограничимся общимъ замѣчаніемъ, что окраины округа или степныя мѣста меньше потерѣли въ отношеніи измѣненія родовъ, нежели оросительныя. Причины этого понятны и безъ объясненій для того, кто знакомъ съ условіями ирригаціи вообще. Вновь заселяя округъ, узбеки очевидно не сразу пришли въ него, но отдѣльными эмиграціями; такія эмиграціи, въ малыхъ правда размѣрахъ, продолжаются и до сихъ поръ. Населеніе заравшанскаго округа еще не установилось.

Переселенцы могли занимать только свободныя земли: они входили въ округъ не какъ завоеватели, а какъ просители. Такихъ свободныхъ мѣстъ, до Ша-Муратъ-бія, при немъ и даже послѣ него, было много. Изобиліе ихъ дозволяло эмиграціямъ одного рода помѣщаться вмѣстѣ, а не селиться между другими родами. Если въ какой нибудь мѣстности нахо-

дилась хотя малая часть одного рода съ пришлыми, и мѣстность была хороша, то пришельцы шли къ своимъ. Мы видимъ, что всѣ роды, прибывшіе въ округъ раньше, каковы напримѣръ: тюаклы, ктай, кипчаки, найманы и проч., занимаютъ сплошныя территоріи. Если ихъ деревни встрѣчаются среди деревень другихъ узбекскихъ родовъ, то какъ исключенія, происходящія или отъ того, что ихъ жители, еще при первоначальномъ заселеніи, вслѣдствіе какихъ либо причинъ, удалились отъ центра своего рода, или—это деревни прибывшихъ послѣ, или же, наконецъ, выселенцы изъ новаго своего жительствова. Окраины территоріи всякаго изъ этихъ родовъ состоятъ изъ деревень, заселенныхъ смѣсю родовъ сосѣднихъ, какъ оно и должно быть. Иногда, — это случается въ нѣкоторыхъ родахъ даже весьма часто,—вся деревня заселена однимъ родомъ; но два три дома въ ней есть узбеки весьма отдаленныхъ съ ними родовъ. Позже поселившіеся узбекскіе роды размѣстились спорадически, не сгруппированно: они селились тамъ, гдѣ были свободныя мѣста, таковы: катаганъ, дживанъ, ургентъ, юсъ, кыркъ, мангитъ и сарай.

Есть деревни, въ которыхъ живутъ выходцы изъ разныхъ родовъ; иногда въ такихъ сборныхъ деревняхъ можно ихъ насчитать до пятнадцати. Туземцы, на спросъ: какими родами узбековъ заселена подобная деревня, говорятъ „въ ней *джи-ды-урукъ*“; буквальный переводъ этого выраженія „семь родовъ“, въ переносномъ-же смыслѣ оно означаетъ — „множество родовъ“. Такія деревни особенно часто встрѣчаются около городовъ. Треугольникъ, образуемый отъ пейшамбенско-катта-курганской дороги, на западъ, между Акъ-дарьей и Кара-дарьей, особенно богатъ кишлаками, заселенными джи-ды-урукъ.

Роды, которые размѣстились по окраинѣ округа, по близости къ горамъ или среди самаркандско-джамской степи (чуль)—полуосѣдлые; поселившіеся-же собственно въ долинѣ рѣки, въ настоящее время, вслѣдствіе недостатка земель и другихъ причинъ, обратились въ осѣдлыхъ. Отъ прежней ихъ кочевой жизни, у нихъ осталась привычка жить въ кибиткахъ

кошемныхъ или изъ камыша и соломы; такія кибитки снару-
жи обмазываются глиной. У нихъ есть и сакли, которыхъ
однако они не любятъ и употребляютъ для держанія скота,
говоря, что въ сакляхъ узбекъ протухнетъ, будетъ подобенъ
таджику.

Узбекъ и киргизъ—для насъ одно и тоже, въ чемъ, можетъ
быть, мы и ошибаемся. Но цѣльный киргизскій типъ въ за-
равшанскомъ округѣ намъ пришлось встрѣчать только меж-
ду кипчаками и ктаями. Остальные же узбеки приняли въ се-
бя кровь разныхъ народовъ Средней Азіи и очевидно черезъ
это весьма сильно измѣнили свой первоначальный типъ. Мы
знаемъ примѣры, гдѣ узбека скорѣе можно было бы принять
за таджика, нежели за узбека.

О существующемъ въ заравшанскомъ округѣ сліяніи раз-
ныхъ типовъ мы уже говорили въ очеркѣ о таджикахъ, а по-
тому, опуская здѣсь этотъ вопросъ, повторимъ еще разъ, что,
по нашему мнѣнію, узбекъ есть киргизъ, измѣнившій свой
типъ вслѣдствіе помѣсей съ другими народностями Сред-
ней Азіи.

Узбеки говорятъ, что названіе ихъ произошло отъ двухъ
словъ: *Узи* и *бекъ* — самъ себѣ бекъ, самъ господинъ. Но
такъ какъ слово *бекъ* не *тюркско-кочевое* слово, то, принявъ
ихъ объясненіе существующаго для нихъ названія за вѣрное,
нужно допустить, что „узбеками“ они назвали себя уже по-
слѣ покоренія Средней Азіи. Въ дальнѣйшія тонкости этого
толкованія мы не будемъ входить по незнанію языка. Если
толкованіе происхожденія названія „узбеки“ вѣрно, то во вся-
комъ случаѣ не для настоящаго времени. Теперь узбекъ не
господинъ: онъ новый рабъ тѣхъ, которые пожелаютъ и съ-
умѣютъ имъ владѣть.

Все матеріальное благосостояніе узбековъ находится въ ру-
кахъ таджиковъ, индійцевъ и евреевъ.

Жизнь ихъ зависитъ отъ произвола бековъ-персіанъ, или
хотя и узбековъ, но которые уже не признаютъ родовой свя-
зи по племенамъ и для которыхъ торговый классъ населенія
ихъ бекства дороже всего. Ихъ духовенство, ихъ грамотные,

амлякдары, мирзы и проч.—это все не узбеки, или съ рѣдкими исключеніями узбеки. Постоянное войско эмира состоитъ меньше всего изъ узбековъ: узбекъ, привыкшій къ лошади, въ сарбазы не пойдетъ.

Эмиръ, говорятъ узбеки, родомъ мангитъ; все это хорошо, но въ немъ узбекскаго ничего нѣтъ и онъ ихъ терпѣть не можетъ, какъ въ высшей степени неспокойныхъ своихъ подданныхъ.

Эмиръ смотритъ на узбековъ какъ на малыхъ, глухыхъ дѣтей; онъ знаетъ, что эти дѣти могутъ шалить, и знаетъ, какъ съ ними слѣдуетъ поступать. Чтобы они не очень разшаливались, эмиръ рѣжетъ ихъ родовитыхъ представителей и ласкаетъ второстепенныхъ.

Узбеки составляютъ, какъ извѣстно, громадное большинство населенія Средней Азіи, а слѣдовательно и заравшанскаго округа. Эмиры могутъ, собственно говоря, опираться только на нихъ. Эмиры и опирались всегда на узбековъ, но для опоры выбирали только извѣстные роды ихъ, болѣе спокойные, не имѣющіе родовитыхъ представителей.

По отношенію къ эмирамъ, узбековъ округа можно раздѣлить на всегдашнихъ сторонниковъ эмира и на постоянныхъ его противниковъ. Замѣчательно, что враги эмира—по преимуществу осѣдлые узбекскіе роды, занимающіе плодороднѣйшія мѣста округа. Тѣмъ не менѣе, покрайнѣй мѣрѣ въ настоящее время, эти роды не могутъ быть причислены къ богатымъ. Возстанія узбековъ округа всегда были кровавы и не рѣдко весьма продолжительны. Послѣднее возстаніе мѣанканскихъ узбековъ было лѣтъ 8—9 тому назадъ. Музаффаръ усмирилъ его и перерѣзалъ всѣхъ вліятельныхъ лицъ возставшихъ родовъ, не разбирая: кто правъ, кто виноватъ.

Самыя сильныя волненія между здѣшними узбеками происходили въ концѣ царствованія эмира Гайдара (Эмиръ-Сеить) и въ началѣ царствованія Насръ-Улла-хана, въ періодъ отъ 1815—1835 года. До конца этихъ возстаній (до 1835 г.), узбеки имѣли весьма много крѣпостей; особенно ихъ много было у ктаевъ, кипчаковъ и минговъ. Беки такихъ крѣпостей

не только дѣлали нападенія на другіе роды, но даже дрались съ такими же беками своихъ родовъ. По словамъ старожилонъ, весь Міанканъ былъ раздѣленъ на множество маленькихъ бекствъ, владѣвшихъ иногда только нѣсколькими кишлаками. Въ мирѣ они не жили между собою и не оставляли въ покоѣ никого: ни купцовъ, ни горожанъ, ни путешественниковъ. Только и были слышны рассказы про грабежи, убійства, драку одного бека съ другимъ. Весь Міанканъ былъ наполненъ странствующими разбойниками *).

Гайдаръ и Насръ-улла старались уничтожить такую раздѣленность округа и самостоятельное существованіе разбойничьихъ бекствъ и дать силу своимъ бекамъ, которые были: въ Самаркандѣ, Чилекѣ, Катта-Курганѣ, Пейшамбе, Яны-Курганѣ, Пенджикентѣ и Джамѣ.

Уничтоженіе произвольныхъ бекствъ и разрушеніе ихъ крѣпостей стоило Сеиду и Насръ-Улла-хану не малыхъ усилій: имъ приходилось строить между двумя такими курганами свой курганъ и брать бекскіе курганы приступомъ. Гарнизоны взятыхъ крѣпостей безжалостно вырѣзывались, а самыя крѣпости, всегда построенныя на высокихъ насыпныхъ барханахъ, срывались. Мы можемъ насчитать до 100 крѣпостей, разрушенныхъ двумя названными эмирами.

Объ этомъ времени старожилы возстававшихъ родовъ вспоминаютъ съ содроганіемъ и страшною ненавистью къ эмирамъ бухарскимъ. Ктаи и кипчаки ненавидятъ эмировъ въ силу историческихъ событій; ненависть эта передается у нихъ отъ поколѣнія къ поколѣнію: рассказы матерей и отцовъ возбуждаютъ въ молодомъ поколѣніи желаніе, при первой же представившейся возможности, возстать противъ эмировъ. Разумѣется, теперь прошло время для возстанія ктаевъ и кипчаковъ противъ бухарскихъ властителей.

*) Въ то же время и въ такомъ же положеніи находилась Зачирчикская сторона, что намъ извѣстно еще съ 1868 года, когда мы на мѣстѣ собирали свѣдѣнія о кураминскомъ уѣздѣ.

На спросъ, почему узбеки считаютъ эмировъ бухарскихъ своими душманами (врагами), ктаи и другіе узбеки возставшихъ родовъ говорятъ „эмиры всегда насъ притѣсняли, дѣлали на насъ большіе налоги, нежели на другихъ узбековъ, рѣзали нашихъ старшинъ, давали намъ сборщиковъ *сартовъ* или ирани“, и проч. въ томъ же родѣ. На самомъ же дѣлѣ притѣсненіе такихъ родовъ эмирами ограничивалось тѣмъ, что имъ не позволяли жить грабежемъ и разбоемъ, вводили среди нихъ гражданское устройство и признавали за ними столько же права, какъ и за прочими жителями Міанкана.

Родовая связь у узбековъ, на сколько мы имѣли возможность убѣдиться, ограничивается однимъ родомъ. Отдѣленія, под-отдѣленія и проч.—у нихъ не имѣютъ уже никакого или весьма малое значеніе: они, такъ сказать, поглощаются „родомъ“.—Да оно иначе и быть не можетъ: въ округѣ, на сравнительно незначительной территоріи, находятся болѣе 20-ти родовъ. Всѣ они, въ силу этого, незначительны, и ничто иное какъ части большихъ родовъ, находящихся въ туркестанскомъ краѣ, въ Бухарѣ, и въ аму-дарьинскомъ бассейнѣ.—При большемъ родѣ, отдѣленія на столько значительны, что могутъ имѣть сильныхъ своихъ представителей, свои собственные интересы; здѣсь же—даже родъ очень малъ, а отдѣленія вполне микроскопичны и не способны жить самостоятельную жизнью; кромѣ того всѣ они по большей части, перемѣшаны между собою. Возьмемъ для примѣра туркменъ. Здѣшніе туркмены составляютъ незначительную часть племени *Тока*, а именно отдѣленія *Казааклы*.

Не всѣ роды узбековъ знаютъ свои отдѣленія и под-отдѣленія; наконецъ у нихъ самихъ, уже въ Заравшанскомъ округѣ, появились новыя дѣленія на под-отдѣленія, и происхожденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ нужно отнести ко времени лѣтъ 60 тому назадъ. Изъ какого нибудь отдѣленія выдѣлился особенно богатый узбекъ, имѣвшій много сыновей: его потомство величаетъ себя уже под-отдѣленіемъ, по названію своего прадѣда. Вообще мы убѣдились, что въ Заравшан-

скомъ округѣ не слѣдуетъ придавать никакого значенія отдѣленіямъ, существующимъ въ родахъ здѣшнихъ киргизъ.

Прежде обращенія къ родамъ узбековъ, живущихъ въ округѣ, скажемъ два слова о родовыхъ дѣленіяхъ узбековъ вообще. Въ исчисленіи родовъ узбековъ средней Азіи мы не находимъ ничего правильнаго. Ханыковъ, заимствуя раздѣленія узбековъ изъ книги *Нассядъ-намяши-узбекъ*, говоритъ, что ихъ 97 родовъ. Борнсъ показываетъ только 32 племени узбековъ,—столько же показываетъ и Вамбери.

Источникъ, приводимый Ханыковымъ, можетъ, по нашему мнѣнію, только отчасти служить доказательствомъ, что нѣкогда узбеки дѣлились на 97 родовъ. Какъ историческое свидѣтельство, оно еще имѣетъ значеніе, но основываясь на немъ нельзя дѣлать никакихъ заключеній о дѣленіи узбековъ, существующемъ въ настоящее время. — Почему Вамбери и Борнсъ придерживались въ своихъ исчисленіяхъ племень узбековъ цифры 32, а не другой—этого понять нельзя; что касается до Вамбери, то онъ причислялъ къ племенамъ все, что ему попадалось подъ руку: роды, отдѣленія и под-отдѣленія...

Туземцы округа и ученые бухарцы хвастливо говорятъ, что узбековъ 92 рода. Мы имѣли нѣсколько списковъ этихъ родовъ: всѣ они разнствуютъ другъ отъ друга, и мы не имѣемъ никакой охоты приводить идеальныя дѣленія узбековъ.

Предположимъ, что у узбековъ существуетъ родъ *a* и отдѣленія *b*, *v*, и т. д.—Если, съ теченіемъ времени, отдѣленіе *b*, почему-му бы то ни было, очень выдвинулось изъ среды другихъ отдѣленій рода *a*, то весь этотъ родъ, мало по малу, начинаетъ терять свое названіе и остальные отдѣленія получаютъ уже родовое названіе отъ *b*. Такъ, въ переходномъ состояніи находится родъ *Мерка*: онъ состоялъ изъ кыркъ, мингъ-юсовъ и другихъ отдѣленій. Теперь уже рѣдко кто изъ минговъ знаетъ, что онъ изъ рода мерка: онъ причисляетъ себя уже къ роду мингъ. Минги завели свои отдѣленія, под-отдѣленія и проч. — Приведенный случай таковъ, гдѣ всѣ отдѣленія, такъ сказать, сразу сбросили съ себя ро-

довое имя, и начали самих себя считать за особый родъ. Даже если пойти дальше, кыркъ, мингъ и юсы признають себя за особый самостоятельный узбекскій родъ «*Кыркъ-мингъ-юсъ.*»

Кенегесы и мангиты—отдѣленія одно и того-же рода; но теперь они признають себя за совершенно отдѣльные рода и относятся другъ къ другу весьма враждебно.

Въ силу всего вышесказаннаго, мы не будемъ приводить: сколько именно родовъ узбековъ въ средней Азiи, а ограничимся перечисленiемъ только тѣхъ родовъ, которые есть въ заравшанскомъ округѣ.

Въ округѣ живутъ узбеки слѣдующихъ главныхъ родовъ: 1) Тюаклы, 2) Мингъ, 3) Найманы, 4) Уйшунъ, 5) Кутча, 6) Катаганъ, 7) Мангиты, 8) Сарай, 9) Багринъ, 10) Юсы, 11) Кыркъ, 12) Каракалпаки, 13) Кипчаки, 14) Кътай, 15) Мишаны, 16) Туркмены, 17) Джалаиръ, 18) Дурмень, 19) Урганчи и 20) Тюркъ. Въ специальной части описанiя узбековъ мы, на сколько возможно, подробно рассмотримъ каждый изъ нихъ порознь, теперь же обратимся къ слѣдующему.

Болѣе сильные роды, какъ увидимъ ниже, удержали еще старинныя преданiя о своемъ бывшемъ могуществѣ и, слѣдовательно, питають презрѣнiе къ остальнымъ. Все это выражается у узбековъ въ женитьбѣ. Такiе роды брачатся по преимуществу между собою; а если и берутъ себѣ женъ изъ другихъ болѣе низкихъ родовъ, то за то сами не даютъ своихъ дѣвушекъ имъ. Правда и то, что если узбекъ говорить, что ихъ родъ не выдаетъ своихъ дочерей въ другой родъ, то такой рассказъ, вообще говоря, слѣдуетъ отнести къ хвастовству: не выдаютъ одни богачи или родовитые, а бѣдняки берутъ себѣ женъ изъ того рода, въ которомъ ихъ продають дешевлѣ, выдаютъ же въ тотъ родъ, въ которомъ даютъ больше. У узбековъ не считается униженiемъ брать себѣ жену изъ низшаго рода, если у него ихъ нѣсколько; но родовитому отдать свою дочь замужъ за субъекта низшаго рода, да еще и ничѣмъ не замѣчательнаго, положительный позоръ. Въ этомъ случаѣ наша европейская аристократiя вполне совпала по своимъ нравамъ съ аристократiей узбекской—дикость сош-

лась съ дикостью. Изъ таджиковъ или персіянъ берутъ себѣ въ жены одни богатые—какъ роскошную мебель, не больше.

Таджики же *) и ирани только въ крайнихъ случаяхъ выдаютъ своихъ дочерей за узбековъ, не въ силу особой ненависти, а потому, что они считаютъ узбековъ варварами и, по ихъ словамъ, жалѣютъ своихъ дочерей.

Разумѣется, большой калымъ, знатность рода жениха и его богатство,—для средне-азіяца, какъ и для европейцевъ, служатъ достаточными данными, чтобы выдать свою дочь за кого угодно. Узбекскія же женщины, въ выборѣ себѣ мужей, не разборчивы: имъ все равно, за кого бы ихъ не выдали.

Всѣ занятія домашнія и полевые (въ нѣкоторыхъ семействахъ и паханье земли) лежатъ на женахъ. Они смотрятъ за хозяйствомъ, собираютъ топливо, готовятъ кизякъ, прядутъ, обшиваютъ всю семью, ткуютъ (подкладочное полотно—астаръ), выдѣлываютъ овчину, дубятъ кожи и красятъ ихъ, шьютъ шубы, и проч. и проч. Кромѣ того и въ полевыхъ работахъ на долю женщины выпадаетъ не мало: она пашетъ, помогая въ этомъ трудѣ мужу, брату или сыну; взрываетъ текменемъ гряды въ садахъ, жнетъ, свозитъ или споситъ снопы на хирманы (токъ), провѣиваетъ ихъ. Однимъ словомъ, женщина у узбековъ—воль, на которомъ работаютъ безъ отдыха. Хотя немножко самостоятельный мужчина узбекъ старается ничего не дѣлать; онъ развѣзжаетъ съ базара на базаръ, посѣщаетъ знакомыхъ и рѣдко бываетъ дома.

Деньги всегда у мужа. Онъ выдаетъ ихъ женѣ на расходы съ большимъ расчетомъ. Даже больше: все обыденное хозяйство обязана вести жена, на свои заработки, на выручку отъ пряжи, продажи коконовъ и т. под.

Только празднества совершаются на мужнины деньги; изъ своихъ же заработковъ жена-мать покупаетъ дѣтямъ обновки; отецъ заботится почти исключительно о своемъ любимомъ ребенкѣ.

*) Городскіе.

Самые богатые узбеки донашивают свое платье до обращения въ лохмотья, и, доносивши до такой степени, они отдают его или работникамъ или приказываютъ женамъ выкроить изъ него одежду своимъ дѣтямъ.

Забота о дѣтяхъ, въ какомъ бы то не было отношеніи, составляетъ для узбека послѣднее дѣло. Когда ребенокъ выросъ и укрѣпился на столько, что уже можетъ быть рабочей силой, тогда онъ становится нужнымъ въ семействѣ и на него начинаютъ обращать вниманіе, т. е. наваливаютъ работу. Умъ, красота, находчивость признаются въ ребенкѣ, какъ и во взрослому, за ничто.

Рожденіе сына всегда болѣе радуется отца. Чувства матери, кажется, лежатъ больше къ дочери. Въ дочери мать видитъ будущую свою помощницу, а отецъ смотритъ на малютку-сына какъ на будущаго своего работника.

Особенной любви между родителями и дѣтьми не существуетуеъ. Мать и отецъ зачастую подвергаются побоямъ сыновей; ругательства самыя пошлыя, какъ со стороны сына, такъ и со стороны дочери, никто изъ узбековъ отцовъ и матерей не считаетъ предосудительными.

Если у узбека нѣсколько женъ, то онъ старается держать ихъ отдѣльно одна отъ другой, не въ силу предписанія корана, котораго онъ не знаетъ, да и не старается знать, а потому, что, въ большинствѣ случаевъ, физически невозможно держать ихъ въ смежныхъ комнатахъ. Живя нераздѣльно, онѣ каждый день будутъ драться и, какъ кошки, царапать другъ другу лицо. Еще въ худшемъ положеніи бываетъ мужъ, если всѣ его жены имѣютъ дѣтей: тогда къ дракамъ благовѣрныхъ его часто присоединяются драки ихъ дѣтей, и выходитъ адъ, а не семейная жизнь. Однако семейныя несогласія, о которыхъ мы сейчасъ говорили, происходятъ не отъ ревности, какъ съ перваго разу можно подуматъ, такъ какъ о ревности, сколько намъ извѣстно, азіатки не имѣютъ никакого понятія: ревность въ европейскомъ смыслѣ—для нихъ пустой звукъ, безъ всякаго внутренняго содержанія. Кстати замѣчу: мужъ по узбекски значитъ *иркекъ*—самецъ; слово *иркекъ* одинаково примѣняется

къ быку, собакамъ и т. п. Итакъ *джанджаль* (несогласія) между женами одного иркека происходятъ не изъ обыкновенной ревности, а отъ матеріальныхъ удобствъ и неудобствъ, отъ желанія каждой жены имѣть побольше вліянія на хозяйство иркека, отъ того, что одна изъ самокъ получила лучшій платокъ отъ самца, а другая—худшій. „Мнѣ все равно—любятъ ли меня мужъ, или нелюбятъ, лишь бы онъ дѣлалъ мнѣ хорошіе подарки. Если онъ мой иркекъ—онъ любитъ меня“—такъ, или почти такъ, говорятъ узбечки.

Невѣрность мужа также не имѣетъ для нихъ никакого значенія. Вѣрны ли жены мужьямъ? На этотъ вопросъ намъ самимъ нѣкоторые узбеки отвѣчали такъ: „жены мужьямъ не вѣрны еще до свадьбы“.

Узбеки не женятся на очень молодыхъ самкахъ. Здѣсь идетъ рѣчь о большинствѣ, а не о богачахъ, которые, имѣя по нѣскольку женъ, (на прим. 11 женъ), женятся, ради разнообразія, на 10-ти лѣтнихъ. Небогатый узбекъ ищетъ въ женѣ хорошую работницу, неутомимаго вола.

Молодая жена не вынесетъ тяжелой работы, на которую ее обрекаетъ замужество, не дастъ мужу возможности ничего не дѣлать по хозяйству; поэтому въ бракъ дѣвушки (онѣ только оффиціально величаются дѣвушками) вступаютъ, въ большинствѣ случаевъ, лѣтъ 15—20.

Въ нѣкоторыхъ узбекскихъ родахъ въ обычаѣ отдѣлять женившихся сыновей; въ другихъ они весьма долго живутъ вмѣстѣ съ отцомъ, имѣя съ нимъ одинъ котель; и въ этомъ послѣднемъ случаѣ, семейство, состоящее изъ 10 женатыхъ сыновей, имѣющихъ въ свою очередь дѣтей, считается за одинъ дворъ.

Калымъ, выкупъ, приданое, вносимое женихомъ за будущія услуги жены, не всегда составляютъ необходимое условіе при заключеніи узбеками брака; за-частую женятся безъ всякаго калыма.

Хорошіе пріатели или бѣдняки, при женитьбѣ, калыма не вносятъ; этотъ обычай, впрочемъ, встрѣчается не во всѣхъ узбекскихъ родахъ округа. Друзья иногда дѣлаютъ такого рода условія (что въ обычаѣ и у киргизъ): родившихся у нихъ дѣ-

тей разнаго пола съ самаго рожденія считать женихомъ и невѣстой. Такія дѣти растутъ вмѣстѣ, а придя въ возрастъ, вступаютъ въ бракъ, не уплачивая калыма. Однако женихъ, въ подобныхъ, заранѣе приготовленныхъ бракахъ, имѣетъ полное право отказаться отъ женитьбы на дѣвушкѣ, предназначенной ему въ жены еще до его рожденія.

Бѣдняки или зарабатываютъ себѣ жену у ея родныхъ, или, женившись на дочери такого-то, остаются у него въ работахъ, т. е. зарабатываютъ калымъ уже послѣ женитьбы. Бываетъ, что мужчина только сожительствуетъ съ женщиной, по формальнаго брака не заключаетъ, т. е. читается „фатиха“, но „никахъ“ (свадьба) не совершается. Въ такомъ случаѣ, для виду разумѣется, стараются скрывать соительство отъ отца женщины.

Мать о подобномъ, по ихъ понятію, противузаконномъ сожительствѣ всегда знаетъ и она же его устраиваетъ. Случаи подобнаго *полубрака*—далеко не рѣдкость между бѣдняками.

Всякій узбекъ, желающій жениться, посылаетъ въ семейство своей невѣсты сватовъ. Получивъ согласіе родителей быть иркекомъ ихъ дочери, онъ, по обычаю, не можетъ уже показывать своего лица ни отцу невѣсты, ни ея матери. Онъ долженъ избѣгать съ ними встрѣчъ; если же нечаянно встрѣтитъ, то обязанъ, чтобы не нарушить приличія, закрыться халатомъ и отворотиться, т. е. сыграть роль женщины, встрѣтившейся съ мужчиной. Что послужило причиной возникновенія такого обычая, мы не знаемъ; не знаютъ этого и сами туземцы.

По этому поводу туземцы говорятъ слѣдующее: кто хочетъ жениться, тому должно быть стыдно предъ отцомъ и матерью своей невѣсты; онъ не смѣетъ смотрѣть имъ въ глаза; онъ долженъ, чтобы не оскорблять будущаго своего тестя и тещу, скрывать отъ нихъ свое лицо. Мы считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь объясненія заравшанцевъ, почему женщина должна скрывать свое лицо отъ мужчины. Въ коранѣ на этотъ счетъ есть положительное указаніе; оно формулировано такъ: „женщина не можетъ показывать свое лицо, руки и ноги (го-

ля) тому, за кого она может выйти замуж". Узбеки, будучи не знакомы съ теоріей своей религіи, принявъ только внѣшнюю, обрядовую ея сторону, по преданію, при объясненіи причины закрыванія лица женщиной при встрѣчѣ съ мужчиной, не обращаются къ корану, а основываютъ правильность этого обычая на такихъ соображеніяхъ: женщина, говорятъ, они, ниже мужчины, присутствіе ея среди мужчинъ оскорбительно для послѣднихъ. Слѣдовательно, женщина должна, при встрѣчѣ съ мужчинами, закрываться или прятаться за заборъ, въ яму; но если ни забора, ни ямы по близости нѣтъ, то присѣсть на корточки, оборотясь къ мужчинѣ спиною. Предполагается, что проѣзжающій иркскъ очень важная особа (бекъ, начальникъ отдѣла и т. п.).

Итакъ, обычай закрыванія женщины существуетъ, есть и объясненіе ему; но всегда-ли этотъ обычай соблюдается?

Въ городахъ, гдѣ много духовенства, гдѣ большинство жителей—таджики, обычай этотъ, впрочемъ съ грѣхомъ пополамъ, соблюдается лишь на людныхъ улицахъ, базарахъ, площадяхъ. Въ кишлакахъ же, между сплошнымъ узбекскимъ населеніемъ, женщина свободно ходитъ открытой и закрывается только передъ русскими или духовенствомъ.

Намъ кажется, что обычай скрывать свое лицо отъ отца и матери невѣсты можно объяснить тѣмъ, что узбекъ очень развратенъ въ душѣ. Желая скрыть свой нравственный развратъ предъ отцомъ и матерью будущей жены, узбекъ хочетъ показать себя пуританиномъ и на столько непорочнымъ, что даже законное и вполне естественное сожителство съ женщиной считаетъ какъ-бы предосудительнымъ. Узбеки сами говорятъ: какъ же я буду смотрѣть въ лицо отцу моей невѣсты, когда я уже заявилъ, что хочу съ ней жить?

Женихомъ узбекъ бываетъ отъ нѣсколькихъ дней до нѣсколькихъ лѣтъ. Вообще, узбекъ считается женихомъ до тѣхъ поръ, пока онъ или не выплатилъ калыма за свою жену, или же пока отецъ, мать и родственники невѣсты не заявятъ, что они считаютъ калымъ уплаченнымъ, хотя въ дѣйствительности женихъ еще и не внесъ его сполна. Когда узбекъ по-

лучил согласіе отца или родныхъ невѣсты на бракъ съ нимъ, старшіе члены желающихъ породниться домовъ, безъ вѣдома жениха и невѣсты, составляютъ *масля—хатъ*, т. е. совѣтъ о величинѣ *калыма*, о времени прочтенія молитвы *фатиха*, или, какъ узбеки выражаются, о времени *ломанія лепешки* и совершенія свадьбы. Состояніе жениха взвѣшивается обѣими сторонами и, смотря по тому — большое оно или нѣтъ, назначается болѣе или менѣе продолжительный срокъ для совершенія *никаха*, т. е. свадьбы. Величина-же *калыма* по преимуществу и почти единственно зависитъ отъ состоянія родителей невѣсты, но не отъ родовитости ихъ. *Калымъ* потерялъ свое первоначальное значеніе въ *заравшавскомъ* округѣ: онъ сталъ просто подаркомъ, дѣлаемымъ стороною жениха сторонѣ невѣсты, или тратой на угощенія, дѣлаемая родственниками невѣсты родственникамъ жениха, знакомымъ его и своимъ знакомымъ. Поэтому случается, что родители невѣсты не получаютъ отъ жениха ни копейки денегъ, ни одного барана.

Мы немного остановимся на вопросѣ о *калымѣ*.

Съ момента засватанія, женихъ и его родители дѣлаютъ подарки невѣстѣ и ея роднымъ.

Подарки состоятъ изъ платковъ (коп. въ 20 и выше), *гребешковъ*, мѣдныхъ *серегъ*, *колець*, *лентъ*, *маты* на рубашки и разныхъ другихъ *туземныхъ матерій*, а также и *фаренги* (русскихъ и англійскихъ); *лакомства* также играютъ роль: дарятъ *сѣру* для жеванія, *изюмъ*, *урюкъ*, *медъ*, *куски сахару* и т. п. Иногда дарятъ *мясо*, *баранину*, *сало*, *рисъ*, *горохъ* и другою *зерновой хлѣбъ*. Стоимость всѣхъ подарковъ тщательно запоминается обѣими сторонами, во первыхъ для того, чтобы, если свадьба не состоится, одна сторона могла потребовать подарки назадъ, а другая не переплатить лишняго; во вторыхъ, чтобы, при заключеніи брачнаго листа, весь этотъ расходъ включить въ счетъ *калыма*. Мы говоримъ это про большинство. Богатые же, кромѣ подарковъ, выплачиваютъ еще известное количество денегъ родителямъ невѣсты или даютъ стадо *барановъ*, *лошадей*, *быковъ*, *ишаковъ* и *верблюдовъ*.

Когда родители невесты получили уже от жениха или его родных нужное по уговору количество калымнаго взноса, назначается день *никахъ-тоя*—день свадьбы.

По известному магометанскому правилу, женихъ не можетъ видѣть невесту; но въ заравшанскомъ округѣ этого не придерживаются, и женихъ не только хорошо знаетъ свою невесту, но зачастую и живетъ съ ней какъ женою.

Свадьба совершается у отца невесты на деньги жениха. Обрядъ бракосочетанія состоитъ въ томъ, что, съ общаго согласія родителей и родственниковъ брачующихся, заключается у казія (обыкновенно у повѣреннаго казія) контрактъ, гдѣ прописывается, что *такой-то* внесъ за *такую-то* столько-то. Однако, до прочтенія (послѣ усиленной ѣды) молитвы *никахъ* надъ чашкой съ водой, женихъ еще не называется мужемъ, а невеста — женой. При чтеніи этой молитвы присутствуетъ только женихъ; вмѣсто же невесты—ея повѣренный (уакиль); кромѣ того мулла, читающій молитву, старики-родные, родители и аксакалы (бѣлобородые). Иногда при этой церемоніи бывають и *кемтырь* (старухи).

Еще задолго до свадьбы, женихъ и невеста выбираютъ себѣ дружекъ. Первый—изъ молодыхъ парней одного съ нимъ рода, а вторая—изъ дѣвушекъ, ближайшихъ ея родственницъ.

Никахъ прочитывается обыкновенно послѣ заката солнца; по прочтеніи молитвы опять начинается ѣда; мужчины ѣдятъ въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ отъ женщинъ. Въ промежутокъ между ѣдою пляшутъ бачи (если узбекъ отаджичившійся), поютъ пѣсни, играютъ на дутарѣ или сопѣлкахъ. Тѣмъ же самымъ занимаются и женщины, съ тою разницею, что у нихъ пляшутъ не бачи, а молоденькія дѣвушки, ударяя въ бубны.

Угощеніе, или *тромаша*, тянется далеко за полночь. Потомъ женихъ посылаетъ сказать женщинамъ, окружающимъ его невесту, что онъ идетъ къ женѣ. Всѣ женщины *) зажигаютъ свѣчи и выходятъ къ молодому на встрѣчу; молодая же остается въ саклѣ, гдѣ сидитъ за занавѣсью, разгораживающею комнату на двѣ неравныя части: въ большей обыкновенно

*) Этотъ обычай не вездѣ соблюдается.

сидят почетныя женщины, въ меньшей—молодая. Молодой идетъ на женскую половину въ сопровожденіи дружекъ и молодежи. Въ тотъ моментъ, когда вся эта ватага хочетъ войти въ отдѣленіе женскаго помѣщенія, женщины съ крикомъ бросаются на нее, стараясь отбить молодаго. Происходитъ порядочная свалка, во время которой женщины визжать, машутъ зажженными свѣчами, поджигаютъ халаты и бороды мужчинамъ; а мужчины, пользуясь суматохой, позволяютъ себѣ разныя вольности, что еще болѣе усиливаетъ визгъ прекраснаго пола. Наконецъ женщины овладѣли женихомъ. Одна изъ нихъ беретъ его голову къ себѣ подъ мышку и тащитъ его къ молодой. Прочія женщины сопровождаютъ ихъ, а мужчины, лишившись молодаго, возвращаются на свою половину и принимаются за ѣду. Молодой, введенный въ саклю, обязанъ угощать всѣхъ женщинъ кушаньями, лепешками, сладостями, а онѣ — занимать его разговорами. Разговоры обыкновенно бываютъ очень сальныя и состоятъ изъ разныхъ двусмысленностей насчетъ новобрачныхъ. Замѣчу кстати, что сальности, которыя говорятся между самыми лучшими туземками округа, едва-ли когда могутъ быть произнесены самими отпѣтыми мущинами-европейцами.

Молодая все это время сидитъ за занавѣсью на постели, состоящей у богатыхъ изъ 10 — 30 ватныхъ одѣялъ, положенныхъ одно на другое. Насладившись бесѣдами подругъ своей жены и угостивши ихъ, молодой отправляется къ женѣ, куда имъ ставятъ неизбѣжный пловъ и разныя сласти. Подруги же ея продолжаютъ угощаться. Часовъ около трехъ ночи молодой объявляетъ, что подругамъ его жены пора уходить. Въ отдѣленіи мужскомъ къ этому времени остаются одни не женатыя; они пируютъ до восхода солнца. Сакля, въ который находится брачная постель, убирается всѣмъ приданымъ невѣсты: ниши завалены одѣялами (говоримъ о богатыхъ свадьбахъ), подушками, коврами; жерди и протянутыя веревки увѣшаны халатами, платками, рубахами, штанами (женскими) и прочими принадлежностями женскаго туалета и спальни. На полу разставлены калоши и ичеги. При

восходѣ солнца, молодой оставляетъ комнату своей жены и идетъ къ пирующимъ холостякамъ, съ которыми и доходить до своего дома.

Свадьба совершена, *обязательная* по обычаю первая ночь проведена молодыми въ домѣ отца жены. Послѣ этой ночи, мужъ имѣеть уже право, если найдетъ свою жену не дѣвицей, немедленно развестись съ ней; при чемъ ему возвращается весь калымъ, все, что онъ затратилъ.

Въ этомъ случаѣ голословное обвиненіе мужемъ жены ничего не значить; оно должно быть подтверждено матерями жены и мужа и третьей посредницей, которая, по обычаю, приходитъ вмѣстѣ въ брачную комнату по уходѣ мужа. Кромѣ того, при осмотрѣ принимается во вниманіе: жилъ ли мужъ съ женой, будучи еще ея женихомъ; о сожительствѣ этомъ *всегда* знаютъ сосѣди. Къ чести узбековъ должно отнести, что подобное обстоятельство, какъ отсутствіе доказательства невинности жены, не служитъ у нихъ поводомъ не только къ разводамъ, но даже къ какимъ бы то ни было несогласіямъ. Они говорятъ: „жениться на вдовѣ и жениться на дѣвушкѣ, находившейся въ короткихъ отношеніяхъ съ мужчиной,—все равно. Женщина не отвѣчаетъ передъ своимъ мужемъ за прежній образъ жизни. Пока она не жена—она свободна“ и т. п.

Мужъ можетъ перевести жену въ свой домъ чрезъ 2—3 дня, но можетъ оставить ее въ домѣ родителей. Въ первомъ случаѣ, при введеніи молодой въ домъ ея мужа, присутствуютъ всѣ дружки молодаго; при этомъ онъ въ послѣдній разъ угощаетъ ихъ какъ холостякъ. Съ того мгновенія, какъ въ его домъ поселилась жена, холостяки ему уже не пара. Во второмъ случаѣ, мужъ ходитъ къ женѣ украдкой, по ночамъ. Его должна встрѣчать и провожать въ саклю жены старуха, близкая родственница жены. Жена хотя имѣеть отдѣльную саклю, но въ занятіяхъ своихъ подчинена отцу и матери.

Случается, что замужня узбечка живетъ особнякомъ года четыре и переѣзжаетъ къ мужу уже имѣя трехъ-четырехдѣтей.

Во все время раздѣльнаго сожительства, мужъ не долженъ показываться ни отцу, ни матери своей жены.

Узбеки, какъ уже было сказано нами, раздѣляются на роды. Перечислимъ главнѣйшіе изъ нихъ:

І. Тюаклы.

Тюаклы не могутъ указать времени своего прихода въ Заравшанскій округъ; у нихъ сохранилось преданіе только о томъ, что они вышли изъ за Сыръ-Дарьи, со стороны Ташкента, и двигались на югъ чрезъ Чиназъ и Джизакъ, пока не пришли на настоящее мѣсто своего жительства. Слѣдъ ихъ движенія на югъ мы видимъ ясно: родичи тюаклы остались въ Джизакѣ и расселились по джизакско-самаркандской дорогѣ. За предѣлами Заравшанскаго округа тюаклы заняли восточную часть Годунъ-тау, и, протянувшись далѣе на юго-востокъ, заселили западную часть Шункаръ-тау, а перейдя Заравшанъ, достигли до высшихъ точекъ шахрисябскихъ горъ отъ меридіана Джаланъ-джаръ на востокъ. По Заравшану вверхъ они дошли до Суфіана, врѣзавшись, такимъ образомъ, въ сплошное населеніе гальча; на западъ же по этой рѣкѣ они не дошли до Самарканда: верстъ на 15 по лѣвому берегу Заравшана (у Испанди), и верстъ на 10 по правому, остановившись у кишлаковъ Майли-чукуръ и Урта-бѣузъ.

Территорія тюакловъ весьма разнообразна по своему топографическому характеру: отъ Суфіана почти до высоты Фарманъ-тюбе и далѣе на сѣверъ по Шункаръ-тау и Годунъ-тау, она состоитъ изъ невысокихъ, но дикихъ горъ, отлогихъ холмовъ и предгорій; послѣднія почти всегда состоятъ изъ террасъ, изборозженныхъ глубокими рывтинами. Эта часть территоріи тюакловъ весьма удобна для скотоводства и земледѣлія; искусственныхъ ирригаціонныхъ каналовъ въ ней нѣтъ, водою она снабжается изъ ключей и колодцевъ. Остальная, западная часть земель тюакловъ обилуетъ ирригаціонными каналами и съ избыткомъ орошена проточной водою; въ ея предѣлахъ берутъ начало древнѣйшіе и самые многоводные арыки округа, именно: Яузъ, Арыки, Янгы, Казанъ, Даргамъ, Тюаттаръ, Булунгуръ, Башъ-арыкъ и другіе. Вся эта часть могла

бы быть весьма хорошо обрабатываема, но тюаклы не принадлежатъ къ хорошимъ землевладѣльцамъ и потому, не смотря на обильное орошеніе, урожаи ихъ посѣвовъ не высоки.

Тюаклы раздѣляются на слѣдующія отдѣленія: 1) Чуботь, 2) Урай, 3) Молла-кесеки, 4) Мирза-кесеки, 5) Чангаль и 6) Гурачь. Последнее отдѣленіе считается бекскимъ.

Намъ не извѣстно, чтобы тюаклы распространились южнѣе, восточнѣе или западнѣе заравшанскаго округа. По окраинамъ своей территоріи, они перемѣшаны съ мингами, гальча, куги, тюрками, каракалпаками, юсами и кыркъ.

Въ началѣ всѣ тюаклы были кочевники; но такъ какъ кочевать возможно только при извѣстной состоятельности, обладая достаточнымъ количествомъ скота, то, съ теченіемъ времени, часть тюакловъ, обѣднявшая вслѣдствіе случайностей войны, обратились къ земледѣлію. Только положительная нужда, матеріальная необходимость принудила ихъ принять осѣдлый образъ жизни. Нужно полагать, что переходъ къ осѣдлости произошелъ сравнительно въ недавнее время, потому что и до сихъ поръ большинство осѣдлыхъ тюакловъ живетъ въ юртахъ (кара-уй), хотя у нихъ есть и сакли.

Кочевники тюаклы (иллюбаи), строго говоря—полу-кочевники; имѣя гористыя мѣста для кочевокъ, они, въ ущельяхъ горъ или у подошвъ предгорій, гдѣ есть ключевая вода, устраиваютъ для себя кишлаки, въ которыхъ собственно хозяйева стадъ живутъ въ теченіи всего холоднаго времени года. Работники же ихъ и въ такое время года кочуютъ со стадами, (такъ какъ кормъ на зиму не заготавливается), частью въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ они кочевали и лѣтомъ, а частью на снятыхъ пашняхъ.

Тюаклы, имѣющіе скотъ въ недостаточномъ количествѣ для отдѣльнаго кочеванія, передаютъ его богатымъ кочевникамъ на все теплое время года, а сами занимаются земледѣліемъ; зимою же они всегда держатъ скотъ около своихъ жилищъ, кормя его на пашняхъ. Богатые иллюбаи, у которыхъ есть 5 т. головъ мелкаго скота, вовсе не занимаются земледѣлі-

емъ. Стада тюакловъ состоятъ изъ овецъ, козъ, лошадей (въ Годунъ-тау), верблюдовъ (тоже) и кара-маль *).

Говорятъ, что два-три человекъ изъ тюакловъ илюбаевъ имѣютъ до 7 т. головъ скота, около ста человекъ—по 1000, а остальные изъ полу-кочевниковъ отъ 200 до 100. Верблюдовъ у богатыхъ бываетъ до 30, у остальныхъ полу-кочевниковъ отъ 5 до 10. Лошади ихъ хороши.

Самые богатые илюбаи кочуютъ въ восточной половинѣ горъ Годунъ-тау и по дорогѣ къ Джизаку.

Земледѣліе илюбаевъ, какъ сказано выше, не значительно; они сѣютъ: пшеницу и ячмень (богары и тремап), палы, въ незначительномъ количествѣ джюгару, а также просо и просянку; у Пенджикента и выше воздѣлываютъ ленъ, не для волокна, а только для сѣмени. Дыни и арбузы воздѣлываются ими въ большомъ количествѣ: ихъ возятъ для продажи въ горы. Замѣтимъ, что какъ бы ни были близки бахчи отъ кишлаковъ, но тюаклы непременно выставляютъ на окраину ихъ изодранную, закопченную небольшую юрту и кочуютъ кругомъ бахчи.

Илюбаи готовятъ для себя и для продажи: алачугелемъ, куржумы, кошмы, вьютъ арканы, прядутъ нитки (этимъ занимаются, разумѣется, женщины) лѣтомъ изъ шерсти, а зимою изъ хлопка, но не съ помощью колеса (чархъ), а урчакомъ (веретеномъ), почему ихъ бумажная пряжа и идетъ только на выдѣлку бузь и астарь.

Бѣдняки изъ тюакловъ рубятъ въ зимнее время лѣсъ въ ближайшихъ горахъ и на ишакахъ везутъ его на продажу въ базарныя деревни и въ Самаркандъ.

Тюаклы, особенно илюбаи, живутъ особнякомъ; на свои свадебныя и другія пиршества они не приглашаютъ узбековъ другихъ родовъ *); женятся тоже только между собой, хотя бываютъ и исключенія: такъ богатый, имѣя жену изъ своего рода, вторую беретъ изъ другаго и часто изъ таджиковъ. Бо-

*) Черный скотъ, рогатый скотъ.

*) Говорится объ общемъ, о принятомъ, а не объ исключеніяхъ.

гачи имѣютъ по три и по четыре жены. Калымъ простирается отъ 100 барановъ (по цѣнности) до одной лошади или коровы; безъ калыма не отдаютъ. Жена долго живетъ у своихъ родителей. Тюаклы любятъ пѣсни, игру на дутарѣ. Между ними въ чести разскачки.

Грамотныхъ между тюаклами трудно найти. Намъ пришлось слышать, какъ тюаклы хвалились, что у нихъ есть одинъ имамъ ихъ собственнаго рода.

Изъ числа кочевниковъ многіе тюаклы доживаютъ до глубокой старости, такъ что 110-ти лѣтній не есть рѣдкость между ними.

Этотъ родъ узбековъ всегда былъ сторонникомъ эмира и состоялъ у него на службѣ въ кавалеріи. По словамъ родовитыхъ тюакловъ, между ними были инаки и датхи.

Тюаклы живутъ въ 47 кишлакахъ и общую численность ихъ можно положить отъ 12—20 т. обоюго пола.

Сколько именно изъ этого количества кочуютъ и сколько живутъ осѣдло, пока трудно сказать.

II. Мингъ.

По преданію, сохранившемуся у минговъ, этотъ родъ узбековъ пришелъ въ Среднюю Азію съ сѣвера, еще до временъ Чингиса, и кочевалъ по Сыру. Въ бассейнѣ Заравшана минги пришли при Эланумѣ, родомъ Алчинъ. Гдѣ они первоначально кочевали въ этомъ бассейнѣ—неизвѣстно. Въ царствованіе Абдулла-Хана, во второй половинѣ XVI столѣтія, часть минговъ и притомъ родовитыхъ и богатыхъ, вслѣдствіе притѣсненій названнаго хана, оставила берега Заравшана и перекочевала на Аму-Дарью, къ сторонѣ Балха. Въ это же царствованіе оставшіеся въ Заравшанскомъ бассейнѣ минги, по преимуществу бѣдные, заняли мѣстность, на которой они живутъ и въ настоящее время.

Тоже преданіе говоритъ, что когда-то минги господствовали надъ частью Средней Азіи: имъ принадлежала полоса земель отъ Ура-тубе и Джизака на югъ, черезъ горы, на Са-

маркандъ и далѣе, почти въ томъ же направленіи, на Балхъ и Кундузъ. Старики минги съ гордостью говорятъ: было время, когда насъ всѣ боялись, когда мы могли брать даромъ все, что намъ нравилось.

Слѣды бывшаго владычества минговъ, подтверждающіе приведенное нами преданіе, видны въ Туркестанскомъ краѣ въ двухъ мѣстахъ: въ Ура-тюбе и Ургутѣ. Беки этихъ городовъ, до занятія ихъ русскими, были изъ рода мингъ и восходили на бекство не по назначенію эмировъ, а по наслѣдству и только номинально подчинялись эмирамъ.

Въ настоящее время, на сколько мы знаемъ, названіе мингъ извѣстно только на югъ отъ Джизакскихъ горъ. На сѣверо-востокъ отъ нихъ существуетъ названіе *Кыркъ-Мингъ-юсъ*, какъ обозначеніе особаго узбекскаго рода. На самомъ же дѣлѣ оно составлено изъ сліянія названій трехъ самостоятельныхъ, но родственныхъ между собою родовъ: *Кыркъ*, *Мингъ* и *Юсъ*. Кыркъ-Мингъ-юсы преобладаютъ въ полосѣ отъ Нау черезъ Ура-тюбе и Зааминъ къ Джизаку включительно. Минги же живутъ въ юго-восточной части Заравшанскаго округа и въ аму-дарьинскомъ бассейнѣ около Гисара, Байсуна, Ширавата, Дейнау, Балха, въ Кундузскихъ владѣніяхъ и въ Хивинскомъ ханствѣ. Однако минги хивинскаго вѣдомства такъ сказать, другаго *прихода*.

По толкованію туземцевъ, этотъ родъ узбековъ получилъ свое названіе, какъ синонимъ „множество“ (Мингъ—значить „тысяча“). Минговъ было такъ много въ отдаленныя времена, что ихъ можно было считать только тысячами.

Минги Заравшанскаго округа раздѣляются на три отдѣленія, въ свою очередь дѣлящіяся на многія подьотдѣленія.

Отдѣленія

1. Тугалы.
2. Богланъ.
3. Уахтамгалы.

Под-отдѣленія.

- Ахметъ, Чагыръ, Тунъ-намазъ, Ахшикъ и проч.
 Чибли, Кара, Мирза и проч.
 Альгаль, Чаутжайлы, Урамась, Токъ-намазъ, Кію-ходжа и Яратъ.

Тугалы считаются бекзатами, т. е. бекскимъ отдѣленіемъ. Территорія этого рода начинается отъ лѣваго берега Заравшана, въ 10 верстахъ къ востоку отъ Самарканда и идетъ, расширяясь, на юго-востокъ, къ Ургуту и далѣе, до границы съ Шахрисябскимъ бекствомъ. Такимъ образомъ въ нее входятъ земли, хорошо орошаемыя проточной водой, а именно отъ берега Заравшана и до Казань-арыка, земли степнаго характера — на югъ отъ Казань-арыка до первыхъ уступовъ шахрисябскихъ горъ и горныя. Это территорія минговъ соприкасается съ территоріями слѣдующихъ родовъ: съ сѣвера довольно узкой береговой полосой съ кара-калпаками; съ сѣверо-востока и востока—съ тюаклы и кутча; съ запада—съ тюрками, уйшунъ, найманами и таджиками. Въ срединѣ же ея заключаются территоріи: катагановъ, юсовъ-дурменовъ и таджиковъ.

Свойства мѣстности, заселяемой мингами, позволяютъ имъ заниматься и притомъ съ большимъ успѣхомъ, земледѣіемъ и скотоводствомъ; слѣдовательно минговъ по занятіямъ можно раздѣлить на земледѣльцевъ и скотоводовъ; сѣверные минги—до Даргама, почти исключительно земледѣльцы; отъ названнаго же арыка на югъ—земледѣльцы и скотоводы, полукочевники.

Земледѣльцы минги стоятъ выше своихъ сосѣдей, исключая таджиковъ, и отличаются отъ нихъ большимъ трудолюбіемъ. Они сѣютъ рисъ по берегу Заравшана, Сіабу, Кара-су, Даргаму, Казань-арыку и Янгы-арыку, но по послѣднимъ тремъ каналамъ въ незначительномъ количествѣ. Сѣютъ также пшеницу и ячмень, какъ богары, такъ и тореман, бангъ, просо и джюгару. Воздѣлываютъ, но мало, огородныя растенія и клеверъ, а около Джюма-базара, по лѣвую сторону Даргама и по дорогѣ изъ Джюма-базара въ Ургутъ—табакъ. Табакъ въ двухъ указанныхъ мѣстахъ воздѣлывается съ большимъ успѣхомъ и въ большомъ количествѣ. Его здѣсь сѣютъ больше, нежели во всякой остальной части Самаркандскаго отдѣла. Воздѣлываніемъ табака занимается подотдѣленіе *Аль-галь*, и въ особенности *Урамасъ*.—Здѣшній табакъ носить

названіе *каляги* *) и употребляется туземцами, какъ нюхательный, а салдатами—какъ курительный.

Сколько минги засѣваютъ табаку, строго говоря, трудно сказать. По тому пространству, которое мы видѣли засѣяннымъ, мы думаемъ, что табакомъ засѣвается, не меньше 300 танаповъ **); каждый танапъ при благопріятныхъ условіяхъ даетъ 3 батмана (бухарскихъ) табаку, слѣдовательно его собирается мингами—900 батмановъ или—7,020 пудовъ, т.-е. на сумму отъ 28,080 до 14,040 руб.

Садовъ у минговъ мало. Рощъ же весьма много, особенно у живущихъ отъ Заравшана до Даргама. Шелководствомъ они занимаются только около Джума-базара и Ургута, и то въ самомъ незначительномъ размѣрѣ.

Какъ скотоводы, минги занимаютъ далеко не видное мѣсто между узбекскими родами округа. Они почти исключительно разводять овецъ, или берутъ ихъ на пастбу у богатыхъ гуртовщиковъ, таджиковъ Ургута. Самые богатые изъ минговъ (такихъ между ними три или четыре), имѣютъ до тысячи овецъ и человѣкъ до ста—отъ 200 до 300. Въ теплое время года владѣльцы стадъ, зимою живущіе въ кишлакахъ, оставляютъ въ своихъ кишлакахъ старухъ и работниковъ, для занятія земледѣліемъ, а сами, съ остальными семействами, уходятъ въ ургутскія, магіанскія и фарапскія горы, гдѣ и кочуютъ до перваго снѣга.—Зимою ихъ стада частью распродаются, а частью кормятся около кишлаковъ, на снятыхъ пашняхъ.

Богатые гуртовщики, по преимуществу ургутскіе таджики, закушая гурты овецъ въ Хулумъ, Гисаръ и другихъ мѣстахъ аму-дарьинскаго бассейна, передаютъ ихъ потомъ для пастбы богатымъ людямъ разныхъ узбекскихъ родовъ и между прочимъ мингамъ. Величина отдаваемыхъ для этой цѣли гуртовъ въ одни руки простирается до 500 головъ.—По наживова-

*) *Калыги*, т.-е. изъ русскихъ городовъ; *каля*—*курганъ*, или городъ; таджики Самарканда, желая выразить, что такая-то вещь изъ Россіи, говорятъ: „каляги“. Первая сѣмена джума-базарскаго табаку вывезены изъ Россіи самаркандскими купцами.

***) Танапъ—625 кв. саж.

ни стадь, хозяева гонять ихъ на продажу. Барынь отъ продажи дѣлятъ по-поламъ между хозяевами гуртовъ и тѣми, кто ихъ пасъ. Лошадей у минговъ мало; наибольшіе заводы состоятъ изъ 10 матокъ, обыкновенно же изъ 3 или 4, но лошади ихъ считаются одними изъ лучшихъ въ округѣ, особенно такъ называемыя *ханазамъ*, т.-е. дома родившіяся. Скотоводы минги—полукочевники; кочуютъ они въ обыкновенныхъ юртахъ, *кара-уй* (черный домъ), въ которыхъ зачастую живутъ и въ киплакахъ.

Побочныя занятія минговъ мужчинъ слѣдующія: они ткуть: мату (кирь-базъ), каламу и алачу, но все въ маломъ количествѣ. Очищаютъ рисъ и готовятъ въ большомъ размѣрѣ пшеничную муку; за очистку 1 батмана риса берутъ 20 к. с. Продають на самаркандскомъ и ургутскомъ базарахъ колючку-янтакъ *) , употребляемую для топлива и съ которой въ концѣ весны они же собирають шакаръ, т.-е. отвердѣвшій сладкій сокъ растенія. Янтакъ растеть между Даргамомъ и Шахрисябскими горами.

Женщины этого рода, кромѣ исполненія обыкновенныхъ, домашнихъ работъ, занимаются набивкою кошемъ, тканіемъ попоны, алача-гелемовъ (паласовъ), коржумовъ, каповъ и хорошей армячины. Они же выютъ арканы, выдѣлываютъ овечьи шкуры, шьютъ шубы и даже окраска кожъ лежитъ на ихъ обязанности, тогда какъ въ другихъ узбекскихъ родахъ эта послѣдняя работа—чисто мужская. Подобно другимъ узбекамъ, они прядутъ нитки бумажныя и шерстяныя, какъ съ помощью колеса, такъ и веретена. Торговая дѣятельность минговъ обща съ таковою же вообще всѣхъ узбековъ округа, а потому о ней умалчивается, равно какъ на томъ же основаніи пройдемъ молчаніемъ ихъ внутреннюю жизнь. Скажемъ только, что минги брачатся предпочтительно между собою, а въ другіе роды отдають своихъ дочерей только вслѣдствіе особыхъ побудительныхъ причинъ. Величина калыма измѣ-

*) Дѣсь изъ Шахрисябскихъ горъ минги не вывозять; вывозкою его занимаются кутча и горные таджики.

няется, смотря по состоянію невѣсты, иногда отъ 40 до 200 рублей. Калымъ рѣдко когда выплачивается деньгами, большею же частью—скотомъ, зерновымъ хлѣбомъ. Праздникъ свадьбы (никахъ-той), разумѣется у болѣе состоятельныхъ, сопровождается рваніемъ козла и разными другими игрищами. Праздникъ справляется въ домѣ отца невѣсты, на калымъ жениха.

Большинство минговъ имѣеть одну жену; двѣ жены—не рѣдкость; по три же имѣють только нѣскольکو богачей.

Грамотныхъ въ этомъ родѣ весьма мало, однако въ каждой деревнѣ, кромѣ муллы, есть одинъ или два умѣющихъ читать, а иногда и писать.

Муллы мингскихъ деревень по преимуществу изъ таджиковъ. Минги во время владычества эмировъ пользовались извѣстнымъ почетомъ и имѣли изъ среды себя бековъ, но изъ того, что изъ ихъ рода были беки, еще не слѣдуетъ, что именно этими беками они и управлялись.

Минги Заравшанскаго округа находятся въ двухъ тюеняхъ: Ургутскомъ и Шаударскомъ. Тюмень Ургутскій, а слѣдовательно и часть минговъ, подчинялись ургутскому беку изъ минговъ; шаударскіе-же минги всегда управлялись самаркандскимъ бекомъ, т. е. не изъ минговъ. Если изъ какого нибудь узбекскаго рода избираются беки, то они обыкновенно имѣють свою стражу, своихъ сипаевъ и набирають ихъ изъ того рода, къ которому сами принадлежать. По понятіямъ же среднеазіатцевъ, почетъ и военная служба тѣсно связаны. Тюаклы, напримѣръ, *низкій* родъ, потому что не служили въ сипаяхъ. Катаганы *) же обратно, смотрять на всѣхъ, какъ на мелочь, съ которою и разговаривать не стоитъ, а почему?... Потому собственно, что при эмирахъ они всѣ, до единого, были сипаями, и ходили на высокихъ каблукахъ.

Изъ того, что минги-беки управляли Ургутомъ, также не слѣдуетъ, что Ургуть населенъ мингами. Ургуть составляетъ таджикскій оазисъ на территоріи минговъ. Ургуть **) первый

*) Ихъ въ округѣ до 400 д. об. пола.—

**) Въ Ургутѣ только нѣскольکو мингскихъ домовъ.

мануфактурный городъ въ Туркестанскомъ краѣ; онъ выдѣлываетъ въ годъ почти на 250 тысячъ р. алачи, и нужно хотя чуть-чуть знать узбековъ, чтобы уже по одному этому обстоятельству придти къ мысли, что не узбеки его заселяютъ. Равно минги не живутъ въ Фарапѣ, Маганѣ и особенно въ Кштутѣ. Этими мѣстами только управляли беки изъ рода минговъ и имѣли при себѣ сипаями по преимуществу людей изъ этого рода. Хороши кштутцы-узбеки, когда они и по узбекски-то плохо говорятъ!...

Минги, подъ вліяніемъ своихъ родовыхъ бековъ, при всякомъ удобномъ случаѣ составляли оппозицію эмирамъ и вмѣстѣ съ ктаями, кипчаками и кара-калпаками Заравшанскаго округа и кенегесами шахрисябскихъ владѣній вели съ ними продолжительныя и упорныя войны.

Минги заселяютъ 44 деревень, перечень которыхъ представленъ ниже, а число ихъ до 11.000 душъ обоего пола.

Кишлаки, въ которыхъ живутъ минги, суть слѣдующіе 1) Адасть, 2) Наузандакъ, 3) Джюма-базаръ (есть таджики), 4) Ялангачъ, 5) Яссе-тюбе, 6) Багы-заганъ, 7) Янгы-кишлакъ, 8) Хаузакъ, 9) Тугай, 10) Узукъ, 11) Сара-сія, 12) Талякъ-ата (есть таджики), 13) Пейшамбе-сіабъ (есть катаганы и таджики), 14) Котуръ-булакъ, 15) Наукась (есть ходжа-акъ-сіакъ), 16) Гальча, 17) Шапфулять, 18) Иска-Джюма (есть юсы), 19) Ура-мась, 20) Кайраклы, 21) Уракбай, 22) Санш-кулы, 23) Муголь (юсь и кутча), 24) Тигона (преимущественно юсы), 25) Альгаръ, 26) Рабатъ-кишлякъ, 27) Куль-кишлякъ, 28) Язманъ, 29) Занджирбагъ, 30) Бишъ-капа, 31) Зянбуракъ, 32) Мангутъ-абать, 33) Ача-майлы, 34) Бишкаль, 35) Кингиръ, 36) Сарымъ-тюбе, 37) Бишъ-Капа-куи, 38) Узунъ-кишлякъ, 39) Яръ-кишлякъ, 40) Галыгачъ-Джаръ, 41) Мирза-дивачи, 42) Мингъ-булакъ, 43) Мирза-баглянъ, 44) Катты Мингъ. —

III. Тюрки.

Между мингами и тюаклами живутъ тюрки. Они пришли въ Заравшанскій округъ лѣтъ 50 тому назадъ, при самарканд-

скомъ бекѣ Давлетъ-кушъ-беги, изъ ура-тюбинскихъ горъ, что тянутся отъ Ура-тюбе къ Джизаку *). Откуда тюрки приковывали въ горы, преданія ихъ умалчиваютъ.

Тюрки раздѣляются на четыре отдѣленія: 1) Калта-тай, 2) Каль-гафизъ, 3) Люляки и 4) Кара-кузь. Два отдѣленія: Балласъ и Мусса-базари перешли въ шахрисябскія владѣнія; въ округѣ изъ этихъ двухъ отдѣленій осталось только нѣсколько семействъ.

Тюрки—почти исключительно кочевники; только весьма бѣдные изъ нихъ, которыхъ въ этомъ родѣ очень мало, занимаются земледѣіемъ и доставкою дровъ и янтака въ Самаркандъ и другія мѣста округа, близкія къ мѣсту ихъ жительства. Они разбросаны отдѣльными оазисами и занимаютъ свободныя мѣста на территоріяхъ другихъ узбекскихъ родовъ. Западный ихъ предѣлъ есть Агалыкъ-тау. Далѣе, по шахрисябскимъ горамъ на востокъ, они живутъ у горы Тюркча **), находящейся въ 5—6 верстахъ восточнѣе Дашты-казы, т. е. на границѣ Когистана. Отъ Іури они заселили сѣверныя склоны Шункаръ-тау и, распространяясь отъ этого мѣста на западъ отдѣльными семействами, доходятъ до Чилека. Больше всего тюрки кочуютъ въ Агалыкъ-тау и въ Ялансаѣ. Съ занятіемъ края русскими войсками, болѣе богатые изъ нихъ, въ числѣ около 100 кибитокъ, уковывали къ Гисару, въ аму-дарьинскій бассейнъ.

Богачи тюрки кочуютъ по пенджикентскимъ горамъ, противъ Варзминора, въ горахъ Тюркча. Каждый изъ нихъ имѣетъ отъ 3—4 головъ мелкаго скота. Лучшія лошади находятся у Усматскихъ тюрковъ. Среднее число головъ скота у тюрковъ илюбаевъ отъ 100 до 200 ***); верблюдовъ у нихъ нѣтъ, а ишаковъ весьма мало.

Тюрки готовятъ: армячину, ала-чалегемъ, пуховыя

*) Тюрки и теперь живутъ въ этихъ горахъ (до 800 шртъ).

**) До 300 семействъ.

***) Мелкій свой скотъ тюрки продаютъ исключительно на самаркандскомъ базарѣ—самаркандскимъ барышникамъ.

опояски, онучи (очень грубыя), арканы, капы, куржумы, нитки изъ шерсти и всѣ прочія шерстяныя произведенія.

Бѣдные тюрки занимаются продажей дровъ (рубятъ въ пенджикентскихъ горахъ) и степныхъ травъ, годныхъ для топлива, а также акъ-таша, добываемаго въ Агалыкъ-тау*).

Тюрки живутъ до-нельзя замкнуто: они знаютъ только самихъ себя. Браки заключаютъ исключительно между собою. Калымъ выплачиваютъ отъ 8—100 барановъ, но женятся и безъ калыма. Женщины ихъ не закрываются.

Въ военной службѣ у эмира тюрки не были и не могутъ назвать никого изъ среды себя, кто бы имѣлъ чины бухарскіе.

Между тюрками весьма распространено состязаніе въ пѣніи и импровизаціи; въ обоихъ этихъ искусствахъ особенно отличаются ихъ дѣвушки.

Говоря о тюркахъ, нельзя умолчать объ одной изъ ихъ женщинъ—Шарифа-бай-бача, построившей, на свой счетъ, мостъ чрезъ Заравшанъ, извѣстный подъ названіемъ „ду-пулъ“.

Тюрки зимуютъ въ 19 деревняхъ; всего ихъ нужно считать до 4500 душъ обоюго пола.

Узбеки ли—тюрки? Мы ихъ причислили къ узбекамъ единственно потому, что ихъ называютъ такъ туземцы и они сами не отказываются отъ узбекскаго происхожденія. Говорятъ они по узбекски, но не много отличнымъ говоромъ. Что касается до типа, то тюрки не похожи на узбековъ. Черты ихъ лица весьма правильны, вполне индо-европейскія; борода густая, роста они не выше средняго, сложенія сильнаго. Схожихъ съ ними въ округѣ мы никого не знаемъ.

IV. Найманы.

На западъ отъ минговъ, по лѣвому берегу Заравшана, ближе къ шахрисябскимъ горамъ и въ самыхъ горахъ, живутъ

*) Акъ-ташъ—кварцъ; онъ идетъ на приготовленіе посуды чинны и особенно софалъ; чинны называется низшій сортъ, а софалъ — высшій. Ишачій вѣсѣтъ акъ-таша, вѣсомъ въ 3 пуда, стоитъ на самаркандскомъ базарѣ 15 коп.

найманы. Они заселяютъ, съ небольшими перерывами, все пространство отъ минговъ до западной границы округа съ бухарскимъ ханствомъ, т. е. до горъ Тимъ-тагъ и Зиръ-акъ-булакъ. Мы опредѣляемъ здѣсь границы территоріи наймановъ округа, но не наймановъ вообще, ибо они живутъ и далѣе означенныхъ западныхъ границъ—до Зіаудина и Кермине.

Темное преданіе наймановъ гласитъ, что они тоже вышли изъ за Сыра, но это преданіе обще всѣмъ узбекамъ. Настоящее свое появленіе въ округѣ найманы относятъ ко временамъ Надиръ-ша. До тѣхъ же поръ они жили около Байсуна и Широата, вмѣстѣ съ родственнымъ себѣ родомъ „кунградъ“, (кунградъ и найманъ по ихъ словамъ—дѣти одного отца Козакъ?). Поссорившись съ кунградцами, они, какъ слабѣйшіе, принуждены были бросить амударьинскій бассейнъ. Сколько прошло времени съ того момента, когда найманы покинули этотъ бассейнъ и черезъ Гузаръ и Карши достигли теперешняго своего мѣста—не извѣстно. На пути своемъ они селились частію въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ оказывались не занятыя земли. Такимъ образомъ часть наймановъ осталась въ Карши, часть въ Гузарѣ. При расселеніи своемъ въ заравшанскомъ бассейнѣ, болѣе бѣдные изъ нихъ поселились ближе къ Самарканду, на орошаемыхъ мѣстахъ, а богатые заселили степь.

Найманы округа состоятъ изъ трехъ отдѣленій: 1) Коштамгалы, 2) Садыръ-бекъ и 3) Уахтамгалы. Дальнѣйшія ихъ подраздѣленія на под-отдѣленія мы принуждены перечислить безъ всякой связи, потому что и сами найманы, хотя носятъ эти названія какъ прибавленія къ родовому названію „найманъ“, но сбиваются при опредѣленіи: къ какимъ отдѣленіямъ они относятся. Они говорятъ: я найманъ—Пулачи, Кара, Укрепъ, Казаяклы, Чумышлы, Джаланлы, Джагаръ-байлы, Боганачлы, Козакъ, Балталы, Агранъ и Бурунь-сау.

Сѣверо-восточная, весьма не значительная часть территоріи наймановъ состоитъ изъ плодородныхъ, искусственно орошаемыхъ земель; остальная же ея часть—или степь, или го-

ры и ихъ предгорья. Она изрѣзана множествомъ рытвинъ, наполняющихся водою только зимою и весною. Вслѣдствіе такого свойства занимаемой ими мѣстности, они только отчасти земледѣльцы. Посѣвы ихъ находятся у Самарканда и, въ незначительномъ количествѣ, у Кургана и Улуса. Въ остальныхъ же мѣстахъ своей территоріи найманы разводятъ скотъ.

Иллюбан—найманы, по количеству мелкаго скота, бѣднѣ тюакловъ; богатѣйшіе изъ нихъ имѣютъ не болѣе 3 т. овецъ и козъ. Для прочихъ иллюбаевъ за среднюю цифру можно принять 100 головъ мелкаго скота. Верблюдовъ у нихъ болѣе, нежели у тюакловъ; они занимаются извозомъ и доставляютъ въ Карши и Бухару пшеницу и проч. зерновой хлѣбъ, а оттуда привозятъ въ округъ: соль (изъ Карши) и разные товары (изъ Бухары), передаваемые имъ купцами. Что касается до лошадей, то хотя найманы не обладаютъ большими табунами и имѣютъ заводы не больше какъ въ 10—15 матокъ, но, по качеству своему, найманскія лошади цѣнятся весьма высоко и считаются лучшими во всемъ округѣ. Въ продажѣ на базарахъ нельзя встрѣтить хорошихъ лошадей: никто изъ порядочныхъ узбековъ не выведетъ на базаръ даже сносную лошадь, продаютъ одну калечь. Желаящій обзавестись порядочной лошадию долженъ ѣхать въ кочевню.

Въ зимнее время большая часть найманскихъ стадъ пасется въ Тимъ-тагѣ, а лѣтомъ въ джамскихъ горахъ и по Чулю. Въ Чулѣ ключевой воды и проточной весьма мало, почему кочевники роютъ колодцы въ глубокихъ отлогихъ впадинахъ и въ рытвинахъ. Въ такихъ мѣстахъ грунтовая вода находится на глубинѣ 2—10 сажень, на вкусъ она солоноватая, а мѣстами горько-соленая.

Произведенія наймановъ тѣ же, что и тюакловъ; женщины ихъ прядутъ исключительно шерстяныя нитки. Бѣдняки изъ наймановъ занимаются продажей топлива, которымъ обилуетъ Чуль; они собираютъ: янтакъ, джанжакъ, карракъ и другія травы, годныя для этого употребленія. Съ янтака же они собираютъ извѣстную манну шикарь, изъ которой пригото-

ляется большинство туземныхъ сластей. Найманы-земледѣльцы разводятъ шелковичныхъ червей, но въ самомъ незначительномъ количествѣ.

Илюбаи кочуютъ и зимуютъ въ кара-уй; земледѣльцы же имѣютъ сакли и кибитки, но предпочитаютъ жить въ послѣднихъ. Первые до сихъ поръ строго сохраняютъ понятіе объ отдѣльномъ родѣ, свою самостоятельность; вторые же, вступающая въ неизбѣжныя частыя сношенія съ другими родами узбековъ, потеряли свою самостоятельность и вступаютъ въ бракъ со всѣми узбеками.

Илюбаи, какъ богатые люди, держали (при эмирахъ) невольниковъ и невольницъ, почему между ними зачастую встрѣчаются особы съ персидскими чертами лица.

Что касается до калыма и увеселеній, то и въ этихъ отношеніяхъ найманы сходятся съ тюаклами,—но пѣсенъ они не поютъ, а говорятъ речитативомъ. Грамотныхъ между найманами весьма мало; имамы, которыхъ они стараются имѣть изъ своего рода, не только не умѣютъ писать, но даже не знаютъ азбуки.

Найманы всегда были на сторонѣ эмировъ; изъ нихъ во время войнъ формировался особый конный отрядъ *). Во время штурма Джизака нашими войсками, большая часть его защитниковъ состояла изъ лицъ этого рода. Высшій чинъ, до котораго дослуживались найманы—датха. При мусульманскомъ правленіи найманы имѣли своихъ биевъ, но они не играли той роли, какую играютъ бии у киргизовъ; ихъ власть вполнѣ подрывалась существованіемъ, рядомъ съ ними, казіевъ и бековъ. Найманы живутъ въ 63 кишлакахъ, зимовкахъ и урочищахъ;—общее число ихъ простирается до 18 тысячъ душъ обоого пола.

V. Уйшунъ.

Уйшуновъ въ округѣ весьма мало, не больше 500 душъ обоого пола. Всегда ли ихъ было въ немъ такъ мало и ка-

*) Замѣчательно, что теперь между найманами очень много воровъ и разбойниковъ.

кимъ образомъ они очутились въ округѣ—этого уйшуну не могутъ объяснить. По ихъ преданію, они пришли въ округъ еще въ то отдаленное время, когда Самаркандъ брали 92 (?) узбекскихъ племени. Нужно замѣтить, что уйшунуовъ немного и въ остальныхъ провинціяхъ Средней Азій; такъ въ хатырчинскомъ бекствѣ ихъ не больше 40 домовъ, а въ бухарскомъ бекствѣ еще меньше. Они говорятъ, что, кромѣ заравшанскаго бассейна, ихъ нигдѣ больше нѣтъ. Уйшуну раздѣляются на три отдѣленія: 1) Учаклы, 2) Кузь-тамгалы и 3) Ирганаклы.

Этотъ незначительный узбекскій родъ всегда находился на военной службѣ у бухарскихъ хановъ; для домашнихъ же занятій они имѣли рабовъ, рабынь и женъ. О военной дѣятельности ихъ можно судить уже потому, что, во время штурма Джизака (въ 1866 г.), изъ уйшунуовъ было убито 15 человекъ въ офицерскихъ чинахъ.

Уйшуну, какъ служилые люди, были богаты и пользовались большимъ почетомъ; доказательствомъ ихъ богатства можетъ служить то обстоятельство, что калымъ за ихъ дочерей простирался отъ 200—1200 рублей. Въ настоящее время уйшуну сильно обѣдняли и потеряли уваженіе народа. Къ земледѣльской работѣ они не привыкли, а съ водвореніемъ русской власти въ округѣ, ихъ специальное достоинство—военное ремесло потеряло свое прибыльное значеніе. Теперь калымъ у нихъ спустился до 40 руб. „Прежде мы были сыты“, говорятъ уйшуну, „а теперь голодны“; „прежде мы имѣли по нѣсколько бачей на содержаніи, а теперь самимъ въ пору идти въ бачи“.

Уйшуну, живя въ Кара-тюбе, составляли передовой постъ противъ кенегесовъ шахрисябскихъ владѣній.

Пѣсни уйшунуовъ и языкъ ихъ—чисто киргизскіе.

При взносѣ податей эмиры причисляли уйшунуовъ къ джалаирскому роду. Грамотныхъ между ними очень много; даже они увѣряютъ, что они всѣ грамотны, но имамовъ изъ среды себя они никогда не имѣли. Уйшуну живутъ въ Кара-тюбе, Сарычашма и Искандерѣ; кромѣ того по нѣскольку домовъ этого рода находятся и въ другихъ кишлакахъ Самаркандскаго отдѣла.

VI. Кутчи.

Кутчи говорятъ, что они выходцы изъ Кашгара, но, издавна живя между узбеками, утратили свой природный языкъ и говорятъ по узбекски. Ихъ типъ ничуть не напоминаетъ то племя, языкъ котораго они уже успѣли усвоить. Цвѣтъ ихъ лица темный, съ коричневымъ отливомъ, глаза черные и большіе, правильнаго прорѣза, борода густая, окладистая. Сами себя они называютъ „узбеками“ и дѣлятся на слѣдующія четыре отдѣленія: 1) Тогусь-науца, 2) Ших-саятъ, 3) Моли и 4) Кашгари. Изъ нихъ первое отдѣленіе—исключительно земледѣльцы, а остальные три не имѣютъ никакого опредѣленнаго занятія; одни изъ кутчей этихъ трехъ отдѣленій ловятъ и обучаютъ охотничьихъ птицъ: карчи, карчага и туюгунъ, — всѣ они кажется изъ соколиной породы и водятся въ шункарскихъ горахъ. Хорошо приготовленный для лова птицъ туюгунъ цѣнился прежде отъ 140—240 руб. Другіе барышничаютъ скотомъ или скупаютъ уголь у пенджикентскихъ гальча и везутъ его для продажи въ Самаркандъ, а также занимаются продажей топлива.

Кутчи выдѣлываютъ обыкновенныя средне-азіатскія произведенія изъ шерсти, а жены ихъ прядутъ изъ хлопка тонкія нитки.

Женятся они только между собою; калымъ выплачиваютъ за жену отъ 60—80 руб. Безъ калыма свадьбы не дѣлаютъ.

Въ военной службѣ никто изъ нихъ не служилъ. Грамотныхъ между ними нѣтъ.

Кутчи заселяютъ 10 кишлаковъ. Число ихъ не простирается свыше 1,500 д. обоюго пола.

VII. Катаганъ.

Преданіе катаганцевъ указываетъ на Кундузъ, какъ на прежнее ихъ мѣсто жительства. По этому преданію они вышли изъ подъ Кундуза при самаркандскомъ ханѣ (?) Абдуль-Газисѣ, который подчинилъ кундузскія владѣнія своей власти. Во время пребыванія Абдуль-Газиса въ Кундузѣ, старшій изъ

катагановъ, Назаръ-бекъ, со многими изъ своихъ одноплеменниковъ, пожелалъ присоединиться къ войску хана и, со всѣми своими стадами, женами и дѣтьми, направился черезъ Гисаръ и шахрисябскія владѣнія на Самаркандъ. До Самарканда достигло только одно отдѣленіе катагановъ—Акъ-чурагасы, въ шахрисябскихъ владѣніяхъ осталось отдѣленіе Тасъ-катаганъ, а въ Гисарѣ—Мунось-катаганъ. Всего вышло три отдѣленія. Назаръ-бекъ, дослужившійся до парваначи, приобрѣлъ въ Самаркандѣ большое состояніе въ земляхъ, которыя завѣщаль—онѣ были Милькъ-хурру-хались *)—своимъ сподвижникамъ какъ вакфъ-авлядъ. Эти земли, которыми пользуются до сихъ поръ катаганы, находятся въ киплакахъ Яремъ-тухъ и Испанди. Ихъ катаганы сами не обрабатываютъ, но отдаютъ въ аренду узбекамъ другихъ родовъ. Катаганы всегда служили въ сипаяхъ и только со времени занятія Самарканда русскими начали присматриваться къ земледѣлію.

Туземцы зовутъ катагановъ бекзатами, т. е. людьми бекскаго рода; при эмирахъ они слыли за людей богатыхъ. Катаганы женились прежде исключительно на женщинахъ своего рода, что кажется и послужило причиной, почему они имѣли только по одной женѣ. Калымъ выплачивался ими отъ 100 до 200 руб. Жены сейчасъ же по заключеніи брака перѣзжали въ домъ своихъ мужей.

Одно изъ любимыхъ развлеченій катагановъ—рванье козла (кокъ-бури). „Спяю“, говорятъ они, „нужно рвать козла, чтобы научиться хорошо управлять лошадыю и быть ловкимъ“. Пляски бачей въ большомъ ходу у этого племени. Ихъ жены тоже пляшутъ, разумѣется, между собою.

Наружностью катаганецъ весьма сильно напоминаетъ киргиза Сыръ-Дарьи; но всѣ рѣзкія черты киргизскаго типа въ немъ сглажены, смягчены. Праздность, а можетъ быть и женитьба на самыхъ близкихъ родственницахъ, убили въ катаганцахъ всякій смыслъ; выраженіе ихъ глазъ и лица очень

*) Единственно только милькъ-хурру-хались можно обращать въ вакфъ-авлядъ, т. е. въ потомственное владѣніе.

идіотичны. Языкъ ихъ узбекскій, но съ оттънками. Грамотны они всѣ, однако муллы и имамовъ имѣють изъ таджиковъ.

Катаганы, какъ вполнѣ военное сословіе, презирають таджиковъ и ставятъ ихъ на одну доску съ евреями.

Катаганы живутъ въ слѣдующихъ четырехъ деревняхъ: 1) Бекляръ, 2) Хазифа, 3) Чуянчи, и 4) Пейшамбе-вапъ. Всего ихъ до 450 д. об. пола.

VIII. Мангиты.

Мангиты живутъ въ заравшанскомъ округѣ въ двухъ мѣстахъ: около Самарканда и Катта-Кургана. Первые говорятъ, что они пришли въ округъ изъ подъ Карши лѣтъ 100 тому назадъ; вторые, что они жили въ немъ еще при эмирѣ Тимурѣ. Разногласіе это оказывается и въ ихъ раздѣленіи на отдѣленія.

Первые дѣлятъ себя на 17 отдѣленій: 1) Тимиръ-ходжа, 2) Баурдакъ, 3) Исабай, 4) Гуалякъ, 5) Куся, 6) Тазъ, 7) Кара-баиръ, 8) Парча-кара, 9) Токъ, 10) Бакырчи, 11) Мангитъ-казакъ, 12) Куля-тамгалы, 13) Унъ-эки, 14) Чукай, 15) Галибатырь, 16) Бишкалы и 17) Бакаль-чакъ.

Вторые катта-курганскіе мангиты, насчитываютъ у себя только семь слѣдующихъ отдѣленій: 1) Увалай, 2) Ачь, 3) Токъ, 4) Акъ, 5) Иссабай, 6) Баурдакъ и 7) Кара-мангитъ.

По собраннымъ нами въ Карши свѣдѣніямъ объ этомъ родѣ (1868 г.) оказалось, что каршинскіе мангиты раздѣляются только на 6 отдѣленій. Хотя мы не можемъ объяснить съ точностію причинъ происхожденія такой разницы въ дѣленіяхъ на отдѣленія, но склоняемся къ тому мнѣнію, что самаркандскіе мангиты потеряли строгое различіе между отдѣленіями и подѣленіями, — тѣмъ болѣе, что значеніе подобныхъ дѣленій только тогда играетъ роль, когда самый родъ — большой. Въ катта-курганскомъ отдѣлѣ мы записали только отдѣленія, и думаемъ, что обозначеніе ихъ вѣрно, такъ какъ оно согласуется съ тѣми дѣленіями, которыя мы имѣли случай записать въ Каршахъ. Замѣтимъ при этомъ, что

мангиты считают за центръ своего рода именно городъ Карши, гдѣ ихъ свыше 30.000 душъ обоого пола.

Самаркандскіе и катта-курганскіе мангиты не знаютъ другъ друга, не признаютъ между собою родственной связи и даже во многомъ отличаются между собою; почему мы и опишемъ ихъ отдѣльно.

Мангиты самаркандскаго отдѣла живутъ сгруппированно; занимаемые ими кишлаки все расположены въ одномъ тюменѣ—ангарскомъ. Иллюбаевъ между ними нѣтъ. Жены ихъ особенно отличаются производствомъ тонкой пряжи изъ хлопка, которая вся идетъ въ продажу, такъ какъ сами они ничего не ткуть.

Эти мангиты, по большей части, женятся между собой; калымъ существуетъ только между богатыми; бѣдные равно какъ и друзья, брачатыся безъ него, тратясь на одно угощеніе. Женатый сынъ выдѣляется и живетъ самостоятельнымъ домомъ.

Самаркандскіе мангиты не могутъ указать въ настоящее время ни на одного человѣка изъ своей среды, у котораго было бы двѣ или болѣе женъ.—Они, въ числѣ до одной тысячи душъ обоого пола, живутъ въ 12 деревняхъ, плохо орошаемыхъ проточной водой.

Мангиты катта-курганскаго отдѣла живутъ разбросанно, на территоріи другихъ узбекскихъ родовъ. Вслѣдствіе этого они потеряли свою родовую самостоятельность и женятся безразлично на женщинахъ всякихъ родовъ. Въ средѣ ихъ есть до 20 иллюбаевъ, имѣющихъ отъ 400 до двухъ тысячъ головъ мелкаго скота; кромѣ того много ишаковъ, лошадей и кара-маль. Верблюдовъ они не держатъ. Иллюбаи-мангиты кочуютъ въ Акъ-тау; на зиму только часть ихъ скота остается въ горахъ, весь же остальной спускается въ низкія предгорья акта-ускихъ горъ или разбирается по кишлакамъ.

Земледѣльцы — мангиты занимаются, между прочимъ, разведеніемъ шелко-пряда, тканьемъ каламы, бязи и алачи.

Какъ иллюбаи, такъ и земледѣльцы, имѣютъ сакли и кара-уй.

Калымъ у нихъ выплачивается отъ 20 до 200 руб. Безъ калыма не женятся. Жена иногда живетъ въ домѣ отца около года, но чаще, сейчасъ же послѣ свадьбы переѣзжаетъ въ домъ своего мужа. Многоженство у нихъ сильно развито: есть имѣющіе по пяти женъ.

Мангиты обоихъ отдѣловъ всегда были сторонниками эмировъ *); но между заравшанскими мангитами не было личностей, дослужившихся до чина выше токсабы.

Грамотныхъ въ этомъ родѣ очень мало, не больше 4%.

Въ катта-курганскомъ отдѣлѣ мангитовъ до 2.000; они засѣляютъ 12 кишлаковъ, вмѣстѣ съ ктаями, сараями, джала-ирами, ходжами, кырками, багринами и другими народцами; кромѣ того по два или по три семейства изъ рода мангитовъ живутъ въ другихъ кишлакахъ отдѣла.

IX. Сарай.

Главное мѣстопробываніе этого рода—Балхъ. Какимъ образомъ они туда попали, неизвѣстно. Изъ Балха сарай двинулись на сѣверъ и засѣлили собою степь около Гузара и степь, лежащую отъ Каршей къ Джаму; изъ этой послѣдней мѣстности часть ихъ, переваливъ отроги шахрисябскихъ горъ, вошла черезъ Джамъ въ катта-курганскую чуюль. Изъ 9 отдѣленій сараевъ въ чуюль пришла только часть сараевъ отъ двухъ отдѣленій: Джаманъ-асъ и Токъ-бай.

Сарай-полукочевники, полу-осѣдлые; они кочуютъ и занимаются земледѣліемъ въ шахрисябскихъ горахъ. Болѣе богатые изъ нихъ имѣютъ до 500 штукъ мелкаго скота.

Сарай живутъ среди наймановъ и поглощены ихъ средой а потому занятія ихъ одинаковы съ занятіями наймановъ. Калымъ у нихъ отъ 20 до 200 р., а бѣдные платятъ за жену работой. Двѣ жены у сараевъ встрѣчаются весьма рѣдко. Между сараями-друзьями въ большомъ ходу заключать условіе, что родившіеся у нихъ дѣти разнаго пола должны считаться мужемъ и женою.

*) Извѣстно, что изъ этого рода происходитъ нынѣ ханствующая бухарская династія.

Грамотныхъ между сараями нѣтъ: ихъ муллы и имамы изъ шахрисябцевъ. Сарай еще не отвыкли отъ киргизскаго гостепрѣимства и радушія и не утратили киргизскаго типа. Они были на службѣ у эмировъ и дослуживали до токсабы.

Сарай живутъ въ 13 кишлакахъ; число ихъ можно опредѣлить въ 2.000 душъ обоого пола.

Х. Багрины.

Багрины живутъ исключительно въ западныхъ и сѣверо-западныхъ частяхъ катта-бурганскаго отдѣла, но они не занимаютъ сплошной территоріи, а заселяютъ отдѣльные кишлаки, разбросанные между кишлаками другихъ родовъ. Въ самаркандскомъ же отдѣлѣ багриновъ очень немного и они живутъ тамъ отдѣльными семействами по разнымъ узбекскимъ кишлакамъ.

Багрины катта-бурганскаго отдѣла говорятъ, что они выехали изъ подъ Маргелана *), во время Надиръ-ша, и что причиной переселенія считаютъ ссору своего бѣя Османъ-карауль-беги съ коканскимъ ханомъ. Одна часть маргеланскихъ переселенцевъ поселилась въ урочищѣ Бурганачлы, гдѣ и теперь есть деревня подъ названіемъ Багринъ-кишлакъ, а часть перешла въ хатырчинское бекство, въ Гузаръ и Карши. Въ Бурганачлы поселились кара-калпакъ-багринъ, въ Карши и Гузарѣ—найну-багринъ, а въ Хатырчахъ уели-багринъ.

Багрины самаркандскаго отдѣла совершенно не знаютъ, когда они поселились въ Міанканѣ. Къ названію „багринъ“ они прибавляютъ слова: Ташкенди, Исари, Магіани и Баганачлы. Только послѣднее названіе можно принять за названіе отдѣленія; первыя же три указываютъ исключительно на мѣста, въ которыхъ они жили передъ поселеніемъ своимъ въ заравшанскомъ округѣ.

Багрины—земледѣльцы; нѣкоторые изъ нихъ еще не бросили кара-уй, но большинство живетъ въ сакляхъ. Мущины этого рода ткуть бузь, каламу, алачу, вьютъ арканы, плетутъ

*) Маргеланъ—городъ въ Коканскомъ ханствѣ.

изъ камыша плетенки и проч., а женщины прядутъ шерстяныя и бумажныя нитки, выдѣлываютъ кожи, ткнутъ шали—алача, армячину и шьютъ чапаны.

При женитьбѣ багрины не разбираютъ родовъ, но на таджикахъ не женятся, говоря, что онѣ очень лѣнивы. Самый большой калымъ—100 р., а не рѣдко женятся и безъ калыма. Жена не переходитъ въ домъ мужа лѣтъ около шести. Грамотныхъ между багринами нѣтъ. Въ военной службѣ у эмировъ они не служили.

Багрины живутъ между уйшанами, тюрками, ктаями, туркменами, джалаирами и мангитами.

Всего ихъ въ округѣ въ 15 кишлакахъ, до 2.000 душъ.

XI. Юсы.

Юсы пришли въ Мiанканъ изъ разныхъ мѣстъ и въ разное, но не отдаленное время. Юсы самаркандскаго отдѣла вышли изъ подъ Заамина лѣтъ 60 тому назадъ, при самаркандскомъ бекѣ Аязѣ, родомъ изъ мангитовъ. По ихъ словамъ, въ окрестностяхъ Заамина въ то время было густое населеніе, но свободныхъ пахатныхъ земель не было. Въ заравшанскомъ же округѣ, напротивъ, были не заселенныя мѣста, а землю можно было получать даромъ.

Двигаясь частью чрезъ Джизакъ, частью чрезъ Санзарскую долину, они достигли сѣверной окраины бывшаго самаркандскаго бекства и заняли свободныя мѣста по Тюа-тартау, Полванъ-арыку и Булунгуру, между тюаклами и кара-калпаками. По преданію, земли, на которыхъ теперь живутъ юсы самаркандскаго отдѣла, славились нѣкогда своимъ плодородіемъ и густымъ населеніемъ, но кто именно на нихъ жилъ неизвестно. Теперь же онѣ состоятъ изъ ряда рытвинъ и холмовъ и имѣютъ видъ полного запустѣнія. Кишлаки стоятъ угрюмо и въ рѣдкомъ изъ нихъ есть фруктовыя деревья, и то чахлыя. Капитальные древніе арыки, прорѣзывающіе землю юсовъ, или имѣютъ мало воды или же текутъ въ такихъ глубокихъ ложахъ, что не могутъ доставлять ее на пашни.

Между самаркандскими юсами кочевниковъ нѣтъ; но такъ какъ у нихъ между пашнями есть много свободныхъ мѣстъ, поросшихъ травой, годной для корма мелкаго скота и верблюдовъ, то они скупаютъ весною скотъ, кормятъ его въ теченіи 5—6 мѣсяцевъ и потомъ продаютъ на самаркандскомъ и другихъ базарахъ на убой.

Юсы катта-курганскаго отдѣла говорятъ, что они пришли въ округъ при эмирѣ Ша-муратъ-бекѣ, изъ подѣ Гисара и поселились между ктаями на Мынчъ-арыкѣ, гдѣ населеніе въ то время было весьма рѣдкое.

Эти юсы называютъ себя Юсь-Моголь. Въ настоящее время они заселяютъ сплошь только одну деревню Акъ-чураса, въ остальныхъ же деревняхъ перемѣшаны съ ктаями, джалаирами и другими узбекскими родами.

Занятія катта-курганскихъ юсовъ одинаковы съ занятіями ктаевъ.

Юсы самаркандскаго отдѣла готовятъ кошмы, капы, арканы и прядутъ шерстяныя нитки. Живутъ они въ кара-уй, говоря, что въ саклѣ узбекъ гнѣтъ.

Съ тюаклами они состоятъ въ хорошихъ отношеніяхъ, но съ другими своими сосѣдями, кара-калпаками, въ самыхъ скверныхъ и стараются не имѣть съ ними никакихъ дѣлъ; несмотря на то, что кара-калпаки болѣе сильный родъ, нежели они сами, юсы не выдаютъ за нихъ своихъ дочерей, считая такую связь униженіемъ для себя. „Съ кара-калпаками нельзя имѣть дѣла“, говорятъ юсы, „чуть что—кара-калпакъ сейчасъ къ казію.

Высшій калымъ у юсовъ—150 барановъ, низшій—5. Безъ калыма не женятся. Дней черезъ 5—6 послѣ свадьбы, мужъ увозитъ жену въ свой домъ. Женщины юсовъ, живя въ кишлакахъ, не закрываются, но пріѣзжая въ городъ, прячутъ свое лицо подѣ покрывало. Между этимъ родомъ въ большомъ употребленіи—купить въ складчину барана семействамъ 10 и съѣсть его въ общей томашѣ. Такая томаша называется „данчана“.

При мусульманскомъ правленіи, юсы выставляли извѣстное

число сипаевъ, но никто изъ нихъ не дослуживался до чина выше джи-бачи, т.-е. третьяго.

Борода юсовъ или весьма рѣдка или же ея вовсе нѣтъ. Вообще они, по своему типу и по обычаямъ, сильно напоминаютъ при—сыръ-дарьинскихъ киргизовъ.

Юсы насчитываютъ у себя 16 слѣдующихъ отдѣлений: 1) Ктай-юсь, 2) Ходжактай-юсь, 3) Тыгирикь-ктай-юсь, 4) Нибуся, 5) Каракурсакъ, 6) Кильданъ, 7) Ходжа-бача, 8) Бишькули, 9) Каштамгалы-юсь, 10) Иргеначлыкь-юсь, 11) Бишьюсь, 12) Курукь-казань-юсь, 13) Урахли, 14) Сурахли, 15) Карапчи и 16) Парча-юсь. Они живутъ (въ обоихъ отдѣлахъ) въ 18 кишлакахъ, а общее ихъ число доходитъ до 2,600 д. обою пола.

XII. Кыркъ.

Кырки пришли въ Мiанканъ 42 года тому назадъ изъ джизакскаго района и размѣстились тамъ, гдѣ нашли свободныя мѣста; занятія ихъ вполнѣ согласуются съ характеромъ занимаемой ими мѣстности. Такъ, на Полванъ-арыкь и Бусгунчурь они держатъ мелкiй скоть, какъ и юсы; на бишь-арыкь и кара-арыкь сѣютъ рисъ. Но гдѣ бы кырки ни жили, они вездѣ удерживаютъ не любовь къ саклямъ, предпочитая имъ кара-уй или юрты изъ камышу и соломы. Охваченные со всѣхъ сторонъ другими сильнѣйшими родами, разбитые между ними, кырки забыли свои обычаи и во всемъ подражаютъ родамъ, среди которыхъ живутъ. Между кырками округа есть отдѣльныя семейства разныхъ отдѣлений этого рода; между прочимъ: Алма-суганъ-кыркъ, Карамза-кыркъ, Чурхунду, Акъ-куйлюкь-чумушлы-кыркъ, Алма-суганъ-куявичъ и проч.

Кырки живутъ въ 10 кишлакахъ, вмѣстѣ съ таджиками, тюаклами, арабами, ургенчами, ходжа, шихъ, мангитами, джала-ирами и другими узбекскими родами. Всего кырковъ до 900 д. обою пола.

XIII. Кара-калпаки.

У кара-калпаковъ заравшанскаго округа существуетъ преданіе, что они первоначально обитали въ Ургенчѣ, т.-е. въ Хивинскомъ ханствѣ. Около 200 лѣтъ тому назадъ, вліятельныя лица ихъ рода, считавшія себя прямыми потомками Чингисъ-хана, вступили въ распрю съ султаномъ Нязомъ, ханомъ ургенческимъ. Послѣ долгихъ междоусобныхъ войнъ, они были побѣждены и, съ своими приверженцами, откочевали изъ хивинскаго ханства къ Акъ-мечети, откуда двинулись: на Туркестантъ, Чимкентъ, Ташкентъ, Чиназъ, Джизакъ, и, лѣтъ 100 тому назадъ, достигли береговъ Заравшана.

На сколько справедливо это преданіе, пока еще трудно рѣшить; однако оно имѣетъ за себя то обстоятельство, что остатки этого рода мы видимъ по всему вышеочерченному пути. Но, насколько намъ извѣстно, нигдѣ кара-калпаки не составляютъ самостоятельнаго сильнаго рода: вездѣ въ названныхъ мѣстахъ они являются какъ будто оторванными отъ цѣлаго частями, вездѣ они поглощены окружающими ихъ тюркскими родами и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже успѣли присоединиться къ болѣе сильнымъ изъ нихъ. Въ большинствѣ случаевъ, другіе тюркскіе роды вездѣ смотрятъ на кара-калпаковъ какъ на чужихъ. Какъ кочевники, обладатели стадъ, кара-калпаки, во время своего движенія по при-сыръ-дарьинскимъ землямъ, не могли существовать рядомъ съ большими, сильными кочевыми родами: такіе роды отбивали у нихъ скоть и лишали ихъ самыхъ необходимыхъ условій для кочеванія. Обѣднѣвшіе отъ баранты, кара-калпаки принуждены были искать пахотныхъ мѣстъ, а тѣ изъ нихъ, у которыхъ сохранилось достаточное количество скота, продолжали кочевать. Въ округъ изъ кара-калпаковъ сначала пришли только одни родовитые и богатые, въ сравнительно незначительномъ количествѣ. Остальные кара-калпаки кочевали назадъ, мало по малу подвигаясь къ долинѣ Заравшана, о которой доходили до нихъ слухи, какъ о мало-населенной, и, по прибытіи сюда, селились между раньше прибывшими сво-

ими родичами. Такія переселенія продолжались до 1840 г. Эмиграціи эти, прибывшія изъ подъ Чиназа и изъ за Чирчика, еще свѣжи въ памяти жителей Міанкана.

Подвигаясь перекочевками сперва на востокъ (отъ Акъ-мечети), а потомъ на югъ (начиная съ Чимкента), кара-калпаки уходили изъ мѣстъ, занятыхъ сильными родами, и всегда старались держаться осѣдлыхъ мѣстъ. Они настолько утратили свою силу, что не могли уже, по киргизскому выраженію, разгуливать по безпредѣльнымъ степямъ, подобно вольному вѣтру. Они нуждались въ такой опорѣ, которая-бы признавала ихъ права на свободное существованіе, не смотря на ихъ численную слабость: такую опору они находили только тамъ, гдѣ было осѣдлое населеніе, гдѣ царили беки и казіи *). Необходимость держаться осѣдлаго населенія дала имъ возможность присмотрѣться къ условіямъ этой жизни, постепенно свыкнуться съ ней, и облегчила для нихъ переходъ отъ кочеванія къ полу-осѣдности. А къ такому переходу они вынуждены были силою обстоятельствъ, вслѣдствіе отсутствія у нихъ матеріальной, численной силы. Отсутствіе этой силы заставило кара-калпаковъ идти въ такія мѣста, гдѣ недостатокъ этотъ не былъ бы очень замѣтенъ. Только въ Міанканѣ, въ странѣ сгруппированія обломковъ отъ большихъ узбекскихъ родовъ, кара-калпаки почувствовали себя дома; только тутъ они могли войти въ сношенія съ разноименными съ ними тюркскими родами, какъ равные съ равными.

Далѣе Міанкана на югъ кара-калпаки не распространялись. Здѣсь они приобрѣли себѣ друзей въ кипчакахъ, около которыхъ и поселились. Они заняли тѣ самыя мѣста, на которыхъ мы встрѣчаемъ ихъ теперь,—но заняли какъ кочевники. По словамъ старожилонъ, богатые изъ этого рода, обладавшіе большими стадами, остановились на Годунъ-тау и у подошвы этихъ горъ,—а болѣе бѣдные—на западъ отъ туюк-

*) И теперь кара-калпаки чаще прочихъ узбековъ прибѣгаютъ къ правосудію казіевъ, не смотря на то, что они, т. е. кара-калпаки, первые въ округѣ воры.

ловъ до территорій кипчаковъ, т. е. по низовьямъ рѣки Заравшана. Вся эта очень низменная мѣстность когда-то изрѣзана была сѣтью ирригаціонныхъ каналовъ. Хотя каналы эти и существовали при приходѣ кара-калпаковъ, но были окончательно заброшены: плотины и насыпи разрушились, вода, не имѣя стока въ отводные каналы, разливалась по бывшимъ пашнямъ, а въ болѣе углубленныхъ мѣстахъ образовала озера и топи. Вообще вся эта часть округа состояла изъ ряда озеръ и болотъ, была богата камышами и колючкой, какая въ изобиліи растетъ по Сыру; она изобиловала разными птицами и животными, о которыхъ теперь и помину нѣтъ въ заравшанской долинѣ: въ ней, по показаніямъ старожиловъ, жили фазаны, свиньи и даже тигры.

Кара-калпаки поставили свои кибитки на болѣе возвышенныхъ мѣстахъ, разбросанныхъ, то тамъ, то сямъ, оазисами и окруженныхъ цѣлыми лѣсами камыша. Естественно, что группы кибитокъ были одна отъ другой на болѣе или менѣе значительныхъ разстояніяхъ. Эти группы дали основаніе теперь существующимъ кара-калпакскимъ деревнямъ.

Войны съ эмиромъ Сеидомъ, въ которыхъ принимали участіе кара-калпаки, какъ союзники кипчаковъ и ктаевъ, въ конецъ разорили ихъ и заставили обратиться къ осѣдлости и приняться за хлѣбопашество. Къ этому роду занятій побуждало также кара-калпаковъ начавшееся въ то время возрастаніе Самарканда и налогъ „кошь-пулъ“, установленный Шамурать-бекомъ *).

Правда, что и до этихъ войнъ уже были между ними осѣдлые, но все-таки въ весьма незначительномъ количествѣ. Съ обращеніемъ кара-калпаковъ въ земледѣльцевъ, стали появляться вокругъ ихъ кибитокъ рощи, войлокъ замѣнился камышемъ; воду начали собирать въ арыки, рыть отводныя каналы для стока оросившей поля воды (кара-су), высушивать болота

*) *Кошь-пулъ* есть плата за 50 таналовъ земли, годной къ обработкѣ; при этомъ не обращается вниманія на то, обрабатывается ли она въ дѣйствительности, или нѣтъ.

озера, уничтожать колючку и камыши. Кара-калпаки потратили много времени и труда, стараясь сдѣлать свою территорию вполне годною для земледѣлія; но и до сего времени они не вполне достигли этой цѣли. И теперь еще не все болота осушены, завалены землею. Богатая ирригаціонная система ихъ земли еще не получила законченности.

Гдѣ кибитки кочевниковъ, тамъ находятся теперь дворы землевладѣльцевъ, — почему каждый кара-калпакскій кишлакъ, по разбросанности своихъ дворовъ отдѣльными группами, болѣе всего напоминаетъ стоянку кочевниковъ.

Средне-азиатская деревня по большей части, если не исключительно, представляетъ сплошной рядъ дворовъ и сакель, вокругъ которыхъ находятся пахатныя земли. У кара-калпаковъ же деревни состоятъ изъ совершенно изолированныхъ хуторовъ (рабатъ), разбросанныхъ на 10 квадрат. верстахъ *). Въ промежуткахъ между хуторами находятся пашни. Такіе рабаты по большей части имѣютъ одинаковый внѣшній видъ: они состоятъ изъ болѣе или менѣе правильнаго четырехугольника, ограниченнаго высокими глиняными стѣнами; ворота одни. Въ рабатахъ живутъ по нѣсколько, не всегда родственныхъ между собою, семействъ, въ камышевыхъ, рѣдко войлочныхъ юртахъ и еще рѣже въ сакляхъ. Каждый рабатъ представляетъ небольшое укрѣпленіе.

Территория кара-калпаковъ, начинаясь на югѣ отъ праваго берега Заравшана, тянется почти прямо на сѣверъ и, чрезъ западную половину Годунъ-тау, доходитъ до сѣвернаго Джума-базара. Южная граница территоріи лежитъ на берегу Заравшана, на протяженіи почти 12 верстъ отъ высоты Чапанъ-ата почти до высоты Джума—базара южнаго.

— Самое густое, сплошное кара-калпакское населеніе находится по арыкамъ: Янчи, Махау и Бишъ; по Полванъ-арыку и другимъ оно уже рѣже и въ смѣси съ другими родами,

*) Тоже самое замѣчаніе относится и къ деревнямъ всѣхъ другихъ узбекскихъ родовъ, принявшихъ осѣдлость на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, на которыхъ они прежде кочевали.

по преимуществу съ кипчакскимъ. Обиліе воды въ первыхъ трехъ арыкахъ даетъ возможность кара-калкамъ съ успѣхомъ воздѣлывать въ долинахъ ихъ всѣ посѣвныя хлѣбныя растенія, свойственныя климату и почвѣ Средней Азіи; но больше всего они сѣютъ рисъ, джугару и просо. По Полванъ-арыку и Булунгуру кара-калки преимущественно сѣютъ пшеницу и ячмень и только отчасти джугару и просо. Арбузы и дыни разводятся ими въ обѣихъ мѣстностяхъ, однако во второй, какъ болѣе высокой, они рождаются лучше. На сѣверѣ отъ Полванъ-арыка, въ нагорной, холмистой мѣстности, поливнаго земледѣлія нѣтъ: здѣсь сѣется только богара.

Кромѣ земледѣлія, кара-калки занимаются дѣланіемъ кереговъ (у нихъ много роцъ), плуговъ, граблей, рукоятокъ для текменей и айбалтъ; ткуть патлакъ, челемъ (мохнатые ковры), тесьму для обвязки кибитокъ, подпруги (на манеръ извѣстныхъ каршинскихъ, но не такой высокой доброты); изъ верблюжьей шерсти готовятъ плохую армячину (кокмачекмень); женщины ихъ ткуть изъ хлопка весьма тонкія нитки для адраса, дѣлаютъ фитили для огнестрѣльнаго оружія и сбиваютъ кошмы. Богачей между иллюбаями изъ этого рода нѣтъ: самыя богатые имѣютъ до 2,000 головъ мелкаго скота и до 50 человѣкъ имѣютъ отъ 150—200 овецъ.

Лошади кара-калкавъ уступаютъ только наймановскимъ. Есть у нихъ и верблюды: они пасутся по Полванъ-арыку, гдѣ въ изобиліи растутъ янтакъ.

Съ другими узбекскими родами кара-калки вступаютъ въ бракъ рѣдко, а съ таджиками—никогда, не желая, какъ они выражаются, отдавать своихъ дочерей за сасыкъ-сарта. Калымъ простирается отъ 20 до 200 овецъ; безъ калыма не женятся. Свадебное празднество бываетъ: незначительное—у отца невѣсты и большое—у отца мужа или самаго мужа, если послѣдній отдѣленъ и когда молодая уже переѣдетъ въ свой домъ.

Кара-калки чингизскаго рода женятся или между собою или съ ходжами бахшайшъ. Считающихъ себя потомками Чингисъ-хана въ округѣ не много,—всего нѣсколько се-

мействъ; всѣ они люди бѣдные и потому не пользуются особымъ уваженіемъ между кара-калпаками. Они называютъ себя „людьми кости Чингиса“, весьма горды, и говорятъ, что эмиры бухарскіе, будучи моложе ихъ по происхожденію и по крови, не могли производить ихъ въ чины, но что въ государственныхъ собраніяхъ старѣйшіе изъ нихъ садятся выше парваначи (!?).

Кара-калпаки слывутъ за отъявленныхъ воровъ и разбойниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ за несносныхъ сутягъ.

Кара-калпаки любятъ пѣніе; у нихъ есть пѣвцы, воспѣвающіе подвиги кара-калпакскихъ батырей. Играющіе на дутарѣ и сказочники—въ почетѣ.

Этотъ родъ всегда шелъ противъ эмировъ бухарскихъ. Но тѣмъ не менѣе онъ входилъ въ составъ родовъ, поставлявшихъ воиновъ для эмировской арміи. Военноначальники эмировской арміи говорили: кара-калпаковъ можно набирать въ конницу, но довѣрять имъ нельзя.

Перечень отдѣлений и подъотдѣлений кара-калпаковъ:

Отдѣленіе первое: Кунградъ-кара-калпакъ. *Подъотдѣленія:* Бишъ-бала, Буянчи, Кара-муинъ, Акъ-каунъ, Тунгатаръ, Себолякъ, Ача-майли и Иргалы.

Отдѣленіе второе: Кипчакъ-ктай кара-калпакъ. *Подъотдѣленія:* Илетанъ-кипчакъ, Кара-кисякъ, Сары-кипчакъ, Бишъ-сары, Бакальчакъ, Ктай-кара-калпакъ-тополясъ, Урай, Сакманъ и Бурлякъ.

Отдѣленіе третье: Уйшунъ-митанъ-кара-калпакъ. *Подъотдѣленія:* Еты-уль, Сарыкъ-уча, Бишъ-уль, Бишъ-саитъ, Обысларъ, Джюгантаякъ, Бара-кобякъ и Мирза-митанъ.

Всего кара-калпаковъ до 15.000 душъ обоого пола. Они заселяютъ 37 кишлаковъ.

XIV и XV. Ктай и Кипчаки.

Оба эти рода—самые дикіе и многочисленные въ округѣ; они весьма тѣсно связаны другъ съ другомъ, какъ одинаковостью происхожденія по преданіямъ, тѣсной дружбой, уза-

ми близкаго родства, такъ и общей ненавистью (въ прежнее время) къ эмирамъ и вообще ко всякимъ властямъ.

За родоначальника своего они признаютъ какого-то Абдъ-эрахманъ-ауфа. Въ заравшанскую долину они пришли 198 лѣтъ тому назадъ изъ Дашты-кипчака, при эмирѣ Субханкуль-ханѣ (?).

Кипчаковъ и ктаевъ мы будемъ описывать вмѣстѣ; отличій между ними мало и тѣ весьма тонкія. Одни дѣленія на отдѣленія у нихъ совершенно различны.

Кипчакскія отдѣленія:

Первое: Парча-кипчакъ. *Подготдѣленія:* Сары-парча-кипчакъ, Уштамгалы-парча-кипчакъ и Канджагалы-парча-кипчакъ.

Второе: Тогуспай-кипчакъ. *Подготдѣленія:* Кара-узь-дугерекъ, Чалмуинъ-чаль-ногай, Чурашъ, Дуртамгалы, Урустай и Джаляль-байлы.

Ктайскія отдѣленія:

Первое: Кинджагалы-ктай. *Подготдѣленія:* Тарахлы, Сергалы, Чайджулы и проч.

Второе: Кошъ-тамгалы-ктай. *Подготдѣленія:* Чунукъ, Балгалы и проч.

Третье: Утарчи (бекское отдѣленіе). *Подготдѣленія:* Чумушлы и проч.

Каждое изъ подготдѣленій тоже имѣетъ свои дѣленія, но мы ихъ не помѣщаемъ здѣсь, равно какъ не помѣстили всѣхъ подготдѣленій, а только главныя.

Территорія ктаевъ и кипчаковъ состоитъ изъ лучшихъ земель округа. Начинаясь съ западной границы территоріи кара-калпаковъ, она тянется внизъ по Акъ-Дарьѣ и Кара-Дарьѣ, на разстояніи почти 80 верстъ, и оканчивается за Зиръ-акъ-булакомъ, доходя до границы съ зіауддинскимъ бекствомъ. Восточную часть этого пространства, до высоты кишлака Чигатая, занимаютъ кипчаки, а западную—ктай; эти послѣдніе заселяютъ также и сѣверо-восточную часть зіауддинскаго бекства.

Въ направленіи по меридіану кипчаки распространились отъ самаркандско-каттакурганской дороги черезъ Кара-Дарью и Акъ-Дарью до параллели сѣвернаго Джума-базара, гдѣ они соприкасаются съ туркменами. Такимъ образомъ въ составъ ихъ территоріи входятъ оросительныя земли и земли горно-степнаго характера, дающія возможность держать стада мелкаго и крупнаго скота. Территорія ктаевъ имѣетъ сначала своей сѣверной границей Акъ-Дарью, до Яръ-баши (противъ Пейшамбе), а потомъ, до самой границы съ зиауддинскимъ бекствомъ, Кара-Дарью. На югѣ граница ея идетъ южнѣе Міанкана по чулю, гдѣ ктаи пасутъ свои стада.

По землямъ ктаевъ и кипчаковъ протекають слѣдующіе главные арыки: Мирза (улукъ-бекъ), Джюн-дивана, Ходжа, Мингъ, Дамъ и Нарупай и весьма много незначительныхъ арыковъ, ташей въ 5 *).

Эти два рода засѣваютъ все, что въ настоящее время привилось въ Средней Азій, какъ посѣвное. На сѣверѣ кипчаки въ большомъ количествѣ сѣютъ хлопокъ (у Дурткула и Чилека), а ктаи еще въ большемъ количествѣ воздѣлываютъ его на югѣ своей территоріи, по Мингъ-арыку и Ходжа-арыку въ особенности. Ктаи и кипчаки имѣютъ среди себя иллюбаевъ весьма мало. Они находятся на сѣверѣ отъ Дурткула и Чилека и на югѣ отъ Кара-Дарьи. Самые богатые изъ кипчаковъ имѣютъ не больше 1.000 барановъ и козъ.

Верблюды есть только у кипчаковъ. Остальные ктаи и кипчаки держатъ мелкій скотъ въ незначительномъ количествѣ и пасутъ его кругомъ пашень и на земляхъ остающихся подъ паромъ.

Оба названные рода приготавливаютъ разныя произведенія изъ шерсти, перечисленныя нами уже при описаніи другихъ

*) Туземцы означаютъ количество воды въ арыкѣ ташами; *таши*—значить камень; въ данномъ же случаѣ—жерновъ. Сказать „сила арыка въ 5 ташей“, все равно что сказать „на арыкѣ можно поставить въ рядъ пять мельницъ“ (мельница всегда имѣетъ одинъ жерновъ, приводящійся въ движеніе ударной турбиной), и на всѣхъ ихъ достанетъ воды. Одинъ ташъ (приблизительно) 1 куб. ф. воды.

родовъ, ткнуть кара-мату, а жены ихъ въ большомъ количествѣ прядутъ нитки четырехъ сортовъ, для продажи на базарахъ.

Кипчаки болѣе сохранили чувство отдѣльности рода, нежели ктаи. Первые женятся почти исключительно только между собою и съ ктаями, и рѣдко рождаются посредствомъ брака съ кара-калпаками и другими своими сосѣдями; вторые же брачуются со всеми родами. Калымъ у тѣхъ и другихъ простирается отъ 40 до 200 руб. и больше. Кипчаки и ктаи, женившись на дѣвушкѣ своего рода, въ большинствѣ случаевъ оставляютъ свою жену у ея родныхъ на неопредѣленно-долгое время; но если женятся на таджичкахъ, то сейчасъ же перевозятъ въ свой домъ. Между кипчаками сильно распространено многоженство; намъ приходилось видѣть стариковъ, имѣющихъ по одиннадцати женъ.

По отзывамъ самихъ кипчаковъ, жены ихъ отличаются необыкновенной сварливостью и склонностью къ жалобамъ; при малѣйшемъ неудовольствіи, жена сейчасъ же идетъ къ казію и жалуется на своего мужа.

Женщины обоихъ этихъ родовъ не закрываются. Типъ кипчака болѣе ктая близокъ къ чистому типу киргиза; борода у нихъ или весьма мала, или вовсе ея нѣтъ. Правъ кипчаковъ дикъ; нѣкоторые изъ ихъ обычаевъ варварскіе. Напримеръ: они судятъ воровъ своимъ судомъ, который, въ большей части случаевъ, оканчивается тѣмъ, что осужденнаго привязываютъ къ хвосту лошади; при сборѣ нѣсколькихъ тысячъ всадниковъ, одинъ изъ кипчаковъ садится на эту лошадь и скачетъ, сопровождаемый бѣшеной скачкой остальныхъ судей.

Все жители округа согласны въ томъ, что кипчаки и ктаи—караки (воры, мошенники). Нельзя сказать, чтобы въ этомъ случаѣ голосъ народа былъ несправедливъ.

Эти два рода—большіе охотники до кокъ-бури и всякаго рода томашей, на которыхъ приходится скакать верхомъ: они не даромъ слыгутъ за первыхъ наѣзтниковъ въ округѣ. Ни одинъ базаръ въ ихъ деревняхъ не проходитъ безъ кокъ-

бури. Въ Дурткулѣ, въ базарный день, мы были свидѣтелями слѣдующаго: на базарѣ торгующихъ и продающихъ было человѣкъ 500, а верстахъ въ 3—4, на равнинѣ упражнялось въ рваньѣ козла болѣе восьми тысячъ кипчаковъ. Всѣ эти восемь тысячъ съѣхались на дурткульскій базаръ вовсе не для базара, а ради томаши.

Грамотныхъ между ктаями и кипчаками трудно найти; развѣ есть нѣсколько человѣкъ около Дагбита.

Эмиры всегда боялись ктаевъ и особенно кипчаковъ, и зная, что они постоянные ихъ враги, приглашали ихъ къ себѣ на службу въ сипаи, думая, что лучше имѣть буйныхъ воиновъ, нежели буйныхъ гражданъ. Однако такая политика эмировъ не мѣшала этимъ родамъ, при первомъ удобномъ случаѣ, возставать противъ нихъ; при чемъ военные ктаи и кипчаки тотчасъ же бросали ряды эмировской арміи и бѣжали къ своимъ родичамъ на помощь.

Войны эмировъ съ ктаями и кипчаками всегда отличались страшною жестокостью обѣихъ воюющихъ сторонъ.

Число кипчаковъ можно положить до 24 тысячъ, а ктаевъ— до 45 тысячъ душъ обоего пола. Первые заселяютъ 110 деревень, а вторые—215.

XVI. Митаны.

На западѣ отъ кипчаковъ и на сѣверѣ отъ ктаевъ, поселились митаны. Территорія ихъ, начинаясь отъ праваго берега Акъ-Дарьи, раскинулась по Тусунскому ручью въ направленіи съ юго-запада на сѣверо-востокъ, южная же часть, ограниченная арыкомъ Янчикентъ, имѣетъ орошеніе изъ Акъ-Дарьи и вся засѣвается подъ искусственную поливку. На сѣверъ отъ этого арыка только по Тусунскому ущелью возможно оросительное земледѣліе, а прочія мѣста этой части территоріи митановъ имѣютъ богарное земледѣліе и обладаютъ хорошими пастбищами по холмамъ и предгорьямъ Кара-ча-тау.

„Мы пришли изъ Россіи“, говорятъ митаны. „мы ногаи, а не узбеки. У насъ есть пѣсни, въ которыхъ говорится о томъ

времени, когда намъ хорошо жилось въ Россіи, а мы все-таки вышли изъ нея и пошли къ Самарканду.“

Когда и гдѣ кочевали митаны во время своего движенія во внутрь Средней Азіи, намъ неизвѣстно. Мы знаемъ только одно, что сѣвернѣе бассейна Заравшана митановъ нѣтъ; точно также нѣтъ ихъ и западнѣе заравшанскаго округа. Митаны стремились на югъ, и въ округѣ осѣла незначительная часть ихъ. Остальные же митаны спустились еще южнѣе и, перейдя Аму-Дарью, поселились въ такъ-называемыхъ Балханскихъ земляхъ, гдѣ ихъ въ настоящее время весьма много. Митаны округа живутъ весьма сгруппированно въ одной мѣстности; ихъ нельзя встрѣтить въ кшлакахъ другихъ родовъ, и занимаемая ими мѣстность носить особое названіе, происходящее отъ ихъ имени—„митанскій тюмень“.

Лицо митана, по нашему мнѣнію, больше всего напоминаетъ татаръ. Бѣгле татары изъ Россіи всегда находятъ для себя радушный приемъ въ этомъ родѣ.

Митаны только въ послѣднее двадцатилѣтіе стали входить въ родственныя связи съ узбеками; до этого же времени они жили весьма замкнуто, не дружились и не роднились съ своими сосѣдями.

Незначительное меньшинство митанцевъ — полукочевые; остальные же—земледѣльцы, а всѣ вообще—ремесленники. Какъ минговъ можно назвать, преимущественно передъ прочими узбеками, производителями бумажныхъ матерій, такъ точно митановъ—производителями шерстяныхъ. Они производятъ въ количествѣ большемъ противъ другихъ жителей округа: ковры, алача-челемъ, кошмы, куржумы, капы, арканы, попоны и проч.; кромѣ того митаны занимаются выдѣлкою бумажныхъ матерій, но въ незначительномъ количествѣ; они ткуть: алачу, бузь, астаръ и каламу. Выдѣлкою кошмъ занимаются до 600 работниковъ мужчинъ и женщинъ. Митанскія кошмы не высокой доброты: они мягки, не прочны, и вообще уступаютъ киргизскимъ и привозимымъ изъ каршинскаго бекства.

Илюбая имѣють, среднимъ числомъ, отъ 300 до 500 овецъ,

а самые богатые изъ нихъ — до 2¼ тысячи. Лошадей въ этомъ родѣ тоже много, и у нѣкоторыхъ есть до 50 матокъ. Верблюды, рогатый скотъ и ишаки имѣются у всѣхъ илюбаевъ.

Калымъ выплачивается натурой. При переводѣ его на деньги, онъ составитъ отъ 10 до 400 рубл.; безъ калыма не женятся, но въ простомъ сожителствѣ живутъ зачастую.

Митанскія женщины пляшутъ и поютъ, но не при постороннихъ мужчинахъ. Жены богатыхъ людей закрываются, а простонародье ходитъ съ открытымъ лицомъ. Дутаристы и пѣвцы между митанцами очень уважаются; всѣ ихъ пѣсни старинныя.

Митанцы дѣлятся на слѣдующія три отдѣленія: 1) Багларь-митань, 2) Парча-митань и 3) Кара-калпакъ-митань.

Митанцы — народъ смирный, войны не любятъ. Во время междоусобныхъ войнъ эмировъ съ ктаями, кипчаками и кара-калпаками митанцы всегда старались оставаться нейтральными; поэтому, естественно, имъ доставалось отъ обѣихъ воюющихъ сторонъ.

Всего митанцевъ въ 29 деревняхъ не многимъ больше 10.000 душъ обоего пола.

XVII. Туркмены.

Весь гористый сѣверъ заравшанскаго округа, на западъ отъ Джума-базара сѣвернаго, занятъ туркменами. Здѣшніе туркмены, сравнительно недавніе пришельцы округа, переселились сюда изъ мѣстностей, занимаемыхъ нуратынскими туркменами. Такъ напримѣръ, заселенное ими урочище Уенишке они купили у чилекскаго бека Ходжа-Мурать-датхи за 680 руб., при бухарскомъ эмирѣ Абдзѣ-файсъ-ханѣ, современникъ Надиръ-ша. Но откуда и когда появились туркмены нуратынскіе? Заравшанскіе туркмены говорятъ, что у нихъ есть достовѣрное преданіе, указывающее на Туркестанъ, какъ на первоначальное мѣсто ихъ жительства. Изъ-подъ Туркестана, по этому же преданію, туркмены двинулись на

югъ еще при жизни Хазретъ-султана, т.-е. во времена Тигура, и остановились въ нуратынской степи, откуда медленно подвигались въ нуратынскія горы, Акъ-тау и Кара-тау и перейдя черезъ нихъ, пришли въ бассейнъ Заравшана.

Здѣшніе туркмены считаютъ себя частью племени „тока“ (у Вамбери—текке), отдѣленія „Казаяклы“ (у Вамбери—казыларъ), и подтверждаютъ дѣйствительность своего родства съ „тока“ тѣмъ обстоятельствомъ, что они до занятія края русскими участвовали въ уплатѣ этому племени куна, для сбора котораго пріѣзжали къ нимъ отъ „тока“ сборщики и взымали съ каждаго семейства по 10—20 коп.

Одно ли только отдѣленіе Казаяклы существовало у здѣшнихъ туркменъ въ прежнее время—неизвѣстно; но теперь они насчитываютъ въ своемъ родѣ четыре отдѣленія, распадающихся на множество подотдѣленій.

Туркмены заравшанскаго округа говорятъ, что прикаспійскіе туркмены признаютъ настоящими туркменами племени „тока“ только казаякловъ; туркменовъ же остальныхъ трехъ отдѣленій называютъ рабами.

Вотъ эти отдѣленія:

Первое: Казаяклы. *Подготдѣленія:* Читмасъ, Кызыль-джюдрукъ, Кара-кися, Барахъ и проч.

Второе: Богайджисы. *Подготдѣленія:* Костамгалы, Урда, Яставанъ, Чисгашъ, Джаманъ-туркмень, Джадыръ и проч.

Третье: Кандхагалы. *Подготдѣленія:* Утурбай, Кип-кумъ и проч.

Четвертое: Айтамгалы. *Подготдѣленія:* Топаръ, Сартъ-айтамгалы и проч.

Занимаемая туркменами территорія состоитъ изъ горъ, горныхъ долинъ и предгорныхъ, изрѣдка холмистыхъ террасъ. По ней протекають довольно значительные горные ручьи: Тусумъ, Акъ-тюбе, Майбулакъ, Зербендъ и другіе меньшіе. Она весьма удобна для богарнаго земледѣлія и скотоводства, а по болѣе или менѣе широкимъ ложбинамъ ключей—для оросительнаго хлѣбоцашества.

Туркмены сѣютъ: пшеницу, ячмень, тарихъ, кунджуть, зыгирь, хлопчатникъ, индау и джугару.

Нѣкоторые изъ земледѣльцевъ-туркменовъ имѣютъ большое количество земли *), и благодаря гористой мѣстности, собираютъ отъ 2.400 до 3.400 пудовъ хлѣба, тогда какъ земледѣльцы долинъ считаютъ весьма большимъ урожаемъ, если собрать съ своихъ полей 200—800 пудовъ хлѣба.

Мелкій скоть составляетъ главное богатство туркменовъ; между ними есть имѣющіе по семи тысячъ головъ овецъ и козъ. Владѣющихъ 1.000 овецъ насчитываютъ до 20. Верблюдовъ, ишаковъ и лошадей у нихъ больше нежели въ другихъ узбекскихъ родахъ. Туркменскіе кара-бапры весьма хороши, но ихъ нельзя встрѣтить въ продажѣ.

Туркмены выдѣлываютъ алачу-челемъ, хорошіе ковры (этимъ занимаются исключительно женщины), куржумы, попоны, армячину и кошмы, а также готовятъ керега, круть и масло.

Истинные туркмены живутъ въ юртахъ, считая жизнь въ сакляхъ за особенно жестокое наказаніе за грѣхи.

Относительно женитьбы туркмены не стѣсняются родомъ: вмѣ все равно—на комъ не жениться и за кого ни отдавать своихъ дочерей.

Имѣющихъ по три и по четыре жены—много, но большинство состоятельныхъ туркменовъ имѣютъ только по двѣ жены. Калымъ выплачивается скотомъ или зерновымъ хлѣбомъ, стоимостью отъ 40 до 500 и даже больше рублей. Безъ калыма заключаются браки только между закадычными друзьями.

Женившійся сынъ не всегда выдѣляется изъ дома своихъ родителей; случается даже такъ, что совершенно отдѣленный

*) По недостатку кара-мазъ, туркмены употребляютъ для паханья, кромѣ рогатаго скота, лошадей, верблюдовъ и ишаковъ. Запряжка быковъ называется *кара-кошъ*, а лошадей—*ать-кошъ*. Верблюдовъ и ишаковъ запрягаютъ всегда вмѣстѣ съ лошадей, быкомъ или коровой. Кара-кошъ вспахиваетъ до 50 танановъ во всю рабочую пору; ать-кошъ—16—20 и даже 40 танановъ; сибшанная запряжка — 20, но никакъ не болѣе.

сынъ, имѣющій свои кибитки, обѣдаетъ и ужинаетъ въ домѣ отца, т. е. имѣетъ съ нимъ общій котель.

Туркменскія женщины не закрываются. Споры, драки, дѣлежъ наслѣдства и т. п. туркмены рѣшаютъ безъ посредства казиевъ. Весьма рѣдки случаи, когда туркменъ явится съ жалобой къ казію. Грамотныхъ между ними нѣтъ. Этотъ родъ всегда держалъ сторону эмировъ и служилъ въ ихъ конницѣ; но намъ неизвѣстенъ ни одинъ туркменъ, дослужившійся до высшаго бухарскаго чина.

Число туркменовъ округа весьма трудно опредѣлить; намъ извѣстно, что они живутъ въ 22 деревняхъ; кромѣ того, нѣкоторые изъ нихъ и лѣто и зиму проводятъ въ ущельяхъ горъ. Вообще ихъ не больше 4.000 и не меньше 3.300 душъ обоюго пола.

XVIII. Джалаиры.

Джалаиры живутъ исключительно въ катта-курганскомъ отдѣлѣ, занимая его сѣверо-западную часть, на югъ отъ туркменовъ; по обѣимъ берегамъ Акъ-Дарьи, и только у Хатырчей доходя до праваго берега Кара-Дарьи.

Большая часть ихъ территоріи гористо-степнаго характера и одинъ югъ ея узкой полосой лежитъ въ Міанканѣ.

Джалаиры считаютъ себя родственниками туркменъ; по ихъ словамъ, туркмены и они происходятъ отъ одного родоначальника—Сарханъ-ата. О времени ихъ прихода въ округъ пока ничего неизвѣстно.

Дѣлятся они на два отдѣленія: 1) Кальчилы и 2) Болгалы. Джалаиры—преимущественно земледѣльцы. Иллюбаевъ между ними весьма мало. Сѣютъ—все.

Жены ихъ приготавливаютъ въ большомъ количествѣ пустекъ. Женятся безразлично; калымъ отъ 20—200 руб. Большинство джалаировъ имѣетъ одну жену; двѣ жены—рѣдкость. Грамотныхъ между ними нѣтъ. Они живутъ въ 34 кишлакахъ, въ смѣси съ туркменами, ктайми, багринами, мангитами и другими родами. Всего ихъ до 3.500 душъ обоюго пола.

XIX. Дурмены.

Дурмены переселились въ округъ изъ Кара-куля, въ концѣ царствованія эмира Сеида. Причину своего переселенія изъ Кара-куля они приписываютъ неурожаю на этомъ урочищѣ, происшедшему отъ занесенія ихъ пашень, во время сильнаго вѣтра, пескомъ.

Лицомъ дурмены похожи на киргизовъ, но волосы у нихъ свѣтлыя, рыжаго оттѣнка. Они называютъ себя дурмень-айтамгалы.

Кромѣ земледѣлія, они занимаются вывозомъ изъ горъ дровъ и угля.

Рѣдкій изъ дурменовъ можетъ купить себѣ жену: въ большинствѣ случаевъ они зарабатываютъ ее службой у отца дѣвушки, и естественно, въ теченіи заработныхъ лѣтъ сожительствуютъ съ своими будущими женами. Дурмены живутъ только на западѣ округа, не отдѣльными кишлаками, а по нѣскольکو семействъ въ разныхъ кишлакахъ другихъ родовъ. Всего ихъ до 300 душъ обоаго пола.

XX. Ургенчи.

Ургенчи пришли въ округъ изъ хивинскаго ханства, при Ша-муратъ-бекѣ, и расселились въ немъ по разнымъ кишлакамъ катта-курганскаго отдѣла.

Они слывутъ за хорошихъ мастеровыхъ, дѣлаютъ арбы и разныя вещи изъ дерева; ткуютъ бязь и занимаются земледѣліемъ. Всего ургенчей до 700 душъ обоаго пола.

МЕЛКІЯ НАРОДНОСТИ.

ЗАРАВШАНСКАГО ОКРУГА.

А. Д. ГРЕБЕНКИНА.

Кромѣ таджиковъ и узбековъ, о которыхъ мы говорили выше, въ заравшанскомъ округѣ живутъ еще: персы, арабы, люли, мазаны, джючи и ходжи. Посвятимъ нѣсколько страницъ описанію ихъ.

1. Персы.

Живущіе въ заравшанскомъ округѣ персы—сбродъ изъ разныхъ провинцій Персіи, изъ Герата, Кандагара и другихъ городовъ, лежащихъ на югъ отъ бухарскаго и хивинскаго ханствъ. По языку и типу они представляютъ большое разнообразіе. Кромѣ того, туземцы и русскіе называютъ именемъ „персы“ чистыхъ узбековъ, выселившихся изъ Мерва.

Не вдаваясь въ подробное описаніе заравшанскихъ персовъ, такъ какъ племя ихъ уже хорошо извѣстно, мы постараемся, въ этомъ очеркѣ, отдѣлить персовъ, которыхъ дѣйствительно слѣдуетъ называть „ирани“, отъ тѣхъ, къ которымъ названіе это вовсе нейдетъ.

Ирани (казылбани) или персы зашли въ округъ не по своей волѣ (*): всѣ они—или потомки бывшихъ рабовъ, или

(**) Въ видѣ исключенія, является нѣсколько семействъ гератцевъ и кандагарцевъ, которые добровольно бросили свою родину, вслѣдствіе или голода или недостатка работы, и поселились въ Средней Азій, между прочимъ и въ Самаркандѣ. Лѣтъ 35 тому назадъ, въ силу первой причины, переселилось изъ Герата въ Бухару 150 семействъ гератцевъ; часть ихъ перешла въ Самаркандѣ. Гератцы эти говорятъ по-узбекски, но по отзывамъ туземцевъ, грубо; кромѣ того въ говорѣ ихъ встрѣчаются слова, вовсе не понятныя жителямъ Самарканда. Они—хорошіе ткачи, по преимуществу шелковыхъ платковъ.

рабы, сдѣлавшіеся свободными съ занятіемъ Самарканда русскими войсками. Мервцевъ мы выдѣляемъ изъ ирани и опишемъ ниже.

Бывшихъ рабовъ и потомковъ рабовъ въ округѣ весьма немного. Первые изъ нихъ, съ теченіемъ времени, сливались съ таджиками или узбеками и теряли постыдный эпитетъ: кулъ (рабъ); вторыхъ, при занятіи округа, мы нашли въ немъ весьма не много, что, какъ кажется, слѣдуетъ объяснить дешевизной вольно-наемнаго труда и отсутствіемъ богачей.

Рабы, перепроданные въ десятыя руки, свыкались съ своею ненормальною жизнію, привыкали къ мысли, что Средняя Азія — ихъ новое отечество, перемѣняли вѣру и не только не помышляли о бѣгствѣ, но, получивъ вольную, рѣдко возвращались на родину. Чаще всего такіе вольноотпущенники покупали клочекъ земли, обзаводились семьей и дѣлались гражданами Средней Азіи. Кулы отпускались на волю или по обѣту, или за хорошую, долговременную службу, или по старости лѣтъ, или же, наконецъ, за выкупъ, внесенный самимъ рабомъ или его пріятелемъ-вольноотпущенникомъ. Рабыни почти всегда дѣлались законными женами своихъ владѣльцевъ, — если они были молоды и хороши собой, — или ихъ работниковъ. Чтобы получить въ жены рабынь работникъ не прибѣгалъ къ выкупу деньгами, а обязывался работать за нее извѣстное число лѣтъ, или бесплатно, за одни только харчи, или же за уменьшенную плату.

Въ самаркандскомъ отдѣлѣ заравшанскаго округа есть нѣсколько деревень, заселенныхъ одними вольноотпущенниками. *Мервцы*, неправильно называемые персіянами, переселены въ бухарское ханство, какъ извѣстно, эмиромъ Ша-муратъ-бекомъ, приблизительно 87 лѣтъ тому назадъ. Какъ человѣкъ замѣчательнаго ума, онъ ясно видѣлъ, что мервцы принесутъ ему большую пользу, какъ хорошіе земледѣльцы, волны, ремесленники и проч., и не только не обратилъ ихъ въ рабовъ, а, напротивъ, расселивъ по главнымъ городамъ, далъ имъ въ собственность, хорошія земли и пустыя сакли. Сколько именно было выселено мервцевъ — рѣшить трудно: число переселенцевъ колеблется

между 4-мя и 12-ю тысячами семействъ. Нужно замѣтить, что въ плѣнь были уведены не только жители Мерва, но и окрестныхъ деревень.

Въ Заравшанскомъ округѣ первоначально мервцевъ было мало. Двѣ трети настоящаго ихъ количества пришли въ округъ уже при Насрѣ-Улла-ханѣ, въ 1850 году. Насрѣ-Улла приказалъ возобновить каналъ Багу-Шамахъ (каналъ сѣверныхъ садовъ) и отвелъ орошаемыя имъ земли подъ помѣщеніе мервцевъ.

Мервцы округа производятъ себя отъ большаго рода *Гаждаръ* и раздѣляются на слѣдующія колѣна: 1) Когулы, 2) Шикамлы, 3) Сія-мансуръ, 4) Кара-даглы, 5) Сап-глы, 6) Акъ-тюпелы, 7) Куртъ, 8) Гурджи, 9) Кара-кашлы и 10) Якши-беглы. Кромѣ того есть еще одно наименованіе мервцевъ — *Сабзбары* или *Тадъ* (таджикъ). Первые десять колѣнъ живутъ въ смѣси другъ съ другомъ и говорятъ по узбекски. Одно изъ нихъ, именно Когулы, считается бекскимъ.

У сабзбаровъ природный языкъ — персидскій. Кромѣ языка, они отличаются отъ мервцевъ родомъ занятій и типомъ лица. Въ Мервѣ сабзбары составляли городское населеніе, занимались торговлею и ремеслами и не служили въ военной службѣ. Въ Самаркандѣ сабзбары извѣстны подъ общимъ названіемъ «мервцы» или «ирани»; но таджиками ни сами себя, ни другіе ихъ не называютъ, хотя они безспорно — таджики. Какъ ремесленники и земледѣльцы, тадъ стоятъ несравненно выше таджиковъ. Разведеніе шелковичныхъ червей, размотка коконовъ, сученіе шелку и приготовленіе шелковыхъ матерій сосредоточиваются въ ихъ рукахъ. Когулы и другія колѣна мервцевъ занимаются приготовленіемъ кошемъ и ковровъ. Многіе изъ мервцевъ занимали при эмирахъ значительныя должности, управляли провинціями, командовали пѣхотой и служили при дворѣ; но сабзбары всегда были торговцами, барышниками и ремесленниками.

Мервцы держатъ себя особнякомъ. Нельзя сказать, чтобы они удалялись таджиковъ или узбековъ, но они обходятся съ ними какъ-то особенно тонко и всегда держатся своего

кружка. Съ своей стороны, таджики и узбеки по наружности хороши съ мервцами, но никогда не упустят случая обойти ихъ. Въ обращеніи мервцы весьма мягки, но не такъ нахально льстивы, какъ таджики. Каждый мервецъ убѣжденъ, что онъ всегда получитъ поддержку отъ своихъ собратій, и потому, сильный этой увѣренностью, онъ держитъ себя достаточно самостоятельно; впрочемъ самостоятельность эта не принимаетъ у мервцевъ такой рѣзкой формы, какъ у родовитыхъ узбековъ. Мервцы единственное племя въ Средней Азій, довольное нашимъ владычествомъ и преданное намъ (*).

Мервцы стараются не выдавать своихъ дочерей ни за таджиковъ, ни за узбековъ; сами же берутъ себѣ женъ у тѣхъ и другихъ.

Домашняя обстановка мервца лучше и изысканнѣе таджикской. То же слѣдуетъ сказать о ихъ одеждѣ и пищѣ. Таджики многое переняли отъ нихъ и, между прочимъ, ношеніе шелковой одежды, крашеніе бороды и ногтей, пловъ, ичиги и проч. Сады мервцевъ очень хороши, а дома ихъ чисты и уютны. Мервцы называютъ остальныхъ заравшанцевъ *варварами*.

Мервцевъ и персіянъ въ округѣ до 1,000 семействъ.

II. Арабы.

Арабы округа дѣлятся на два типа. Первые изъ нихъ имѣютъ лицо весьма правильное, обильно поросшее волосами, глаза большіе, выразительные, разныхъ цвѣтовъ, но преимущественно темно-каріе, носъ длинный, орлиный. Они выше средняго роста, крѣпко сложены и сильны. Шея, плечи и грудь покрыты длинными густыми волосами. Арабы эти живутъ около Самарканда въ Ходжа-ограрскомъ пред-

(*) Мервцы прежде были шииты; по переселеніи же своемъ въ бухарское ханство они приняли суннитскій толкъ. Люди знающіе говорятъ, что они не забыли религіи своихъ дѣдовъ. Видимымъ подтвержденіемъ такого мнѣнія можетъ служить то обстоятельство, что они, вообще будучи народомъ способнымъ, не имѣютъ въ своей средѣ ни ученыхъ, ни муллъ.

мѣсть; въ Катта-Курганѣ же заселяютъ кварталъ Арабхана и нѣсколько окрестныхъ деревень. Въ катта-курганскомъ отдѣлѣ ихъ больше, нежели въ самаркандскомъ. Говорятъ они по таджикски (*). Арабы втораго типа черны или темно-смуглы; лицо ихъ—съ рѣзко выдающимися скулами, рѣдкой бородой (**), толстыми губами и мясистымъ носомъ. Сложенія они сухаго, весьма сильнаго и славятся какъ отличные наѣзники. Языкъ ихъ—узбекскій. Они живутъ въ ангарскомъ тюменѣ и въ чулѣ около Катта-Кургана.

Относительно времени прихода арабовъ въ Среднюю Азію существуетъ два преданія: первое говорить, что они пришли сюда какъ завоеватели и вводители исламизма, еще при Уалиханѣ, Ша-и-зинда и другихъ ревнителяхъ распространенія магометанства, второе же—что ихъ привелъ въ Среднюю Азію эмиръ Тимуръ, при возвращеніи своемъ изъ походовъ на западныя государства.

Арабы перваго типа считаютъ себя потомками арабовъ—вводителей магометанства.

Между туземцами округа арабы пользуются весьма незавиднымъ реноме; про нихъ говорятъ: „вреть какъ арабъ“, или „такой-то ловкій мошенникъ, хотя и не арабъ“, и т. под. Даже есть анекдоты, сложенные про мошенничества арабовъ. Расскажу одинъ изъ нихъ. — У самаркандскаго бека была необыкновенно красивая и весьма цѣнная лошадь. Беку этотъ, — что рѣдко бываетъ между ними, — былъ человекъ очень справедливый и для всѣхъ доступный; хорошими его качествами арабы порѣшили воспользоваться. Подсмотрѣвъ на водопоѣ, что у любимаго бекомъ коня, на одномъ изъ коренныхъ зубовъ есть небольшое черное пятно, они послали одного изъ своей среды къ беку съ жалобой на то, что слуги его украли у нихъ лошадь. Выслушавъ эту жалобу, бекъ приказалъ найти виновнаго и отобрать отъ него лошадь: но ему

(*) Родственники этихъ арабовъ находятся въ западной части Каршинскаго округа, гдѣ они славятся особой породой овецъ и хорошими лошадьми. Каршинскіе арабы говорятъ между собою на испорченномъ арабскомъ языкѣ.

(**) Безбородые—не рѣдкость.

возразили, что жалующійся арабъ считаетъ украденною у него ту самую лошадь, которую онъ видѣлъ у бека. Удивившись этому заявленію, бекъ потребовалъ у араба доказательствъ. Тогда проситель сказалъ беку: „пустъ сперва конюхи твои укажутъ на примѣты украденной лошади, а потомъ я укажу“. Конюхи бека, перечисляя примѣты, разумѣется не указали на пятно на зубу. Арабъ же, заявивъ, что они скрытыхъ примѣтъ лошади не знаютъ и что это служить противъ нихъ уликой, прибавилъ: „посмотрите у лошади зубы: на такомъ-зубу, съ такой-то стороны, есть маленькое черное пятнышко“. Указаніе на это пятнышко, о которомъ никто не подозрѣвалъ, заставило бека отдать собственную его лошадь хитрому арабу. „Да ты не арабъ ли?“ спросилъ бекъ у просителя. Получивъ утвердительный отвѣтъ, бекъ приказалъ никогда больше не допускать арабовъ къ его лошадямъ.

Между тѣми и другими арабами есть полукочевники и земледѣльцы. Скота у первыхъ не много; болѣе богатые имѣютъ до 350 овецъ; остальные, среднимъ числомъ, по 100. Арабы самаркандскаго отдѣла кочуютъ въ Агалыкъ-тау, Миранкулъ и около озера Кадыръ-берды, а катта-курганскаго отдѣла—отъ Чимбая къ Джаму.

Арабы занимаются производствомъ шерстяныхъ и бумажныхъ матерій. Ковры ихъ выдѣлки весьма изрядны. Женятся они между собою и даже (въ катта-курганскомъ отдѣлѣ) преслѣдуютъ тѣхъ, которые рождаются съ другими народностями. Калымъ выплачивается отъ 40 до 200 р. Бѣдные женятся безъ калыма на ближайшихъ своихъ родственницахъ. Въ военную службу арабы перваго типа рѣдко поступали; вторые же—всегда служили въ сипаяхъ. Грамотныхъ между арабами весьма мало. Муллы ихъ изъ таджиковъ. Арабы дѣлятся на слѣдующія отдѣленія: Занъ-гун, Ходжаги, Садъ-хаса, Альсады, Искандери и Рашиди. Отдѣленіе Искандери происходитъ отъ Достъ-Магомета изъ корейшидовъ. Занъ-гун живутъ въ ангарскомъ тюменѣ, а Рашиди—въ Ходжаохрарѣ. Число арабовъ въ округѣ не превышаетъ 2,000 семействъ.

III. Мазанъ, Люли и Джючи.

Живущихъ въ Заравшанскомъ округѣ *мазанъ, люли и джючи*, Ханыковъ относить къ цыганамъ. Однако они, какъ по лицеочертанію, такъ и по занятіямъ разнятся другъ отъ друга.

1) *Мазанъ* говорятъ, что большая часть ихъ поселилась въ округѣ только лѣтъ двадцать пять тому назадъ. До этого же времени они жили въ Бухарѣ, откуда выѣздъ ихъ всегда затрудняемъ былъ разными стѣснительными формальностями. Мазанъ живутъ осѣдло въ двухъ деревняхъ: Дагбитѣ и Халваи, занимаясь земледѣліемъ. Женщины ихъ, кромѣ того, ведутъ торговлю разными бездѣлушками, пригодными для незатѣйливаго туалета туземныхъ красавицъ. Онѣ переходятъ изъ дома въ домъ, изъ деревни въ деревню, вездѣ предлагая свой товаръ, и такимъ образомъ заходятъ въ кочевки узбековъ и въ глубь горъ Заравшана—къ Гальчамъ. Женщины мазановъ не выходятъ за мужъ за узбековъ или таджиковъ: равно и мазаны не берутъ себѣ женъ внѣ своего племени. Жены ихъ никогда не закрываются, имѣютъ правильное, красивое лицо и отличаются граціознымъ сложеніемъ. Мазанъ не больше 200 душъ обоого пола.

2) *Люли*. Туземцы говорятъ, что Люли—тѣ же мазанъ, но не осѣдлые, а кочующіе. Мы считаемъ ихъ отдѣльнымъ народомъ, ближе всего подходящимъ къ цыганамъ. Ихъ въ округѣ отъ 400 до 500 душъ обоого пола.

Люли все теплое время года проводятъ въ бязевыхъ шатрахъ, въ какихъ кочуютъ цыгане на югѣ Россіи. Кочуютъ они отдѣльными таборами, шатровъ въ 10—20; останавливаются по близости деревень, на лужайкахъ; живутъ на одномъ мѣстѣ день—недѣлю, и въ это время занимаются мѣной лошадей, покупкой и продажей ихъ, мелкимъ воровствомъ, дѣланіемъ деревянныхъ ложекъ, чашекъ и прочей хозяйственной утвари. Женщины гадаютъ, лѣчатъ, вымѣниваютъ въ одномъ мѣстѣ нитки на хлопокъ, въ другомъ хлопокъ на нитки, и т. п. На зиму Люли выпрашиваютъ себѣ въ какой-

нибудь деревнѣ саклю, въ которой помѣщаются со всѣмъ своимъ имуществомъ. Дѣти и женщины бродятъ зимою по деревнямъ, выпрашивая милостыню, не смотри на то, что Люли—люди съ достаткомъ. Мульъ у Люли нѣтъ, но официально они называютъ себя магометанами.

До Насръ-Улла-хана Люли имѣли рабовъ и отдавали ихъ въ работу туземцамъ за извѣстную плату, но Насръ-Улла запретилъ имъ это барышничество.

Какъ женщины, такъ и мужчины Люли по типу сильно напоминаютъ цыганъ.

3) *Джючи*, по сохранившемуся у нихъ преданію, пришли въ Міанканъ при эмирѣ Сеидѣ. Своей родиной они считаютъ Гисаръ, Зиди, рѣку Кафирніанъ *) и вообще сѣверо-восточную часть гисарскаго бекства, гдѣ ихъ и въ настоящее время очень много **): ими заселены цѣлые города.

Джючи—земледѣльцы; кромѣ того, они снабжаютъ весь округъ деревянными подѣлками, выдѣлывая во множествѣ ложки, баки, корыта, вилы, лопаты; они гнутъ ободья для арбъ, точатъ ступицы, шьютъ тубетейки, пояса, дѣлаютъ оловянные кольца и проч.

Число ихъ намъ неизвѣстно. О женитбѣ Люли и Джючи слѣдуетъ сказать то же, что сказано выше о Мазанъ.

IV. Ходжи.

Ходжи, какъ извѣстно, потомки Магомета по женской линіи. Всякій, считающій себя ходжей, обязанъ имѣть документъ, подтверждающій это происхожденіе. Въ округѣ на самомъ дѣлѣ ходжей нѣтъ: всѣ называющіе себя ходжами—самозванцы; тѣмъ не менѣе, разъ назвавшись ходжами, они стараются, на сколько хватаетъ у нихъ силъ и умѣнья, поддерживать свое званіе. Такъ, они даютъ народу благословіе, не вступаютъ въ бракъ съ обыкновенными смертными,

*) Джючи—не кафиры ли?

***) Джючи же живутъ и по рѣкѣ *Ягнобъ* (Ягнь-объ), протекающей по Бокгану.

на томашахъ стараются занимать самыя почетныя мѣста, мало говорятъ; а если говорятъ, то стараются свести разговоръ на своихъ предковъ. Всѣ они по большой части глупы; племенное свое происхожденіе они скрываютъ, не называя себя ни узбеками, ни таджиками, а просто „ходжа“. и увѣряютъ, что ходжа—особое племя. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ *ходжа-казакъ*, которые производятъ себя изъ рода Киргизъ (казаковъ тожь).

Въ округѣ есть нѣсколько видовъ ходжей, которыхъ мы и поименуемъ.

1) *Акъ-сіакъ-ходжа* (ходжа бѣлой кости). Эти ходжи—выходцы изъ Ходжента; они считаютъ себя потомками *Хазрета-Алія-Имамъ-Магомедъ-Халифія*. Родословная ихъ, по ихъ словамъ, находится у ходжентскихъ акъ-сіаковъ *). Время выхода своего изъ Ходжента они относятъ къ царствованію Надиръ-Магомедъ-хана (?!). Акъ-сіакъ-ходжа живутъ сгруппированно только въ одной деревнѣ *Суанчи* (яны-курганскаго тюменя); въ нѣкоторыхъ другихъ деревняхъ округа ихъ находится подому—по два. Акъ-сіакъ-ходжа—земледѣльцы; но главное средство ихъ существованія—раздача благословеній за извѣстную плату. Изъ акъ-сіаковъ ходжей могутъ быть духовныя лица слѣдующихъ званій: Уракъ, Судуръ, Садыръ, Фейзъ, Миръ-асадъ, Накибъ и Шейхъ-уль-исламъ.

2) *Акъ-сіакъ-ходжа-казакъ* выселились изъ-подъ Туркестана, съ урочища Карнакъ, при эмирѣ Сеидѣ. Они считаютъ себя потомками святаго Аулія-ата, могила котораго находится въ городѣ Аулія-ата. Документы на происхожденіе ихъ отъ этого святаго хранятся въ Ташкентѣ. Эти ходжи живутъ въ деревняхъ Акъ-курганъ, Курпе и Ходжа, что на Полванъ-арыкѣ. Всѣ они весьма бѣдны, нанимаются въ работники жать хлѣбъ.

3) *Ходжа-бахшанишъ* (оспопрививатели) производятъ себя отъ святаго Хоросанъ-ата, похороненнаго въ Мехмедѣ. Въ

*) Ходжентскіе, мы полагаемъ, скажутъ, что ихъ документы на званіе ходжей у заравшанцевъ, и т. д.

округъ они пришли изъ Дашты-Кипчака, при Абду-файсъ-ханѣ, и поселились въ Ходжа-кишлакѣ чилекскаго тюменя, въ самомъ Чилекѣ и Кара-кентѣ. Главная профессія этихъ ходжей—оспопрививаніе. По ихъ словамъ, оспопрививанію научилъ ихъ праотецъ Хоросанъ-ата. Бахшайши прививаютъ оспу по индійскому способу; за прививку берутъ отъ 10 до 40 коп., смотря по состоянію семейства, въ которомъ прививается оспа. Бахшайши переѣзжаютъ изъ деревни въ деревню и вездѣ предлагаютъ свои услуги.

4) *Ходжа*, живущіе въ деревняхъ Ябу, Тогай-куся и Тохчи, называютъ себя потомками *Ходжа-Ахмедъ-исави*, т.-е. Хазретъ-султана туркестанскаго. Въ округъ они пришли при эмирѣ Сеидѣ, изъ-подъ Туркестана. Ходжи—земледѣльцы, ткутъ бязъ и алачу. Женятся на дѣвушкахъ изъ рода ходжей же. По ихъ обычаю, мужъ увозитъ молодую въ свой домъ въ ночь вѣнчанія.

5) *Шейхъ*—выходцы изъ хатырчинскаго бекства; живутъ въ одной деревнѣ катта-курганскаго отдѣла Шалпмарданъ (40 домовъ); ткутъ алачу и каламу.